

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

F50/4

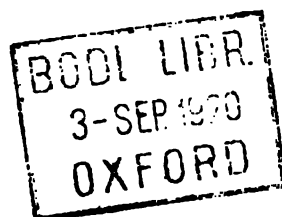
Утв. X. 1. 1. 1.
N 250.

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ
ВЪ
И М Е Р Е Т І Ю
СЪ
Л И Н И К А В К А З С К О Й,
МОЕ ТАМЪ У ЦАРЯ ПРЕБЫВАНІЕ, СЪ НИМЪ СНОШЕНІЕ
И ОБРАТНОЕ ОТТУДА
ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗИЮ.

СОЧИНЕНІЕ
Д. С. С. АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВИЧА СОКОЛОВА.

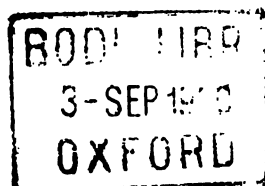
ИЗДАНИЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ЧТЕНІЯ

**въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1873 г. кн. 4-я.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весной 1870 года получилъ я для просмотра, предлагаемое при семъ, «Путешествіе», отъ Николая Петровича Ермолова, роднаго племянника нашего славнаго Алексѣя Петровича Ермолова, котораго «Записки и разныя бумаги, чрезвычайно важныя для отечественной исторіи, то же были имъ доставлены мнѣ и напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за прошлые годы (1865—1868). Я нашелъ, что «Путешествіе» это есть весьма любопытный подлинникъ и цѣнный для Исторіи нашего Закавказья, но кѣмъ составленное, не сказано въ ономъ. Забирая справки отъ сообщившаго, узналъ отъ него, что «въ Грузіи былъ назначенъ къ уничтоженію какой-то старый Архивъ; покойный отецъ мой, говоритъ Н. П. Ермоловъ (Петръ Николаевичъ, двоюродный братъ А. П., то же служившій въ Грузіи при немъ), изъ любознательности просилъ дозволенія осмотрѣть: нѣтъ ли въ немъ чего достойнаго сохраненія, и нашелъ эти записки, которыя представилъ А. П., а онъ подарилъ мнѣ ихъ въ 1859 году. Рукопись составляетъ книгу въ листъ, писанную прямо на бѣло весьма твердо, но не всегда разборчивой рукой.» Къ этому прибавлю я отъ себя: бумага ея бѣлая съ золотымъ обрѣзомъ; письмо съ полями по половинѣ листа, коегдѣ съ помарками. Всѣхъ листовъ 364 (полулистовъ или страницъ), т. е.: въ 1-й части 156, во 2-й (Грузія) 66, въ 3-й (Грузія 1802 года) 38, въ 4-й (Записка о возмущеніи въ Грузіи 1802 г.) 96, и въ 5-й (Грузія 1803 г.) 8. Къ сожалѣнію, конца послѣдней части недостаетъ. Рукопись эта переплетена самимъ А. П. Ермоловымъ тщательно и довольно красиво. Извѣстно, что нашъ богатырь занимался на досугѣ и переплетнымъ дѣломъ, такъ что чуть ли не большая часть собственной его библіотеки (поступившей еще при жизни его въ Московскій Университетъ, кажется въ 1855 г.) переплетена имъ самимъ. Это обстоя-

тельство вызвало извѣстные стихи гениальнаго нашего поэта А. С. Пушкина объ этомъ его искусствѣ.

Доискиваясь, кому бы это замѣчательное «Путешествіе» принадлежало, кто бы былъ тотъ неустрашимый смѣльчакъ, совершившій такое изумительное путешествіе съ Линіи Кавказской по вершинамъ высочайшихъ снѣжныхъ горъ въ Имеретію, я вспомнилъ, что въ «Журналѣ Посольства въ Персію Генерала А. П. Ермолова 1817 года (см. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Истор. и Древн. Росс.» 1863 г. кн. 2, отд. V, стр. 121—184), на стр. 134 и слѣд. упоминается о Совѣтникѣ Посольства Соколовѣ. Не онъ ли, подумалъ я тогда, тѣмъ болѣе, что и подлинная рукопись сего «Путешествія» очутилась у Ермоловыхъ и ими для потомства сохранена. Перебирая въ памяти своей, я вспомнилъ еще о сочиненіи Г-на Н. Дубровина: «Закавказье отъ 1803 до 1806 года» (Спб. 1866), въ которомъ замѣчено, что Императоръ Александръ I-й, внимая просьбамъ Имеретинской Царицы Анны, въ Петербургѣ жившей, отправилъ Коллежскаго Совѣтника Соколова для переговоровъ съ Царемъ Имеретіи объ освобожденіи ея сына, Константина, заключеннаго послѣднимъ въ темницу. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сношеніяхъ посланнаго съ Царемъ, совпавшія вполне со свѣдѣніями, содержащимися въ «Путешествіи», утвердили меня въ мысли, что сочинитель «Путешествія» долженъ быть именно этотъ Соколовъ. Тогда я отнесся, въ началѣ Марта (6-го) прошлаго года къ Г. Директору Азіатскаго Департамента, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. Н. Стремоухову, прося его приказать навести справки въ Архивѣ сего Департамента, не одно ли и то же Г. Соколовъ, какъ членъ Посольства въ Персію, съ Соколовымъ, отправленнымъ Государемъ въ Имеретію, и если это правда, какія имѣются о немъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія? Въ половинѣ Августа того же года я получилъ изъ Департамента Азіатскаго письмо (отъ 25-го Іюля), и при немъ просимыя мною свѣдѣнія, вполне подтвердившія мою догадку. Свѣдѣнія сіи говорятъ слѣдующее:

Александръ Егоровичъ Соколовъ, сынъ Ставскаго Совѣтника, родился въ 1780 году, и 13-го Генваря, 1793 г., зачисленъ былъ Каптенармусомъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ. Въ этомъ полку онъ прослужилъ до 1-го Генваря, 1796 г., и съ чиномъ Капитана арміи уволенъ былъ изъ военной службы. 31-го Мая того же года онъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ, до восшествія на престолъ Павла I-го, состоялъ при членѣ этой Коллегіи, Графѣ Безбородкѣ, и потомъ, числясь при Канцлерѣ, Свѣтлѣйшемъ Князѣ Безбородкѣ, находился у исправленія дѣлъ при Тайномъ Совѣтникѣ Обрѣзовѣ, вмѣстѣ съ которымъ участвовалъ въ Высочайшихъ путешествіяхъ въ Москву, Казань и Западныя Губерніи. 28-го Декабря, 1798 г., онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ посланъ на островъ Мальту, съ назначеннымъ туда Комендантомъ, Генералъ-Маіоромъ Княземъ Волконскимъ, за которымъ и слѣдовалъ, при корпусѣ Россійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Ребиндера, черезъ Галицію, Угрію, Штирію и Ломбардію, до соединенія этого корпуса съ арміею Генералиссимуса, Князя Италійскаго, Графа Суворова-Римникскаго, при чемъ находился въ дѣйствіяхъ этой арміи при Александріи, Тортонѣ и Нови. За тѣмъ слѣдовалъ, за Княземъ Волконскимъ, въ Неаполь. Изъ Неаполя же, съ наступленіемъ 1800 года, на эскадрѣ Адмирала Ушакова, возвратился, черезъ Крымъ, въ Петербургъ, гдѣ, отъ Декабря, 1800 года, до Мая, 1802, находился у исправленія дѣлъ при Вице-Канцлерѣ, Князѣ Куракинѣ, а 28-го Мая, 1802 года, былъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Грузію и Имеретію, для освобожденія Царевича Константина, сына Царицы Анны Имеретинской, проживавшей въ Петербургѣ, изъ заточенія у Имеретинскаго Царя Соломона, его дяди. Кроме того, ему поручено было, секретной инструкціей Вице-Канцлера, разузнать настроеніе духа и отношенія Кавказскихъ народовъ къ Россіи и по возможности стараться привлекать и располагать ихъ къ нашему Правитель-

ству ласковымъ обращеніемъ; наконецъ онъ долженъ былъ еще оказать поддержку новоизбранному, съ согласія народа, Патріярху Армянскому, Даніилу, съ которымъ соперничалъ Давыдъ, утвержденный въ санъ Патріярха Армянскаго фирманомъ Султана Турецкаго. Въ помощники Соколову данъ былъ Коллежскій Ассесоръ Яковлевъ, родомъ Грузинъ, такъ какъ знаніе этого языка было положительно необходимо для предпринимаемаго путешествія.

8-го Іюля, 1802 года, прибылъ Соколовъ въ предѣлы Царства Имеретинскаго, но до 25-го Іюля не могъ добиться приѣма у Царя, который все откладывалъ его подъ разными предлогами. Да и на самомъ приѣмѣ, на вопросъ Соколова: «Намѣренъ ли онъ исполнить просьбу Государя относительно Царевича Константина, выраженную въ Высочайшей грамотѣ?» Царь отвѣчалъ уклончиво, и вообще вслѣдствіе старался протянуть окончательные переговоры объ этомъ дѣлѣ. 27-го Іюля наконецъ Царь призвалъ къ себѣ Соколова, и пояснилъ ему причины его нерѣшительности: «Царевичъ, говорилъ онъ, содержится у него въ качествѣ заложника; онъ былъ оставленъ при дворѣ отцомъ своимъ, Царемъ Давыдомъ, въ знакъ того, что онъ, Давыдъ, не будетъ предпринимать никакихъ неиріязненныхъ дѣйствій противъ Царства Имеретинскаго. Скоро, однако, Давыдъ былъ уличенъ въ измѣнѣ, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, и тамъ скончался, а Царевичъ съ тѣхъ поръ и держится въ крѣпости. «Если же я ему дамъ свободу (продолжалъ онъ), то боюсь, чтобы онъ, изъ личной мести ко мнѣ, не причинилъ безпокойства Царству.» Напрасно Соколовъ пытался успокоить его: Царь стоялъ на своемъ.

5-го Августа прибылъ въ Хонцкару, мѣстопробываніе Царя, диванъ (писецъ) Князь Леонидзе, который, посѣтивъ Соколова, отъ имени Царя объяснилъ ему, что «есть еще причина, мѣшающая Царю исполнить просьбу Государя, а именно: война, которую Царь ведетъ съ владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ, еще не окон-

чена, и если Соломонъ выпуститъ Царевича, то будутъ думать, что онъ сдѣлалъ это по принужденію, но что, какъ только военныя дѣйствія прекратятся, онъ освободитъ Царевича, и или усыновитъ его и сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ, или отправить его въ Россію.»

10-го Августа наконецъ Соколовъ уѣхалъ изъ Хонцкара, не имѣвъ желаннаго успѣха.

Точно также ни чѣмъ не кончилась попытка Соколова при дворѣ Хана Эриванскаго относительно допущенія Патріярха Даниіла въ престольный градъ Эчміадзинъ. Ханъ отвѣчалъ ему, что онъ, какъ единовѣрецъ, долженъ повиноваться Султану Турецкому, фирманомъ котораго утвержденъ въ Патріаршествѣ Давыдъ, а не Даниилъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Соколовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ, отозванъ былъ обратно въ Петербургъ, а веденіе начатыхъ имъ дѣлъ поручено было тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи, Князю Циціанову. На возвратномъ пути, въ Тифлисѣ, Соколову поручено было доставить въ Петербургъ двухъ Грузинскихъ Царевичей, Вахтанга Иракліевича и Давыда Георгіевича, съ Царевной Катеваной Константиновной.

Съ 1804-го находился Соколовъ при Товарищѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Князѣ Черторыйскомъ, до увольненія его, въ 1806 г., при чемъ, 1805 г., удостоенъ былъ почетнаго званія Герольда Ордена Св. Екатерины. Въ 1806 онъ былъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники и прикомандированъ, по Высочайшему Указу, къ Главнокомандующему арміею нашей въ Молдавіи и Валахіи, Генералу отъ Кавалеріи Михельсону, для занятій по дипломатической части, гдѣ оставался до 1808 года. Въ 1809, по Высочайшему Указу, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, исправлялъ должность Оберъ-Секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 году вторично исправлялъ эту должность въ продолженіи одного мѣсяца, и наконецъ, въ 1816 году, былъ утвержденъ въ этомъ званіи, но носилъ его только съ Января до Іюня. Въ

Юнѣ же онъ былъ назначенъ Совѣтникомъ Миссіи въ Персію. Чрезвычайнымъ и полномочнымъ Посломъ этой Миссіи былъ назначенъ Генералъ-Лейтенантъ Ермоловъ, Совѣтниками же: Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Соколовъ и Негри.

При отправленіи Соколова въ Персію Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать семейству его, состоявшему изъ жены и 3-хъ малолѣтнихъ дѣтей, ежегодно пособіе въ 2 тысячи рублей серебромъ, не въ зачетъ того жалованья, которое Соколовъ долженъ былъ получать въ Персію.

Въ бытность свою при Посольствѣ, въ 1816 и 1817 годахъ, Соколовъ велъ довольно подробный журналъ, въ которомъ описалъ путешествіе Миссіи къ мѣсту ея назначенія, пребываніе и дѣйствія ея въ Тегеранѣ. Журналъ этотъ представленъ былъ Генераломъ Ермоловымъ Графу Нессельроду, тогдашнему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, и нынѣ хранится въ Государственномъ Архивѣ. *

Этотъ полезный, трудолюбивый и ревностный чиновникъ кончилъ жизнь самоубійствомъ: онъ застрѣлился 4-го Мая, 1819 года. Причины, побудившія его къ этому, не извѣстны.»

Что сказать къ этому? Такъ-то у насъ нерѣдко гибнутъ самые замѣчательные люди, характеры стойкіе, неустрашимые ни передъ какими трудностями, пламенно ревностные къ благу и славѣ отечества, передающіе при томъ въ поученіе скромно, просто, безхитростно свои дѣла въ запискахъ, къ крайнему сожалѣнію, не всегда полностью доходящихъ къ потомству.

О. Бодянский.

* Есть ли это что отличное отъ Журнала Посольства А. П. Ермолова въ Персію, напечатаннаго мною въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1863 г., кн. 2?

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ ВЪ ИМЕРЕТІЮ

СЪ

ЛИНІИ КАВКАЗСКОЙ, МОЕ ТАМЪ У ЦАРЯ ПРЕБЫ-
ВАНІЕ, СЪ НИМЪ СНОШЕНІЕ И ОБРАТНОЕ ОТТУДА
ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГРУЗІЮ.

Цѣль сего моего начертанія не иная, какъ токмо та, чтобы составить полную и подробную историческую записку моего путешествія чрезъ мѣста, едва ли обстоятельно извѣстныя, и всего въ путешествіи семъ со мною случившагося, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ топографическихъ и статистическихъ замѣчаній, которыя мнѣ и время и обстоятельства сдѣлать позволили.

По чему и начинаю я записку сію со дня моего прибытія на Линію Кавказскую, въ Георгіевскъ.

Пріѣхавъ туда Іюня 23-го и нашедъ уже тамъ Главнокомандующаго, Г. Генералъ-Лейтенанта Кнорринга, изъ Грузіи, по открытіи тамъ новаго правленія возвратившагося, явился я у Его Превосходительства для врученія депешъ, до экспедиціи, Высочайше на меня возложенной, относившихся, по которымъ долженъ я былъ требовать отъ сего начальника тѣхъ вспомоствованій, которыя, для безопасности путешествія по ущельямъ горъ Кавказскихъ, по его благоразсмотрѣнію, мнѣ были нужны.

Въ ту же минуту Главнокомандующій приказалъ отправить нарочнаго въ Моздокъ съ повелѣніемъ, чтобы живущій тамъ нѣкто Ильинъ, Капитанъ Горной Казачей Команды, по его мнѣнію 24-го назначилъ проводника и явился въ Георгіевскъ. По чему и долженъ я былъ оставаться въ Георгіевскѣ на нѣсколько дней для ожиданія прибытія Ильина. Бывъ весьма обласканъ лично Главнокомандующимъ и его семействомъ, я не счелъ уже за нужное распространять мое знакомство съ другими особами начальствъ

разныхъ званій, тѣмъ наче, что, по краткости времени моего въ Георгіевскѣ пребыванія, я въ томъ порядочно бы и не успѣлъ.

Занимаясь часто съ Главнокомандующимъ разговорами о новопріобрѣтенномъ Царствѣ Грузинскомъ, я тщательнѣйшее вниманіе обращалъ на все, что отъ него слышалъ, дабы почерпнуть изъ устъ его предварительное понятіе о сей области и о всемъ оной существованіи, особенно же въ отношеніи къ управленію оной новымъ Россійскимъ начальствомъ и къ взаимнымъ оной сношеніямъ съ сосѣдственными владѣльцами Азіи.

Главнокомандующій меня занималъ всегда пространно о своемъ путешествіи по Грузіи, о расположеніи въ оной войскъ, для преграды отъ хищниковъ, Грузію разорять привыкшихъ, и о трепетѣ, поселенномъ въ сосѣдяхъ, которые всѣ уже начали ознаменовывать искательство Высочайшаго покровительства Двора Россійскаго.

При всякомъ же случаѣ Главнокомандующій мнѣ изъяснялъ сомнѣніе свое въ томъ, что едва ли будетъ мнѣ возможность путешествовать въ Имеретію черезъ Грузію, въ разсужденіи того, что рѣка Терекъ, по ущелью горъ, черезъ кои ведетъ дорога въ Грузію, текущая, уже выступила изъ предѣловъ своихъ отъ растаевающихъ снѣговъ, и мосты разрушила.

Въ верстахъ въ 25 отъ Георгіевска разстояніемъ находятся, близъ крѣпости Константиногорской, кислыя теплыя воды, изъ горъ истекающія, а далѣе въ Нагайскія кочевья еще верстъ за 30 таковыя же студеныя, начинающія славиться пользою и лѣченіемъ отъ разныхъ недуговъ. Любопытство хотя и завело было меня въ Бештовъ, мѣсто теплыя воды въ себѣ заключающее, но нашедъ тамъ знакомыхъ, изъ Москвы пріѣхавшихъ, и видя, что въ короткое время я бы не успѣлъ всего обозрѣть, пробывъ тамъ одинъ день, я возвратился паки въ Георгіевскъ, гдѣ нашелъ уже и Капитана Ильина, изъ Моздока прибывшаго.

Сей человѣкъ, многожды на вѣку своемъ путешествовавшій по всей цѣпи горъ Кавказскихъ, рекомендованъ мнѣ былъ надежнѣйшимъ проводникомъ въ неизвѣстномъ мнѣ пути. Поелику же онъ не предвидѣлъ возможности къ слѣдованію въ Имеретію черезъ Грузію по выше писаннымъ причинамъ, то предлагалъ мнѣ другую дорогу, прямо въ Имеретію ведущую, вершинами снѣговыхъ горъ, предваривъ, однако же, меня, чтобы я самъ съ собою посовѣтовался, буду ли я въ состояніи перенести всѣ трудности

сего пути, въ разсужденіи того, что, по его увѣренію, надобно будетъ проходить пѣшкомъ верстъ 40 снѣгами и льдами.

Обязанъ будучи природѣ, безстрашіемъ меня наградившей, я предоставилъ Ильину избраніе дороги, съ какими бы трудностями сопряжена она ни была, изъявивъ ему свое желаніе, какъ найскорѣе въ путь отправиться.

Получивъ отъ Главнокомандующаго, пужныя къ воинскому въ Моздокъ начальству, предписанія о снабженіи меня конвоемъ для безопасности въ горахъ, наполненныхъ хищниками, поѣхалъ я изъ Георгіевска 28-го Іюня съ разсвѣтомъ въ Моздокъ, куда достигъ того же числа по полудни и куда впередъ себя же я отправилъ Ильина.

Случай благопріятствовалъ Ильину встрѣтить въ Моздокѣ старшихъ двухъ братьевъ Осетинскихъ селеній Кубатіевыхъ, тѣхъ самыхъ, чрезъ которыхъ путешествіе мое онъ располагалъ, кои тамъ находились для покупки ишеницы. Отобравъ отъ нихъ согласіе быть моими проводниками, до самыхъ подошвъ снѣговыхъ горъ въ Имеретію граничущихъ, представилъ онъ о томъ Коменданту, который, имъ сдѣлавъ пространное толкованіе о услугѣ, каковую они тѣмъ окажутъ предъ главнымъ начальствомъ, отобравъ отъ нихъ увѣреніе, что они безопасно меня проводятъ и въ самую Имеретію, чрезъ всѣ селенія хищниковъ, въ горахъ обитающихъ, которые всѣ съ сими Кубатіевыми въ связяхъ по родству.

Въ Моздокъ я нашелъ Грузинскаго Князя Ратіева, пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга съ прочими изъ свиты Царевичей, въ отечество отпущенными, который тамъ находился въ ожиданіи оказіи ѣхать въ Грузію.

На канунъ моего изъ Моздока отъѣзда Комендантъ мнѣ предложилъ взять съ собою Князя сего товарищемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ изъ Имеретіи могъ ѣхать въ Грузію. Я же предложеніе сіе вовсе отвергнулъ, сказавъ Коменданту, что и мой и Князя Ратіева поступокъ будетъ несообразный съ Высочайшею волею, по тому что противно порядку, чтобы Грузинцы, изъ Россіи въ отечество увольняемые, ѣхали въ оное предѣлами сосѣдственной области тогда, когда есть и прямая изъ Россіи въ Грузію дорога. Ежели же, по тогдашнему времени, оною слѣдовать возможности не было, то, по моему мнѣнію, единственное Князю Ратіеву къ тому оставалось средство ожидать въ Моздокѣ, доколѣ путь откроется.

А между тѣмъ, до сдѣланнаго еще мнѣ Комендантомъ предложенія, я уже былъ предваренъ К. А. Яковлевымъ о томъ, что Князь Ратіевъ располагалъ употребить въ пользу свою случай моего путешествія, и что въ Моздокѣ всѣмъ почти извѣстно о предметѣ оного. Весьма меня то удивило, а еще болѣе, когда я вспомнилъ примѣчаніе, Главнекомандующимъ мнѣ сдѣланное, чтобы хранить тайну о моей миссіи, дабы какимъ ни будь образомъ въ Имеретію о томъ не дошло прежде моего туда прибытія.

По порученію, отъ меня данному К. А. Яковлеву, развѣдать, какимъ путемъ о томъ разгласилось, онъ мнѣ донесъ, что Казанскаго мушкатерскаго полку Попъ Алексѣй, ѣхавшій изъ Георгіевска чрезъ Моздокъ въ Науръ, о томъ слухъ распустилъ.

Въ бытность мою въ Георгіевскѣ, между многими, Главнекомандующій мнѣ показывалъ письма, отъ Царевича Ивана въ Грузію адресованныя и въ Моздокъ перехваченныя, и при семъ случаѣ мнѣ рекомендовалъ Попа Алексѣя, употребляемаго имъ для переводовъ бумагъ Грузинскихъ, отзываясь о немъ, какъ о усерднѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ человѣкѣ. Я только и видѣлъ сего Попа Алексѣя; ибо онъ на другой же день моего въ Георгіевскѣ пребыванія отпросился, для свиданія яко бы съ родственниками въ Кизляръ, и туда поѣхалъ.

Я же долженъ былъ опасаться интригъ и изъ самаго Петербурга; ибо, до отъѣзда еще моего оттуда, К. А. Яковлевъ мнѣ неоднократно сказывалъ, что Царевичъ Иванъ ему часто говорилъ, что мы напрасно въ Имеретію ѣдемъ, и что возвратимся съ пустыми руками.

По чему, взявъ все сіе въ соображеніе, я не могъ не возымѣть подозрѣнія на Попа Алексѣя, чтобы онъ не былъ соучастникомъ въ интригахъ, для поданія, чрезъ Грузію, предварительныхъ извѣстій въ Имеретію, о моемъ туда слѣдованіи, и рѣшился о всемъ томъ написать Главнекомандующему.

Комендантъ же, убѣжденный моимъ представленіемъ, остановилъ Князя Ратіева въ Моздокѣ.

По полученіи мною увѣдомленія отъ Коменданта о готовности конвоя, изъ 90 Донскихъ и 10 Горскихъ Казакѣвъ состоявшаго, въ Екатериноградѣ меня ожидавшаго, отправился я изъ Моздока рано по утру, 30 Іюня, въ Екатериноградъ, откуда, по переночеваніи, я, въ слѣдующій день съ разсвѣтомъ, пустился далѣе.

Переправясь надъ самымъ Екатериноградомъ чрезъ весьма быструю рѣку Малку, въ Терекъ впадающую, съ потерянiемъ ток-

мо одной лошади Казачьей, быстротою унесенной, слѣдовали мы равниною и, доѣхавъ до рѣки Кара Терекъ, расположились у оной, для отдохновенія и для корму лошадей.

Отдохнувъ на семь мѣстъ часа съ 2, слѣдовали мы далѣе по весьма плодотворной степи, множествомъ цвѣтовъ испещренной и чащами дубовыми украшенной; переправясь въ бродъ черезъ мелкія рѣки Думанука, Аргуданъ, въ двухъ мѣстахъ черезъ черную рѣчку Лепенъ и Шенеръ, впадающія въ Терекъ, достигли мы одной небольшой рощи, на рѣчкѣ Урухъ, въ которой мы расположились ночевать на лугу подъ открытымъ небомъ.

Въ слѣдующій день, Іюля 2, продолжали мы нашъ путь къ, такъ называемымъ, Чернымъ Горамъ. Отѣхавши версты 3 отъ ночлега, должны мы были переправляться въ бродъ черезъ множество рукавовъ разлившіеся Уруха на подобіе Піемонтскаго Тальямсна, съ подверженіемъ себя немалой опасности отъ чересчурной быстроты сего разлива по каменистымъ рвамъ, такъ что до 40 Казаковъ, раздѣвшись и вошедши въ воду, помогали мнѣ и со мною находившимся переправляться верхомъ черезъ сія быстрые рукава.

Употребивъ часа съ два на сію многотрудную переправу, поднялись мы на горку, а съ вершины оной продолжали путь по прямой равнинѣ съ множествомъ холмиковъ до Черкесскаго селенія Коголькова, на рѣчкѣ Чаголтѣ, вокругъ коего мы занимались разсматриваніемъ многихъ столбовъ изъ камня изсѣченныхъ, съ надписями на Татарскомъ языкѣ, о коихъ старшіе Кубатіевы намъ сказывали, что оныя изображаютъ надгробіе славившихся Князей Большой Кабарды, на тѣхъ мѣстахъ погребенныхъ. Оставляя въ правой рукѣ селеніе Коголькова, не останавливаясь мы продолжали путешествіе горами весьма пологими и мѣстами густымъ лѣсомъ, по большей части дубовымъ, до Черкесскаго селенія Тугинова, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ котораго, на рѣчкѣ Бжижіоко, мы расположились въ небольшой рощицѣ на лужку для отдохновенія.

Укрѣпившись нѣсколько пищею, продолжали мы наше путешествіе равниною до перваго Осетинскаго селенія, Кубатіева, управляемаго старшинами сего названія, меня провожавшими, лежащаго на высокомъ мѣстѣ, по рѣчкѣ Псыхужъ, у подошвы Черныхъ Горъ.

Прибывши въ сіе селеніе, были мы приняты старшинами онаго, Кубатіевыми, весьма ласково и расположились на ночлегъ въ

его домѣ, для насъ очищенномъ и Осетинскими коврами, изъ соломѣ плетеными, убранномъ.

Въ вечеру хозяинъ дома, старшій братъ Кубатіевъ, Омаръ-Ханъ, сдѣлалъ намъ угощеніе по обряду Горцовъ: онъ принесъ самъ ко мнѣ огромное блюдо деревянное, наполненное хорошо разваренными частями баранины, а по краямъ онаго трехъугольниками наръзаннымъ Осетинскимъ хлѣбомъ съ овечьимъ сыромъ печенымъ, которое предъ меня поставилъ на небольшомъ деревянномъ треножникѣ.

На другой день, хотя мы встали и весьма рано, но выѣхали не прежде полудня, долженствовавъ склониться на представленіе хозяина нашего, который, извиняясь тѣмъ, что, по случаю давняго изъ дому отсутствія, долженъ былъ заняться домашними дѣлами, не оставилъ намъ, съ откровенностію, соотчицамъ его свойственною, примѣтить, что не онъ у насъ, но что мы у него въ гостяхъ.

По его же представленію о трудности предстоящаго намъ пути, чрезъ дремучія лѣса и ущелья горъ, долженъ я былъ отпустить отъ себя охранявшій меня конвой, оставивъ, однако же, при себѣ 10 Донскихъ и 10 Горскихъ Казаковъ, достаточно вооруженныхъ.

Предъ выѣздомъ изъ селенія мы хозяину, насъ угощавшему въ домѣ своемъ, должны были изъявить за то свою признательность, по чему я и послалъ къ нему нѣсколько серебряныхъ рублей и нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ цѣвокъ супругѣ, чѣмъ они были весьма довольны.

Наконецъ около полудни старшины Кубатіевы, явившись ко мнѣ, изъявили свою готовность къ походу, по чему, не медля ни минуты, я и отправился.

Проѣхавши верстъ 25 пріятными долинами и негустымъ лѣсомъ, будучи при томъ немало обезпоеваемы множествомъ комаровъ и слѣпней, и достигнувши вершины одной горы, мы на оной расположились ночевать.

Въ слѣдующій день, Іюля 4-го, предстоялъ намъ походъ весьма трудный. Поднявшись съ разсвѣтомъ, отправились въ путь, начавши спускаться весьма крутою тропинкою по хребту горы въ ущелье Черныхъ Горъ, ужасныхъ какъ стремнинами, такъ и лѣсомъ, который на оныхъ разросся ярусами отъ подошвы до вершины, что представляетъ зрителю, въ первый разъ на то взирающему, картину удивленія и ужаса.

Проходя дремучими лѣсами весьма трудною дорогою, безпрестанно поднимаясь и опускаясь по склизкимъ и грязнымъ пригоркамъ, едва проходимымъ отъ множества сваливагося лѣса, поднялись мы на превысокую гору, пріятнымъ скатомъ зелени и цвѣтовъ украшенную.

Достигнувши вершины оной, должны мы были спѣшиться и спать вѣюки съ лошадей, по тому что на самой вершинѣ надобно намъ было пролѣзть щелью въ камнѣ, сдѣланною съ помощію пороха, которая носить имя Стодугорской (или Дюгорской) заставы.

Лишь только мы перелѣзли сію щель, какъ объята были необычайнымъ шумомъ отъ стремящейся рѣки Уруха по ущелью каменныхъ горъ и съ ужасомъ увидѣвши себя на вершинѣ горы, на подобіе стѣны оканчивающейся къ подошвѣ и къ самому Уруху.

Съ величайшею трудностію должны мы были спуститься по утесу сему тропинкою, по камнямъ зигзагами проложенною, находясь ежеминутно въ опасности, чтобы съ сего утеса не свалиться въ Урухъ отъ сыпавшейся подъ ногами земли глинястой съ множествомъ камешковъ, употребивъ на сей спускъ ококо 3-хъ часовъ, и, сошедъ съ сей ужасной лѣстницы, достигли мы небольшой каменистой равнины, подъ Осетинскимъ селеніемъ Нары, на горѣ нѣсколько ниже вершины на оной построеннаго, на которой, отдохнувъ съ часъ подъ огромнымъ камнемъ, нѣкогда отъ горъ оторвавшимся, продолжали мы нашъ путь. Отъѣхавши версты съ двѣ, увидѣли мы башню, на подобіе воротъ сдѣланную, между двухъ мостовъ построенную, чрезъ которые намъ надобно было переходить. Въ семъ мѣстѣ рѣка Урухъ соединяется изъ двухъ рукавовъ въ одинъ.

Перешедъ сіи зыблющіеся мосты, мы поднялись на высокую гору, оставивъ въ лѣвой рукѣ за рѣкою Урухомъ на вершинѣ горы Осетинское селеніе Нары.

Пробираясь по весьма узкой тропинкѣ, извилинами по утесу горъ, имѣя въ право превысокую каменную скалу, мѣстами лѣсомъ обросшую, а въ лѣво стремнину сажень на 60 глубиною, въ которой по камнямъ весьма быстро и съ великимъ шумомъ течетъ Урухъ, достигли мы, часовъ въ 6 вечера, до Осетинскаго селенія Кантемира, у самыхъ подошвъ снѣговыхъ горъ лежащаго на высотѣ.

Приближавшись къ сему селенію, встрѣчены мы были жителями онаго, какъ непріатели; они, усмотрѣвъ насъ изъ далека съ башенъ своихъ, по вершинамъ горъ для осмотровъ построенныхъ, и заключивъ по вооруженнымъ Казакамъ, меня конвоевавшимъ, о насъ, какъ о непріателяхъ, собрались всѣ вооруженные къ воротамъ селенія, для отраженія насъ, и находились къ тому во всей готовности, когда мы къ оному подѣхали.

Старшины Осетинскіе Кубатіевы, хотя и считаются въ родствѣ съ Кантемирами, однако же изъ убѣжденія не имѣли надъ нами для насъ удачи, доколѣ самъ старшина Алій Кантемиръ не выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и не увидѣлъ Капитана Ильина, котораго Алій называлъ Мегметомъ, спрашивалъ о предметѣ нашего пріѣзда, и коль скоро онъ ему о томъ истолковалъ, то сей, сдѣлавъ знакъ вооруженнымъ поселянцамъ, чтобы они удалились, насъ пригласилъ къ слѣдованію за собою въ селеніе.

Главная же причина сей дурной встрѣчи, сими хищниками намъ сдѣланной, была та, что они вознегодовали на Кубатіевыхъ, для чего они насъ прямо къ нимъ привели, не давъ имъ предварительно о томъ знать, для заключенія съ ними договора о кунакѣ или платѣ, должной за пропускъ насъ черезъ селеніе и помянутые мосты чрезъ Урухъ, подозрѣвая ихъ, что они, взявши съ насъ деньги, не хотѣли, можетъ быть, съ ними подѣлиться.

Не находя пріятности остановиться въ какой либо избѣ, мы просили Алія о показаніи намъ какого ни будь лужечка, который бы былъ не отдаленъ отъ воды, и на которомъ лошади наши также бы могли имѣть кормъ, что онъ исполнилъ, указавъ намъ пріятную рощицу, въ верстахъ въ 2-хъ за селеніемъ, у самой подошвы снѣговой горы, на которой мы и расположились по Цыгански.

Того же вечера Алій Кантемиръ, пріѣхавъ меня посѣтить, прислалъ ко мнѣ послѣ живого ягненка и Осетинскаго пива. Народъ же, кромѣ женщинъ, старшій и малый, около насъ толпился, оказывая ко всему удивленіе, какъ дикіе, а мы должны были наблюдать величайшую осторожность, чтобы они насъ не обокрали, по врожденной склонности, и особенному ихъ къ тому искуству. По чему, когда зачало гораздо уже темнѣть, то мы, разложивъ на лагерь нашемъ, мѣстахъ въ десяти, огонь, разставили караулъ, а имъ посовѣтовали ити въ свои жилища; ибо они сами не хотѣли догадываться.

По утру слѣдующаго дня, 5-го Іюля, отпустилъ я обратно

10 Донскихъ и 6 Горскихъ Казаковъ, со всѣми лошадьми, давъ имъ надежнаго проводника изъ жителей Кантемирскихъ, и оставивъ при себѣ только четырехъ Горскихъ Казаковъ, знающихъ Осетинскій и Татарскій языкъ.

Я весьма сомнѣвался, чтобы отпущенные мною Казаки сохранили всѣхъ своихъ лошадей, въ разсужденіи того, что оныя, разбившись на утѣистой каменистой горѣ, когда съ оной спускались отъ, такъ называемыхъ, Дигорскихъ воротъ, едва могли дойти до сего мѣста. И дѣйствительно, въ послѣдствіи, увидѣвшись съ Офицеромъ сей команды въ Грузіи, я отъ него узналъ, что хотя онѣ дошли благополучно до Екатеринограда, но послѣ большая часть изъ нихъ подохла. Хотя я располагалъ того же дня выступить въ походъ на Снѣговыя горы, однако же долженъ былъ весь день напрасно потерять и въ сей же роищѣ еще ночевать по той причинѣ, что старшина Али Кантемиръ, обѣщая провожать меня чрезъ Снѣговыя горы до перваго селенія Имеретинскаго, собралъ людей, долженствовавшихъ насъ провожать и нести вьюки съ пожитками нашими, и заниматься торгомъ съ другими старшинами того же селенія, по обыкновенію ихъ о дѣлѣжѣ кунака.

Между тѣмъ Али въ сей день неоднократно приходилъ ко мнѣ для испытанія, не отдамъ ли я ему денегъ впередъ, на что я, однако же, ни какъ не соглашался, бывъ уже предувѣдомленъ о ненасытности сихъ народовъ и о привычкѣ дѣлать притѣсненія путешественникамъ, выпрашивая, даже и съ угрозами, болѣе и болѣе денегъ, если не возьмемъ предосторожности, не давать имъ ничего впередъ.

Разсудивъ послать кого ни будь впередъ себя въ первое селеніе Имеретинское, дабы въ ономъ изготовить какое ни будь для насъ пристанище и, есть ли можно, выслать къ намъ лошадей на встрѣчу, когда мы спустимся съ снѣговыхъ горъ, я сдѣлалъ о томъ предложеніе Алию, который въ ту же минуту оное исполнилъ, отправивъ отъ себя Осетинца.

Хотя въ назначенный день къ нашему походу, по сказанію Алиа, Іюля 6-го, мы и встали съ разсвѣтомъ, надѣясь тотчасъ въ путь отправиться, однако же Алию, коего мы въ ту же минуту послали къ себѣ звать, къ намъ не явился до 8 часу, извиняясь тѣмъ, что занимался распоряженіемъ домашнихъ дѣлъ; но и по прибытіи его потеряли мы еще часа съ 2; ибо люди, которыхъ онъ съ собою привелъ для насъ проводниками и для ношенія

вьюковъ, подняли между собою превеликой шумъ, коему причиною былъ братъ Аліевъ, также старшина, настаивавшій, чтобы и его люди были участниками въ провожаніи насъ, а не одни токмо Аліевы, въ томъ опасеніи, чтобы сей послѣдній ихъ не обманулъ показаніемъ меньшей суммы, для раздѣла между старшинами, нежели каковую отъ насъ получить въ заплату за труды, или въ кунакъ.

Наконецъ на силу споръ ихъ прекратился и народъ принялся за вьюки.

Часовъ около 9 выступили мы въ походъ въ престранныхъ нарядахъ. Одежда наша состояла изъ короткихъ Черкесскихъ кафтановъ; на головѣ у насъ были Осетинскія круглыя шапочки, на ногахъ родъ башмаковъ, весьма нефигурно спитыхъ изъ бараней кожи, на подобіе чулочныхъ носковъ, у коихъ подошва сдѣлана на подобіе сѣтки изъ тонкаго ремешка, чтобы, ходя по снѣгу, не поскользнуться; а въ рукахъ у каждого по надежной дубинкѣ для опоры.

Оставивши нашу рожицу, надобно намъ было два раза переправиться въ бродъ чрезъ Урухъ, быстро стремящійся. Странность сей переправы заслуживаетъ краткаго оной здѣсь описанія.

Нѣсколько Осетинцевъ, раздѣвшись до нага, стали въ рѣку, держась одинъ за другого отъ берега до берега, а потомъ одинъ, также до нага раздѣвшійся, взявъ меня къ себѣ на плечи, пошелъ, одной рукой подпираясь на дубинку, а другую передавая стоящимъ въ водѣ; и такимъ образомъ меня и другихъ со мною бывшихъ переправили.

Мы долго смѣялись тому, что Капитана Ильина, весьма тучнаго человѣка, ни кто изъ Осетинцевъ не бракъ нести на себѣ; но напослѣдокъ согласились двое взять его на себя, и такимъ образомъ перетасили его.

Переправясь такимъ образомъ, начали мы подыматься на гору, по весьма каменистой тропинкѣ. Безпрестанно шагая чрезъ камени и пробираясь черезъ кусты, отъ коихъ и лица и руки наши много терпѣли и безобразились, и достигнувъ до пространнаго луга, цвѣтами испещреннаго, мы на ономъ отдохнули у каскада, натурою произведеннаго стремленіемъ воды изъ многихъ источниковъ, въ одинъ пунктъ на семъ мѣстѣ собравшихся съ камня, перпендикулярно въ горѣ стоящаго, довольно высокаго; потомъ мы продолжали ити симъ пологимъ лукомъ до того мѣста, гдѣ

снѣга, и дошедъ, часу въ 4-мъ по полудни, до каменной лачужки, у онаго складенной, должны мы были, по предложенію Алія, тутъ ночевать. Не находя къ тому удобною сію лачужку; по ея тѣснотѣ и нечистотѣ, я предпочелъ ночевать на открытомъ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что погода была прекрасная, хотя было и довольно прохладно, избравъ къ тому мѣсто у огромнаго камня, по видимому, съ вершины превысокой горы сорвавшагося нѣкогда.

Укрѣпившись пищею, оставались мы въ ожиданіи ночи. Стало уже смеркаться, какъ Осетинцы, насъ провожавшіе, до того весьма спокойно пребывавшіе, начали шумѣть между собою. Будучи паки возбуждены братомъ Алія къ сомнѣнію, что мы имъ не заплатимъ за труды по окончаніи похода, пришли они къ намъ требовать оныхъ впередъ, въ чемъ я, однако же, на чисто отказалъ, ссылаясь на согласіе ихъ самихъ, чрезъ Алія мнѣ изъясненное, получить плату не прежде, какъ когда они со мною достигнутъ до перваго Имеретинскаго селенія. Не довольствуясь симъ моимъ отвѣтомъ, они отъ насъ пошли къ своей кучѣ и, вскорѣ назадъ возвратившись, намъ объявили, что они намѣрены возвратиться въ свое жилище. Не показывая ни малѣйшаго вида безпокойства я имъ пожелалъ счастливаго пути, но внутренно безпокоясь, чтобы дѣйствительно сіи дикари не оставили насъ однихъ на столь невыгодномъ мѣстѣ, призвалъ я Алія, и его спрашивалъ о причинѣ сего ихъ поступка. Онъ мнѣ съ сердцемъ отвѣчалъ, чтобы я не безпокоился; что его братъ, отъ единой къ нему недовѣрчивости, ихъ возмущаетъ, и что если они уйдутъ, то онъ найдетъ способъ меня благополучно до мѣста проводить. Видѣвши его твердость, я рѣшился ни на что не склоняться и спокойно ожидать окончанія сцены.

Бунтовщики сіи дѣйствительно начали удаляться, но чрезъ нѣсколько минутъ прислали одного изъ кучи своей къ старшинамъ Кубатіевымъ, съ требованіемъ въ залогъ его оружія, для удостовѣренія, что ихъ труды не пропадутъ, на что Кубатіевы безъ затрудненія сослались, и съ симъ же посланникомъ отправили оное къ зачинщику безпокойства, брату Аліеву, который съ онымъ отправясь домой, отпустилъ къ намъ народъ. Несносный шумъ сихъ дикарей, болѣе 2-хъ часовъ продолжавшійся, прекратившись такимъ образомъ, успокоилъ насъ совершенно. Какъ ужъ становилось поздно, то мы начинали помышлять о снѣ. Разославъ на травѣ бурки и войлоки и поставивъ на часы одного Казака, болѣе для того, чтобы не потухалъ нашъ огонь, мы спокойно

полегли, имѣя кровомъ ясное небо и восходящую луну, ни мало не предвѣщавшихъ того, что съ нами случилось.

Хотя и казалось бы, что, послѣ усталости отъ труднаго похода, въ тотъ день понесеннаго, 'должно бы было насладиться крѣпкимъ сномъ, однако же ни я, ни мой товарищъ, Яковлевъ, мы не могли заснуть, кромѣ Ильина, который намъ подавалъ поводъ ему въ семъ случаѣ завидовать. Часовъ около 10, примѣтивъ густое облако изъ за вершины горъ несшееся, я сказалъ о томъ Яковлеву съ примѣчаніемъ, сколь непріятно намъ будетъ, если пойдетъ дождь: не прошло часа, какъ то сбылось. Пошелъ сперва небольшой, но вскорѣ усилился, и вода стала уже подходить подъ бурки, на коихъ мы лежали. Принуждены мы были встать и вздумали было искать убѣжища въ помянутой лачужкѣ, дабы, по крайней мѣрѣ, быть подъ крышой, будучи ужъ мокры съ головы до ногъ; но Осетинцы, въ оную вобравшіеся, не вняли ни нашимъ убѣжденіямъ, ни Капитана Ильина, ни старшины Алія, не соглашаясь уступить намъ мѣсто.

Способомъ насилія, однако же, мы койкакъ втѣснились между Осетинцами и съ терпѣніемъ ожидали разсвѣта, весьма притомъ безпокоясь, что если дождь продлится, то содѣлаетъ вовсе невозможнымъ путешествіе наше по снѣгамъ. А Осетинцы, какъ мнѣ о томъ тутъ же сказалъ Ильинъ, между собою разговаривали, что если по разсвѣтѣ дождь не перестанетъ, то они уберутся домой.

Безпокойство наше, однако же, миновалось тѣмъ, что передъ разсвѣтомъ и дождь пересталъ и небо выяснилось. Коль же скоро стало разсвѣтать, то мы, разбудивъ Алія, его просили, чтобы онъ съ нами шелъ, на что онъ безотговорочно согласился.

Состояніе наше было не весьма завидное; ибо мы, почти до костей промокши, пустились къ снѣгамъ до восхожденія солнца, дрожа отъ мокроты и холода.

Сначала, съ версту, или болѣе, ити намъ было нетрудно по пологому скату снѣжному; потомъ столько же почти мы шли ровнымъ мѣстомъ по льду, подъ которымъ во многихъ мѣстахъ слышно журчаніе ручьевъ. Послѣ же сего стоило намъ многихъ трудовъ версты съ 2 подыматься снѣгами до самой вершины горы, весьма крутыми и подобными высунувшимся полушарамъ буграми, такъ что безпрестанно на нѣсколькихъ шагахъ мы останавливались и утоляли жажду снѣгомъ.

Наконецъ, съ помощію Божіею, около 9 часовъ утра, Іюля 7 достигли мы самой вершины и отдохнули съ полчаса на огром-

ной каменной скалѣ, съ которой, смотрѣвъ вокругъ, я любовался на облака, изъ низшихъ горъ поднимавшіяся на подобіе клубовъ густаго дыма, и мысленно занимался удовольствіемъ, находясь выше облаковъ.

По отдохновеніи на сей скалѣ, ожидали насъ новыя трудности и опасности. Надобно было спускаться со скалы въ низъ саженъ на 20, но чрезмѣрно крутому, съ вершины отвѣсному, камню, множествомъ острівъ на подобіе пирамидъ сросшемуся, а съ онаго же по подобной же снѣжной крутизнѣ, на снѣжную равнину, съ которой опять спокойно поднявшись, вошли на другую вершину. Потомъ опять спустились на снѣжное пространное поле, которое тѣмъ было опасно, что во многихъ мѣстахъ были на снѣгу разсѣлины и глубокія пропасти, на подобіе воронокъ оканчивавшіяся, кои мы всѣ благополучно миновали.

На семъ пространномъ полѣ видѣли мы множество громадъ отъ падавшихъ снѣговъ, въ ледъ превратившихся, происшедшихъ. Иныя представляли фигуры иррегулярныхъ пирамидъ, другія были подобны развалинамъ сводовъ и стѣнъ, и всѣ вообще составлены были изъ нѣсколькихъ слоевъ льду, а на вершинахъ покрыты были снѣгомъ.

Алії, удовлетворяя моему любопытству, мнѣ рассказывалъ, что громады сіи происходятъ изъ глыбъ снѣжныхъ, съ вершинъ горъ срывающихся обыкновенно весною, съ ужаснымъ трескомъ, грому подобнымъ, и во всѣхъ селеніяхъ горскихъ слышнымъ.

Прошедъ сіи мѣста, поднялись мы крутымъ бугромъ по снѣгу на высшую вершину, огромными, каменными скалами, на подобіе крѣпостной стѣны полукругомъ въ ту и другую сторону продолжавшуюся.

Взошедъ на небольшую площадку на самой вершинѣ, объятые мы были трепетомъ, обозрѣвъ утесъ, на подобіе стѣны, излучинами къ подошвѣ оканчивающійся и снѣгомъ покрытый, по которому намъ надлежало спускаться.

Отпустивъ впередъ себя всѣхъ сопутественниковъ моихъ оставилъ я при себѣ Алії, одного изъ его людей и Горскаго Казака. Опявшись веревкою и давъ передній конецъ Осетицу, а задній Алію, началъ я такимъ образомъ спускаться, сползши, съ великою опасностію, съ вершины до снѣгу, по самой узенькой и скользкой тропинкѣ.

Неописанныхъ трудовъ и опасностей намъ стоило спускаться по снѣжной сей крутизнѣ. Отъ лучей солнца, на полднѣ уже

катившагося, снѣгъ сдѣлался такъ рыхлъ, что не было возможности на ономъ ни какъ держаться; нѣсколько Осетинцевъ шли впереди, прокладывая на снѣгу слѣды, чтобы, ступивъ въ оныя, я могъ спускаться, но все то было тщетно; ибо снѣгъ безпрестанно осыпался подъ Осетинцемъ, впереди меня шедшимъ, имѣвшимъ въ рукѣ конецъ веревки, который, ежеминутно со слѣдовъ обрываясь, увлекалъ меня, а я за собою Алія. Катившись такимъ образомъ внизъ, засыпаемый съ головы до ногъ талымъ снѣгомъ, часто я почиталъ минуту послѣднею въ жизни моей.

Выбившись изъ силъ, хотѣлъ я испытать другой способъ, по предложенію Алія, тотъ, чтобы сѣсть на плечи Осетинцу, но оставилъ и оный, видѣвши, что тѣмъ я подвергалъ себя еще большей опасности: если бѣ Осетинецъ поскользнулся, то не могъ бы ни себя, ни меня, спасти.

Наконецъ, оставивъ сіе, я сѣлъ на бурку, которую Осетинцы, съ каждой стороны взявъ за уголъ, мало по малу за собою тащили, и Алій, слѣдуя за мною, меня придерживалъ за веревку, и симъ способомъ я спустился до половины горы, гдѣ начиналась излучина и гдѣ, кромѣ снѣга, я усмотрѣлъ каменные скалы. Отдохнувъ на камнѣ и мысленно принеся Всевышнему благодареніе за спасеніе меня отъ очевидной опасности, я продолжалъ спускаться уже по камнямъ, опираясь на палку и будучи поддерживаемъ со всѣхъ сторонъ Осетинцами. До самой подошвы я ползъ по симъ камнямъ, находясь ежеминутно въ опасности отъ того, что во многихъ мѣстахъ встрѣчались глинистые слои съ мелкимъ камешкомъ, весьма острымъ.

Часа въ 3 по полудни находились мы уже на небольшой каменистой равнинѣ, на которой отдыхая, взирали мы съ почтеніемъ на громаду, съ которой мы, съ Божіею помощію, благополучно спустились, имѣвши ежеминутно смерть предъ очами.

Укрѣпивши истощенныя силы наши пищею и сномъ, поднялись мы опять въ походъ, для исканія убѣжища къ ночи, въ той надеждѣ, что посланный отъ Алія Осетинецъ насъ встрѣтитъ съ лошадьми, на которыхъ мы доѣдемъ до перваго селенія Имеретинскаго.

Прошедши довольное разстояніе пріятнымъ мѣстомъ по подошвѣ горы, и переправившись въ бродъ черезъ рѣку Ріонъ, изъ ущелій Снѣговыхъ горъ истекающій, встрѣтили мы Осетинца, впереди для доставленія намъ лошадей посланнаго, который намъ донесъ, что ни лошадей, ни убѣжища для насъ, не сыскалъ,

по чему и принуждены мы были искать онаго въ какомъ ни будь закрытомъ и безопасномъ мѣстѣ. Дошедши до пріятной рощи, у подошвы небольшой горы, по коей протекалъ Ріонъ, мы въ оной расположились почевать.

На разсвѣтѣ слѣдующаго Іюля 8 послалъ я Алія въ селеніе, верстахъ въ 4-хъ отъ насъ отстоявшее, чтобы онъ сыскалъ намъ въ ономъ убѣжище и выслалъ бы на встрѣчу къ намъ лошадей. Спустя же нѣсколько минутъ потомъ, видѣвши, что дождь не перестаетъ, а при томъ же чувствуя сильный ознобъ отъ промокшаго насквозь на мнѣ платья, я рѣшился лучше ити, нежели дожидаться возвращенія Алія съ лошадьми, которыхъ я встрѣтилъ весьма близко отъ селенія, Геби называемаго.

Осѣлавши оныхъ на скорую руку, отправилъ я впередъ Капитана Ильина, дабы онъ также приложилъ стараніе сыскать квартиру, которую, однако жъ, съ великимъ трудомъ они, вмѣстѣ съ Аліемъ, отыскали; я же, пріѣхавъ въ Геби, болѣе часу стоя на лошади подъ дождемъ, на силу того дождался.

Краткое описаніе Дигора или Стодугора съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Пространство цѣпей горъ, прежде сего Дигоромъ называвшееся, простиралось на довольное разстояніе, и именно, отъ земли владѣльца малой Кабарды Тавъ-Султана (о коей подробнѣе изъяснено будетъ ниже) по краю Черныхъ и Каменныхъ Горъ и по подошвамъ снѣговыхъ, почти до Ельбруса.

Изстари Дигорцы повиновались Тавъ-Султану до тѣхъ поръ, когда Большая Кабарда возымѣла верхъ силою надъ симъ поколѣніемъ, и съ того времени Дигорцы хотя и платятъ Тавъ-Султанамъ подати за землю, но таковую же даютъ и Большой Кабардѣ, дабы тѣмъ избавиться отъ набѣговъ ихъ и разореній. Кромѣ же того Дигорскіе старшины, Кантемиры, воспитываютъ дѣтей Кабардинскихъ Князей, изъ коихъ у Алія я видѣлъ сына Князя Мисостова.

Дигорцы нынѣ раздѣляются на 2 рода, Бадилятовъ и Черкесетовъ.

Первые заключаются въ жителей Дигора, отъ селенія Нары, по правой сторонѣ рѣки Уруха, въ горахъ обитающихъ, до заставы Стодугорской, и въ селеніяхъ Кабановъ, Шегемовъ, Каражовъ, Тугановъ и Кубатіевъ, происшедшихъ отъ переселившихся изъ Дигора на землю Тавъ-Султанову семей.

А Черкесеты заключаются въ жителяхъ, обитающихъ въ горахъ, по лѣвой сторонѣ Уруха, отъ селенія Кантемира до Нары.

Сосѣдственные горскіе жители съ Бадилятами суть: Куртаянцы, Тагаурцы и Чими, подвластные владѣльцамъ Малой Кабарды, Ахлову и Мударову; сосѣди же Черкесетовъ Осетинцы, родовъ: Балкара, Ишегема и Каражей, подвластные владѣльцамъ Большой Кабарды: Балкарцы обитаютъ въ самомъ сосѣдствѣ съ Дигорцами, на рѣчкѣ Черегъ, Каражеи на рѣчкѣ того же имени, въ ущельяхъ Ельбруса, и Ишегеицы на рѣчкѣ того же имени, между Балкарцовъ и Каражей.

Почерпавъ сіи свѣдѣнія отъ старшинъ Кантемирскихъ, любопытствовалъ я отъ него о способахъ существованія Дигорцовъ, внушая имъ, сколь полезна для нихъ быть можетъ ихъ приверженность къ Россіи. Они меня увѣряли, что ни чего для нихъ лестнѣе быть не можетъ, если бы токмо они могли надѣяться на то, что имъ оказаны будутъ нѣкоторыя милости; въ семъ они никогда успѣха имѣть не могли, хотя неоднократно прибѣгали съ просьбами о томъ къ Начальствующимъ на Линіи Кавказской.

На вопросъ, отъ меня имъ сдѣланный, въ чемъ бы ихъ желанія состояли, они продолжали говорить мнѣ слѣдующее: что какъ выше сказано, Дигорцы повиновались Тавъ-Султану, въ томъ токмо отношеніи, что платили сему владѣльцу небольшую дань за землю, ими населяемую. Что нѣсколько тому лѣтъ назадъ владѣльцы Большой Кабарды, примѣтя ослабленіе потомковъ Тавъ-Султана, отъ раздѣленія, между ними происшедшаго, употребили случай тотъ въ свою пользу, начавъ господствовать не токмо надъ самими Тавъ-Султанами, но и надъ всѣми прочими селеніями, на ихъ землѣ находящимися: Кубатіевымъ, Тугановымъ, Каражовымъ, Шегемовымъ и Кабановымъ, взявъ съ нихъ большія подати и преклонивъ къ себѣ старшинъ, какъ сихъ селеній, такъ и всѣхъ Дигорскихъ, избыточными подарками; и такимъ образомъ владѣльцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самыхъ подошвъ Снѣговыхъ горъ.

Стеная подъ игомъ хищниковъ, имъ самимъ подобныхъ, и видя могущество Россіи, повсюду простирающееся къ благополучію скипетру ея покоряемыхъ, желали бы они отъ онаго избавиться.

Въ удовлетвореніе моему любопытству, какимъ бы то образомъ могло событись, они продолжали: чтобы всѣмъ Дигорцамъ, въ безплодныхъ каменистыхъ горахъ обитающимъ, было дано дозво-

леніе переселиться на землю Тавъ-Султановъ, впускъ лежащую между рѣкъ Уруха и Терека, на томъ положеніи, чтобы, при отведеніи имъ достаточнаго количества земли, за которую они не отрекутся платить подати Тавъ-Султану таковой же, каковую имъ возносятъ выше помянутыя селенія: Кубатіево, Туганово, Каражево, Ишегемово и Кабаново, построены имъ были Христіанскія церкви и къ онымъ опредѣлены священнослужители; а при томъ, чтобы они были навсегда обезпечены со стороны безопасности отъ владѣльцевъ Большой Кабарды небольшимъ, но достаточнымъ, прикрытіемъ Казаковъ или другого войска, такъ какъ подобныя прикрытія были даваны многимъ другимъ мирнымъ Осетинскимъ селеніямъ, для охраненія ихъ отъ набѣговъ Кабардинцовъ.

Границы владѣній поколѣнія Тавъ-Султановъ, какъ мнѣ старшины Дигорскіе истолковали, распространяются обширною степью слѣдующимъ образомъ: Отъ устья рѣчки Аргудана, по кряжу Сибговыхъ горъ черезъ Урухъ, до устья Аредона, продолжаются по лѣвому берегу сей послѣдней, до впаденія оной въ Терекъ, а потомъ черезъ Терекъ вверхъ по рѣчкѣ Киржиму, до устья рѣки Куркъ, и внизъ по оной до впаденія ея въ Терекъ, и наконецъ вверхъ по Тереку, до впаденія въ оную Аргудана.

Желающихъ переселиться на сію землю, по увѣренію Дигорскихъ, можно считать до 120 деревень, и въ оныхъ полагать до 1,400 дворовъ или семей.

Нынѣ существующіе Тавъ-Султаны четыре брата; одинъ старшій служитъ въ пограничномъ Моздоцкомъ Судѣ.

Они тѣмъ охотнѣе согласятся уступить впускъ лежащую степь Дигорцамъ, что не токмо возымѣютъ выгоду отъ сихъ переселенцевъ мѣною, но и обезпечены будутъ безопасностію отъ владѣльцевъ Большой Кабарды.

По моему мнѣнію, и для насъ отъ переселенія сего могутъ произойти ощутительныя выгоды въ томъ, что когда бы оное вліяніемъ Высочайшей воли на Тавъ-Султановъ въ дѣйство произвелось, то во всякомъ случаѣ, относительно хищническихъ операцій горскихъ жителей Большой Кабарды на соотчичей своихъ, Россіи покоренныхъ, населеніе пункта сего, Большую Кабарду отъ Малой раздѣляющую, могло бы служить диверсіею.

Дигорцы, не исключая изъ общаго сего названія и переселившихся на пространную землю Тавъ-Султана, которые отъ обитающихъ въ горахъ разнствуются токмо построеніемъ хижинъ, Дигорцы, которыхъ по истинѣ не можно назвать хищниками въ

сравненіи съ прочими, имъ подобными, обитателями ущельевъ, народъ ни малѣйшаго просвѣщенія еще не имѣетъ. О вѣрѣ ихъ опредѣлительно можно сказать токмо то, что нѣкогда по ихъ селеніямъ путешествовали Россійскіе Священники, у которыхъ многіе крестились въ Христіанской законъ; но понятіе объ ономъ имѣютъ весьма мало, или, лучше сказать, никакого, и всѣ вообще пребываютъ въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, исповѣдуя идолопоклонническіе обряды, наполненные предразсудками, исключая, однако же, варварства. Вообще, въ семъ народѣ замѣтна склонность къ Христіанской Вѣрѣ. Старшины ихъ или помѣщики, избираемые гласомъ народнымъ, всегда изъ семей, храбростію и благоразуміемъ отличающихся, или наслѣдственные, всѣ Татарскаго Исповѣданія.

Образъ жизни ихъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ выгодъ, или прихотей. Питаются они весьма дурно печенымъ хлѣбомъ изъ проса, или пшеницы, овечьимъ мясомъ, молокомъ и сыромъ; кожи овечьи имъ служатъ верхнею одеждою, а часто единственною одеждою мужчинъ.

Мужчины почетные ни чѣмъ инымъ не занимаются, какъ оружіемъ. Исправное ружье, пистолетъ, сабля и кинжалъ составляютъ все его благополучіе. Простолюдины же, кромѣ тѣхъ, которые сопутствуютъ на рати съ почетными, смотрятъ за стадами, въ горахъ пасущимися, и большая часть шатается праздно.

Въ случаѣ опасности, селенію предстоящей, запрятавъ женщинъ и дѣтей въ хижины, всѣ выходятъ на выгодныя мѣста съ оружіемъ, а не имѣющіе онаго—съ пращами и дубинами.

Женщины ихъ употребляются во всѣ работы домашнія и хлѣбопашество, гдѣ грунтъ земли того позволяетъ.

Жилища горскихъ обитателей складены изъ камня, безъ всякой оныхъ связи известію, или чѣмъ другимъ. Оныя расположены всегда кучею всѣхъ семей, селеніе составляющихъ, на подобіе замка на высокихъ и неприступныхъ мѣстахъ, и при всякомъ селеніи есть нѣсколько башенъ, почти на вершинахъ горъ расположенныхъ, съ которыхъ смотрятъ во всѣ стороны караульные, и коль скоро издали примѣтятъ приближеніе чего либо сомнительнаго, то, по данному отъ нихъ сигналу, въ одно мгновеніе всѣ жители занимаютъ удобныя мѣста къ оборонѣ, такъ какъ то случилось и со мною, что все Кантемирово селеніе насъ встрѣтило съ положенными на сошки ружьями и съ пращами въ рукахъ. Жилища же переселившихся на землю Тавъ-Султана Дигорцовъ

разнствуютъ отъ сихъ тѣмъ, что они расположены нѣкоторымъ образомъ регулярно селеніями при рѣчкахъ; хижины ихъ не изъ камня складены, а выстроены на подобіе Малороссійскихъ мазанокъ и крыты сомою; внутри оныхъ по наружной стѣнѣ всегда есть особое мѣсто для раскладки огня, съ отверстіемъ на подобіе трубы, для ухода дыму.

Дигорскія горы во многихъ мѣстахъ по ущельямъ наполнены непроходимыми лѣсами и изобилуютъ весьма свинцовыми и желѣзными рудниками.

Съ дикостію мѣстъ сообразуется и характеръ сего народа. Хищность, искусство въ оной, алчность къ деньгамъ, проворство въ ратяхъ и въ бѣганіи по горамъ, подобно дикимъ звѣрямъ, образъ ихъ разговора, уподобляющагося болѣе ссорѣ, когда они между собою разсуждаютъ, все доказываетъ ихъ глубокое невѣжество.

Продолжая путешествіе мое, я обращаюсь къ тому, какъ я достигъ до перваго селенія Имеретинскаго, Геби. Оно выстроено довольно порядочно изъ камня со многими высокими башнями или бойницами, по обоимъ берегамъ рѣки Ріона, истекающей изъ многихъ потоковъ съ горъ отъ растаявающихъ снѣговъ, принимающей въ себя множество другихъ рѣчекъ, и впадающей въ Черное море у самой крѣпости Поти, въ Гуріи. Рѣка сія въ семъ селеніи такъ быстра, что стремленіемъ своимъ увлекаетъ огромные камни; жители сего селенія, на подобіе Татаръ одѣвающиеся, весьма звѣрообразны.

Расположившись для отдохновенія въ предурной дымной избѣ, въ 2 яруса выстроенной, изъ коихъ въ нижнемъ помѣщается хлѣвъ и отдѣляется отъ верхняго поломъ изъ фашинника, на брускахъ сдѣланнымъ и глиною обмазаннымъ, но столь удобно, что сквозь скважины онаго испаренія хлѣвныя распространились въ верхній ярусъ, для соединенія съ дымомъ отъ раскладеннаго на полу огня. Но будучи обрадованы и симъ убѣжищемъ, мы старались обсушиться, а между тѣмъ хлопотать о лошадяхъ, располагая, если будетъ можно, на завтра слѣдовать далѣе.

Али Кантемиръ мнѣ донесъ, что въ нѣкоторомъ отъ сего селенія разстояніи пребываніе имѣетъ Князь Джипаридзе, Моуравъ всего округа того же имени; то что лучше къ нему отправить нарочнаго съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи и съ просьбою, чтобы

онъ выслалъ къ намъ лошадей и далъ всѣ потребныя вспоможенія для дальнѣйшаго путешествія, по тому что въ семь селеніи того добиться будетъ не возможно.

Весьма непріятная вѣсть, но уважить слѣдовало; какъ ему, такъ и Кубатіевымъ, я поручилъ то исполнить, давъ имъ на то денегъ, а при томъ не отлагать старанія къ доставленію мнѣ лошадей, дабы и не дождавшись посланнаго къ Князю Джипаридзе, взявъ проводника, ѣхать къ нему прямо.

Не прошло 2 часовъ моего въ убѣжищѣ пребыванія, какъ учинилось происшествіе, въ великое безпокойство меня ввергнувшее. Проводникъ мой, Капитанъ Ильинъ, вошедъ перепуганный въ избу, мнѣ объявилъ, что Кубатіеву младшему разрубили кинжаломъ голову.

Приказавъ въ ту же минуту поставить въ дверяхъ съ ружьями двухъ Казаковъ, изъ числа четырехъ Горскихъ, со мною находившихся, я спрашивалъ у него тому причину, но онъ не могъ мнѣ о ней порядочно изъяснить, и пошелъ, звать Яковлева, находившагося въ самое то время на дворѣ и происшествіе видѣвшаго, и вмѣстѣ съ нимъ мнѣ рассказали, что народъ, никакого старшины надъ собою не имѣющій, изъясняя неудовольствіе о нашемъ прибытіи, взволновался, и когда толпа между собою о томъ разсуждала въ выраженіяхъ, что ни у кого изъ нихъ глаза еще не опухли, Русскихъ дожидавшись, и что ихъ прибытіе не съ тѣмъ ли намѣреніемъ, чтобы Имеретинцовъ покорить на подобіе Грузіи, то одинъ бросился изъ оной съ обнаженнымъ кинжаломъ, говоря, что онъ всѣхъ перерѣжетъ въ шалашѣ, въ которомъ расположились подлѣ моей избы старшины Кубатіевы и Алій Кантемиръ, и встрѣтивши въ ономъ младшаго Кубатіева, попалъ въ него кинжаломъ, что усмотрѣвъ Осетинцы, насъ провожавшіе съ сими старшинами, коихъ было человекъ до 20, похватились за оружіе, у коихъ таковое было, а другіе, начавъ кидать въ толпу каменьями, оную разогнали, и тѣмъ опасный шумъ сей пресѣкся, и послѣ подобнаго ни чего болѣе не было.

Весь сей день прошелъ безъ успѣха: лошадей ни какъ достать мы не могли. Жители, видѣвши наши съ ними ласковые поступки, отговаривались сперва, что они охотно бы намъ оныхъ за предлагаемую плату доставили, но опасаются, что Моуравъ, помянутый Князь Джипаридзе, оныхъ для насъ задержитъ, чтобы на нихъ же и далѣе его мѣстопробыванія ѣхать; а потомъ говорили, что прибывшая отъ дождей вода въ Ріонѣ снесла всѣ мосты

чрезъ которые къ горамъ, въ коихъ лошади пасутся, ити за оными надобно.

На другой день, Іюля 9, около полудни, прибыли ко мнѣ 3 Имеретинца, изъ коихъ одинъ, сдѣлавъ мнѣ пресмѣшной поклонъ, съ привѣтствіемъ отъ супруги Князя Джипаридзе, сказалъ, что, за отсутствіемъ самаго Князя, къ Царю отозваннаго, она его къ намъ прислала узнать о моемъ качествѣ: отъ лица ли Государя Россійскаго, или отъ командующаго на линіи Генерала, я къ Царю ѣду? По полученіи отъ меня удовлетворительнаго отвѣта, сей учтивый Имеретинецъ въ ту же минуту съ онымъ отправилъ къ Княгинѣ обоихъ своихъ товарищей, а самъ остался при мнѣ ожидать отъ нея повелѣнія.

Часу въ 5 по полудни явился ко мнѣ другой Имеретинецъ, присланный отъ брата Князя Джипаридзе, за отсутствіемъ его управляющаго Моуравствомъ, съ подобнымъ первому поклономъ и привѣтствіемъ, и съ донесеніемъ, что ему приказано доставить мнѣ лошадей и всякое вспомошествованіе, для слѣдованія до мѣста пребыванія Князей Джипаридзевыхъ, которые меня встрѣтять у воротъ крѣпости Джидроти.

На другой день, Іюля 10, около 7 часовъ утра, мнѣ пришелъ сказать послѣдне пріѣхавшій Имеретинецъ, что лошади готовы, и чтобы я не гнѣвался, что оныхъ токмо три; ибо болѣе достать ему возможности не было. Надобно было и тѣмъ довольствоваться. И такъ, распредѣливъ по лошади себѣ, Яковлеву, Ильину, нашелся я принужденнымъ приказать Казакамъ и людямъ слѣдовать за собою пѣшкомъ, а въюки съ пожитками, по предложенію Имеретинца, отдать нести пѣшимъ, имъ нанятымъ людямъ.

Отправившись такимъ образомъ въ путь, въ 8 часовъ по утру, переправясь въ бродъ черезъ Ріонъ, ѣхали мы сперва лошадиною, по подошвамъ каменныхъ горъ, весьма каменистою, множествомъ источниковъ, въ Ріонъ впадающихъ, орошаемою, пробираясь при томъ во многихъ мѣстахъ черезъ густые кустарники, насъ довольно поцарапавшіе. Потомъ мы поднимались на четыре горы и съ оныхъ спускались, сходя съ лошадей и карабкаясь по камнямъ, во многихъ мѣстахъ утесами оканчивающихся въ Ріонъ, быстротою Урухъ превосходящій, и перелѣзали черезъ деревья, свалившіяся съ корнями. Лошадей же нашихъ обводили горами, нѣсколько подалѣе.

Приблизившись, часа въ 2 по полудни, къ крѣпости Джидроти, у самыхъ воротъ, не вѣзжая въ оную, встрѣтили меня 3

брата Князя Джипаридзе, съ большою свитою, на дугу, подъ большимъ деревомъ, сидѣвшіе по Турецки.

Крѣпость сія не иное что, какъ башня, въ каменномъ утесѣ огромной горы сдѣланная, на подошвѣ оной въ Ріонѣ оканчивающейся, имѣющая плохую деревянную дверцу, въ которую можетъ токмо пройти лошадь. У сихъ воротъ стоитъ всегда часовой, вопрошающій проѣзжаго: кто, откуда, куда и за чѣмъ?

Сія крѣпость есть истинная граница Имеретіи къ горамъ Кавказскимъ; ибо селеніе Геби и другое, коего имя я запомнилъ, видѣнное мною въ сторонѣ, на дорогѣ до крѣпости, хотя признаютъ Царя Имеретинскаго своимъ владѣтелемъ, но между собою властей не терпятъ. У нихъ нѣтъ ни Моурава, ни иного старшины; существуютъ же безъ всякихъ правъ, кромѣ относящихся къ собственности личной каждаго. Царь Имеретинскій, Соломонъ 1-й, ихъ покорившій, не взыскалъ съ нихъ никакихъ податей, но для сохраненія добраго согласія съ Дигорцами, и именно съ селеніями Черкесетовъ, отдалъ право старшинамъ оныхъ, что когда они будутъ пріѣзжать въ Имеретію, чтобы въ сихъ селеніяхъ жители безъ платы имъ дѣлали угощенія, и къ симъ же старшинамъ относились на расправу въ случающихся между ими распряхъ, что и до нынѣ существуетъ.

По взаимномъ привѣтствіи и по отдохновеніи съ полчаса, сѣвъ на лошадей, мы продолжали ѣхать, и въ 5 часовъ по полудни прибыли въ селеніе Князя Джипаридзе для переночеванія.

Обратившись къ старшему изъ сихъ Князей, въ отсутствіи брата моуравствующему, съ изъясненіемъ желанія отправить съ разстѣвомъ будущаго дня впередъ себя къ Царю Коллежскаго Ассессора Яковлева, съизвѣщеніемъ о моемъ въ его предѣлы прибытіи и для испрошенія, когда Его Высочеству угодно будетъ меня удостоить пріемомъ, я получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ, по долгу своему, послалъ уже къ Царю нарочнаго съ увѣдомленіемъ о моемъ въ его домѣ нахожденіи, и что, по возвращеніи онаго съ повелѣніемъ Царскимъ, мнѣ объ ономъ дастъ знать, прибавивъ къ тому, что если мнѣ будетъ пріятно, то онъ самъ меня проводить до мѣста пребыванія Его Высочества, на что я ему отвѣтилъ, что сочту себя особенною честію его товарищество.

На другой день, 11-го Іюля, рано по утру, прислалъ онъ ко мнѣ одного изъ своихъ братьевъ съ увѣдомленіемъ объ отвѣтѣ отъ Царя, съ возвратившимся его посланнымъ привезеннымъ, что Его Высочеству пріѣздъ мой будетъ весьма пріятенъ, и что, буде

я хочу, то онъ готовъ къ отъѣзду, что я въ ту же минуту исполнилъ.

Отъѣхавши верстъ съ 10, Князь Джипаридзе мнѣ предложилъ отдохнуть, а при томъ сообщилъ, что онъ получилъ того же утра повелѣніе, нѣсколько позже перваго, чрезъ брата его мнѣ объявленнаго, ожидать прибытія Его Высочества въ городъ Калакъ, близъ котораго мы отдыхали, и что если завтрашній день Царь туда не пріѣдетъ, то мы поѣдемъ далѣе.

Я долженъ былъ и на сіе согласиться, и по тому расположился ожидать прибытія Царскаго въ отведенномъ мнѣ крестьянскомъ домѣ въ Калакъ, принадлежащемъ Салтхуцелу, Князю Зурабу Церетелю.

Того же дня подъ вечеръ прислалъ ко мнѣ Князь Джипаридзе челоуѣкъ съ изъясненіемъ желанія со мною видѣться, и я его пригласилъ къ себѣ на чай.

Пришедши ко мнѣ, онъ объявилъ, что онъ отправилъ къ Царю своего брата съ донесеніемъ о моемъ пребываніи въ Калакъ, и что ожидаетъ его возвращенія на завтра около полудня. Поблагодаривъ его за сіе извѣщеніе, я его просилъ о сообщеніи мнѣ немедленно повелѣнія, какое онъ получить.

Въ слѣдующій день, Іюля 12, тщетно я ожидалъ того до самаго вечера, но, не получая отъ него никакого отвѣта, рѣшился къ нему послать Ильина о томъ спросить. Князь Джипаридзе съ Ильинымъ ко мнѣ прислалъ брата своего для донесенія, что посланный возвратился и съ нимъ прислано повелѣніе, чтобы еще оставаться въ Калакъ до завтра, и что вышлетъ ко мнѣ Царь на встрѣчу своихъ царедворцевъ, Моураву же приказано имѣть въ готовности потребное мнѣ число лошадей. Спустя нѣсколько минутъ пришелъ ко мнѣ и самъ Князь Джипаридзе для подтвержденія того.

Оставшись съ нимъ наединѣ, покамѣстъ носили чай, я исподоволь давалъ примѣтить Князю сему мое удивленіе на счетъ отлагательства Царя меня удостоить пріемомъ, и на тотъ, что я хотѣлъ предъ Его Высочествомъ сохранить пристойность, отправивши къ нему съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи въ его предѣлы Яковлева, но что и въ семъ вижу препятствія и невозможности.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ весьма дипломатическимъ тономъ, что Царь считаетъ мой пріѣздъ за подарокъ, судьбою ему присланный, удостоившись еще впервые видѣть у себя посланца отъ лица великаго Государя Россійскаго. Что Его Высочество

любопытствовалъ у посланнаго изъ Калака о предметъ моего прѣзда, на что онъ отозвался незнаніемъ. Я ему на сіе отвѣчалъ, что я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы Царю не было пріятно мое прибытіе, и ни чего не говоря о предметъ онаго, склонилъ я разговоръ на постороннее.

Моуравъ послѣ сего мнѣ сказалъ, что Царь послалъ къ Салтхуцелу Князю Церетелю (первому въ Царствѣ вельможѣ), находящемуся въ деревнѣ своей, для приглашенія его съ собою, по случаю моего прѣзда. Между тѣмъ нечувствительно зашла рѣчь о Царевичахъ Грузинскихъ, въ Россіи пребывающихъ. Моуравъ любопытствовалъ отъ меня, гдѣ они, и какъ живутъ?

Удовлетворяя сему, я ему говорилъ, что они обрѣтаются въ С.-Петербургѣ, и взысканы многими милостями Государя Императора.

На вопросъ же его, долго ли они тамъ пробудутъ, я ему отвѣчалъ, что поелику они добровольно пожелали остаться въ С.-Петербургѣ до тѣхъ поръ, доколѣ отечество ихъ не будетъ приведено въ надлежащее устройство и безопасность отъ хищниковъ, оное окружающихъ, то что Его Императорское Величество соизволилъ ихъ отличить знаками орденовъ и отъ щедротъ Монаршихъ пожаловать каждому изъ нихъ пристойное содержаніе.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что какъ скоро свѣдѣнія о таковомъ благополучіи достигнутъ до Царя его, то что Его Высочество возымѣетъ вящее желаніе удостоиться милостей Россійскаго Государя Императора, которыя снискать Его Высочество давно желаетъ.

Усмотрѣвши изъ глазъ его, что онъ ожидаетъ отъ меня на сіе отвѣта, и при томъ вспомнивши сказанное уже мнѣ отъ него, что Царь любопытствовалъ у посланнаго о предметъ моего прѣзда, то разсудивъ, что всѣ его разговоры имѣютъ въ виду почерпнуть отъ меня что либо о миссіи моей, для поданія объ оной предварительнаго свѣдѣнія Царю, я ему отозвался, что нашъ Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по сродному великодушію своему, милосердіе и щедроты свои обращаетъ на всѣхъ оныхъ, праведно снискивающихъ.

Отвлекая его такимъ образомъ отъ предмета, на который онъ имѣлъ главнѣйшую цѣль, я съ нимъ распрощался, стараясь при томъ во всякомъ случаѣ осыпать ласками и учтивостями, имѣя всегда въ виду изъ него почерпать мало по малу свѣдѣнія, мнѣ потребныя.

Когда же Яковлевъ его провожалъ по двору, какъ онъ отъ меня пошелъ, то, отозвавъ его въ сторону, Моуравъ ему сказалъ, чтобы я не беспокоился медленностію Царя въ приглашеніи меня къ себѣ, объявивъ ему по секрету, что тому причиною нѣкоторыя смутныя обстоятельства въ домѣ Царскомъ, и именно: вражда съ владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ, требуетъ отъ него удѣла братьямъ его, у Его Высочества находящимся. Что хотя военныя дѣйствія на сихъ дняхъ казались идущими къ окончанію заключеннымъ договоромъ, конимъ Князь Дадіанъ обязывался братьямъ своимъ уступить по настоянію требуемый участокъ, который договоръ вчерашній день долженствовалъ быть присланъ къ Царю отъ Дадіана, утвержденный его печатью, но что Дадіанъ Царя обманулъ, отъ чего Его Высочество весьма гнѣвенъ и въ великомъ безпокойствѣ. Что же касается до моего приѣма, то что Царь самъ съ нетерпѣніемъ видѣть меня желаетъ, но находится въ размышленіи съ вельможами своими, за чѣмъ бы я пріѣхалъ, бывъ при томъ весьма встревоженъ извѣстіемъ, что яко бы со мною же слѣдуетъ множество Черкесскихъ Князей, но что уже въ томъ успокоенъ донесеніемъ обстоятельнымъ его, Моурава.

Іюля 13, часу въ 8 по утру, прислалъ ко мнѣ Князь Джипаридзе сказать, что онъ досталъ потребное мнѣ число лошадей, то чтобы я съ ними договорился о цѣнѣ, а онъ ихъ при себѣ будетъ держать въ готовности къ немедленному нашему изъ Казака отбытію, по первому приглашенію отъ Царя, что я исполнилъ.

Іюля 14 сей Князь меня посѣтилъ. По обыкновенномъ привѣтствіи, онъ мнѣ оказалъ удивленіе, съ нѣкоторыми на своего Царя негодованіемъ, на счетъ отлагательства Его Высочества въ призваніи меня къ себѣ, донеся при томъ, что сего утра онъ отправилъ паки къ Царю своего брата, и что надѣется, что или съ симъ братомъ своимъ получитъ повелѣніе, или Царь кого либо пришлетъ ко мнѣ на встрѣчу изъ вельможъ своихъ, присовокупивъ къ тому, чтобы я былъ спокоенъ и на него бы не сердился, увѣряя, что онъ тому не причиною, и что если бы отъ него зависѣло, то что онъ бы всячески постарался мнѣ угодить.

Поблагодаривъ его за сіе, принужденъ я былъ паки вооружиться терпѣніемъ. Въ слѣдующій день, тщетно ожидая извѣстія до полудня, я послалъ опять къ Моураву Ильина объ ономъ навѣдаться, но который, возвратясь, мнѣ донесъ, что посланный къ Царю недавно возвратился съ приказаніемъ отъ Его Высочества

завтрашній день меня препроводить въ ближайшее селеніе къ мѣсту пребыванія Царя, находящагося, по случаю военныхъ дѣйствій съ Дадіаномъ, въ Хонцкари.

Ильинъ же при семъ мнѣ сообщилъ слышанное имъ отъ возвратившагося брата Моуравова, что Царь въ великомъ находится безпокойствѣ и гнѣвѣ на владѣльца Дадіана, не исполнившаго его требованій, въ послѣднемъ договорѣ предложенныхъ, и что по тому твердое возымѣлъ предпріятіе отомстить за то Дадіану изгнаніемъ его изъ всѣхъ владѣній.

Іюля 16, часовъ въ 7 по утру, послалъ я просить къ себѣ Моурава. Пришедъ ко мнѣ, онъ объявилъ, что все въ одну минуту будетъ готово, и что мы поѣдемъ.

Какъ онъ мнѣ казался довольно искреннимъ, по нѣкоторымъ, уже сдѣланнымъ, сообщеніямъ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ Царь находился, то и хотѣлъ я испытать, не могу ли изъ него чего либо болѣе почерпнуть; по чему, мало по малу къ тому приступая, когда съ нимъ мы остались наединѣ, я къ нему обратился съ изъясненіемъ ему признательности за его ко мнѣ попеченія съ самаго моего въ Имеретію прибытія и съ обѣщаніемъ по возможности его за то возблагодарить, и при томъ, повторивши ему признательность же мою за искреннее его ко мнѣ на самомъ опытѣ благорасположеніе, я продолжалъ говорить, что, будучи весьма далекъ имѣть на него подозрѣніе, чтобы онъ былъ причиною моего шестидневнаго здѣсь безъ всякой пользы пребыванія и, ни мало не опасаясь, чтобы промедленіе таковое обратилось мнѣ въ предосужденіе, безпокоюсь я токмо тѣмъ, что если дойдетъ о томъ до свѣдѣнія моего Государя Императора, то что его Императорское Величество справедливѣйше можетъ заключить, что Царь, будучи давно уже извѣщенъ о моемъ въ его предѣлахъ нахожденіи, не оказалъ ни малѣйшаго желанія меня принять, для полученія Высочайшей Его Величества грамоты.

Моуравъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что, по точному его понятію всего, мною сказаннаго, онъ самъ давно о томъ размышляетъ, и удивляется поступку своего Царя, увѣряя, однако же, что происходитъ оный единственно отъ молодости и совершеннаго незнанія цѣнить вещи по ихъ достоинству, а болѣе еще отъ того, что внутреннія дома Царскаго обстоятельства ему не позволяютъ меня принять приличнымъ образомъ; ибо онъ находится въ походѣ, собирая войско для нападенія на владѣльца, Князя Дадіана.

Содѣлавши такимъ образомъ основаніе къ тому, что въ пред-

метѣ я имѣлъ, считалъ я сію минуту удобнѣйшею къ извлеченію изъ Моурава всего, что узнать мнѣ было нужно; по чему я его и просилъ дать мнѣ понятіе о враждѣ Царя съ Дадіаномъ, и причинахъ, оную произведшихъ.

Моуравъ мнѣ на сіе говорилъ, что всему причиною самъ Царь, по тому что, по востшествіи на царство, Его Высочество, бывъ за оное немало обязанъ Князю Дадіану, далъ ему торжественно клятву сохранить съ нимъ ненарушимо дружбу и согласіе, и оказывать ему все уваженіе, какъ ближайшему своему родственнику (ибо Царь имѣетъ въ супружествѣ сестру владѣльца сего), но клятвы сей Его Высочество не сохранилъ.

На вопросъ, мною сдѣланный: что же бы побудило Царя нарушить свою клятву? Князь Джипаридзе продолжалъ, что единственная охота распространить свои владѣнія, и что Его Высочество еще къ тому подстрекаемъ одною особою, именно Сардаремъ, Княземъ Кайхосро Перетелемъ, величайшею довѣренностію отъ Царя пользующимся, который, побуждаемый жадностію къ приобрѣтеніямъ, старается всячески наклонить Царя къ завоеванію у Дадіана владѣній, чтобы имѣть изъ оныхъ себѣ послѣ участки, подобно какъ были отняты имущества покойнымъ Царемъ Соломономъ 1-мъ у Князей Еристовыхъ Методіевыхъ, изъ коихъ участкомъ награжденъ домъ Князей Церетелевыхъ.

Послѣ сего я спрашивалъ у Моурава, что какъ онъ самъ изъ почтенныхъ дворянъ Имеретинскихъ, то, конечно, ему не можетъ не быть извѣстно поведеніе Дадіана противъ Царя и образъ мыслей, какъ вельможей Царскихъ, такъ и сосѣдей о семъ владѣльцѣ.

Онъ же меня клятвенно увѣрялъ, что Дадіанъ никогда поступками своими противъ Царя не заслужилъ, чтобы Его Высочество такъ съ нимъ поступалъ, но что, напротивъ, свято хранилъ обязанности и родственника и ближняго сосѣда, и тѣмъ заслужилъ почтеніе отъ всѣхъ благомыслящихъ вельможей Имеретинскихъ.

Оказывая Князю Джипаридзе мое удивленіе, что Царь, имѣя столь добраго сосѣда, не отдаетъ ему должной справедливости и не оказываетъ оному взаимнаго дружества, я его просилъ мнѣ изъяснить, въ какихъ отношеніяхъ владѣтельные Князья Дадіаны состояли прежде сего съ Царствомъ Имеретинскихъ, и зависимость ихъ отъ сего до какой простиралась степени?

Онъ мнѣ на сіе сказалъ слѣдующее: что владѣльцы, какъ Дадіаны, такъ и Гуріелі, ни въ подданствѣ, ниже какой либо

зависимости у Имеретіи никогда не были, но всегда съ симъ Царствомъ состояли въ связяхъ дружбы и сосласія, и оказывая всякое оному вспомошествованіе, когда таковое въ зависящемъ отъ нихъ требовалось; что равнымъ образомъ и въ распредѣленіи права наслѣдства въ сихъ владѣніяхъ Имеретія вліянія никакого не имѣла; ибо всегда по смерти владѣтеля наслѣдовалъ въ родѣ старшій сынъ, или братъ.

Владѣнія Дадіана раздѣляются на 3 области: Одиши, Лечгумъ и Суани; двѣ первыя области нѣсколько уже вѣковъ принадлежатъ предкамъ нынѣшняго владѣльца, а 3-я, простирающаяся по подошвамъ цѣпи Кавказскихъ горъ Ельбруса до Чернаго моря, содѣлалась зависимою отъ Дадіановъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Лечхумской области сооружена крѣпость Цхывши, чему уже болѣе 100 лѣтъ.

На вопросъ Моураву, мною сдѣланный, какую придирку Царь сыскалъ къ учиненію явнаго на Дадіана нападенія, онъ мнѣ разсказалъ, что Царь, посредствомъ Сердаря своего, Князя Кайхосро Церетеля, посѣлалъ несогласіе между владѣльцемъ и его тремя братьями, въ томъ видѣ, чтобъ они, будучи недовольны достаточнымъ содержаніемъ отъ владѣльца, ихъ брата, имъ даваемымъ, прибѣгнули къ Царю съ просьбою, чтобы онъ его принудилъ каждаго изъ нихъ наградить особымъ удѣломъ, чему, однако же, Князь Дадіанъ не повиновался, хотя Царь и сдѣлалъ положительное удѣловъ назначеніе каждому изъ братьевъ его.

Я любопытствовалъ у Моурава, чѣмъ сіе происшествіе кончилось, и въ какомъ теперь положеніи оное, его отвѣтъ былъ тотъ: что неблагоразуміе Царя все испортило для него самого; ибо онъ вздумалъ переимѣнить назначеніе удѣловъ, по видимому, для возрожденія ненависти и между трехъ братьевъ, оказаніемъ предпочтенія одному предъ другими, которые, видѣвши таковое непостоянство Царя, обратились съ раскаяніемъ къ владѣльцу Дадіану, согласившись остаться на прежнемъ положеніи.

Царь же, видя таковую неудачу, началъ дѣйствовать съ Дадіаномъ непріятельски, требуя отъ него уступки области Лечхумской, что Дадіанъ, однако же, ему въ томъ отказываетъ, не страшась и угрозъ Царя быть къ тому побужденнымъ силою оружія; ибо имѣетъ онаго самъ достаточно къ отраженію Имертинцевъ.

Князь Джипаридзе, заключая симъ разговоръ со мною, мнѣ еще объявилъ, что, кромѣ сихъ смутныхъ обстоятельствъ, Царь пребываетъ въ безпокойствѣ отъ невѣдѣнія о предметѣ моего

пріѣзда; что всякій разъ о томъ спрашиваетъ у посланнаго отъ него, размышляя при томъ съ вельможами своими, чтобы не былъ я присланъ отъ Высочайшаго Двора для освобожденія заключеннаго въ крѣпости Царевича, сына покойнаго Царя Давыда; заключая о семъ по тому, что Царица Анна, его мать, поѣхала въ Россію, и опасаясь, чтобы освобожденіемъ сего юноши не было потрясено основаніе сего Царства.

Я Князю Джипаридзе на сіе отвѣчалъ, что доколѣ не буду имѣть чести вручить Его Высочеству Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, то я самъ о томъ не вѣдаю.

Еще же мнѣ признался Моуравъ съ трепетомъ, что случившееся въ недавнемъ времени происшествіе съ изгнаннымъ изъ Ахалцыха Сабудъ-Пашею есть неизгладимое пятно достоинству ихъ Царя.

Съ видомъ незнанія спросилъ я у него, что за происшествіе? Онъ же мнѣ въ подробности разсказалъ слѣдующее: что когда Сабудъ Паша, будучи изнанъ изъ Ахалцыха похитителемъ достоинства своего, Шерифъ Пашею, со спасенными сокровищами своими прибѣгнувъ къ Царю для снисканія убѣжища, доколѣ Султанъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, не пришлетъ повелѣнія сосѣдственнымъ съ Ахалцыхомъ Пашамъ, его паки возстановить, то Царь, хотя въ предѣлы свои его и принялъ дружески, но что послѣ, за нѣсколько (12) къ денегъ, отъ Шерифъ-Паши предложенныхъ, по настоянію Царевича Грузинскаго, Александра, обще со Сердаремъ, Княземъ Кайхосро Церетелемъ, и ласкаясь воспользоваться сокровищами Сабудъ-Паши, приказалъ его лишить жизни самымъ варварскимъ образомъ. Получивши о томъ предложеніе отъ Шерифъ-Паши, и положивши въ намѣреніи съ Царевичемъ Алесандромъ произвести оное въ дѣйство, Царь совѣтовалъ Сабудъ-Пашѣ, жившему въ Кутаисѣ, столицѣ Имеретинской, переѣхать въ крѣпость Сухава (въ Рачѣ), подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ, находясь въ отдаленіи отъ границы Ахалцыхской, могъ быть внѣ опасности отъ всякихъ замысловъ, или покушеній, похитителя его достоинства, Шерифъ-Паши. Сабудъ-Паша, полагая въ Царѣ всю свою довѣренность, будучи уже ему обязанъ за дарованное убѣжище, принялъ съ благодарностію сіе предложеніе. Пріѣхавъ въ помянутую крѣпость, былъ онъ въ оную принять съ почестями и расположился въ главной башнѣ двухъэтажной, для него изготовленной, имѣя съ свитѣ своей 2 приближенныхъ людей и 5 человекъ служителей. Все оружіе, при нихъ бывшее, было положено въ нижній

этажъ, а Паша занялъ верхній. Какъ башня сія нѣкогда состояла изъ 3-хъ ярусовъ, отъ древности обветшала, но къ прибытію Паши нижній и средній были поправлены, а верхній оставленъ въ руинахъ, и былъ назначенъ для произведенія смертоубійства, посредствомъ скважинъ на потолокъ 2 яруса, нарочно для того оставленныхъ скрытно. Нѣсколько дней спустя, чиновникъ, имѣвшій отъ Царя порученіе учинить злодѣяніе, въ ночное время, тайно взобравшись на верхъ башни, съ нѣсколькими сообщниками, убилъ Пашу черезъ скважины въ потолокъ изъ 2 ружей, а прочіе ранили 2 чиновниковъ, съ нимъ сидѣвшихъ, которые были дорѣзаны кинжалами.

Исполнивъ такимъ образомъ варварское повелѣніе Царя, исполнители, отрѣзавъ у Паши голову, привезли оную къ Его Высочеству, со всѣми сокровищами, при немъ найденными, которыя полагають суммою не менѣе, какъ на 200 кисъ (100,000 піастровъ).

Въ удостовѣреніе Шерифъ-Паши, Царь отправилъ къ нему голову, за которую онъ къ Его Высочеству прислалъ 12 кисъ, Царевичу Александру 5 кисъ, а Царицѣ образъ съ богатымъ окладомъ, въ подарокъ.

Разсказавъ сіе, Моуравъ изъяснилъ свое опасеніе, что, къ несчастію, Царь, будучи въ сіе вовлеченъ извергами, его окружающими, не предвидитъ опасныхъ для себя слѣдствій, отъ того произойти могущихъ, если Порта, коей не можетъ происшествіе сіе не быть извѣстно, рано, или поздно, захочетъ Царю за то отомстить.»

Симъ разговоръ его со мною окончился, и онъ, спустя часа 3, послѣ ко мнѣ прислалъ своего брата съ донесеніемъ, что все къ отъѣзду готово.

Выѣхавъ, Іюля 16, около полудни, изъ Калака, слѣдовали мы съ часъ по берегу Ріона, а потомъ, по показанію Моурава, свернули на лѣво и продолжали путь узенькою и каменистою тропинкою до селенія Куашіети, на горѣ лежащаго. Достигши онаго часа въ 3 по полудни, по предложенію Моурава, мы въ ономъ остановились въ прохладномъ мѣстѣ, подъ орѣховыми деревьями, для отдохновенія.

Мнѣ хотѣлось знать о причинѣ, Моурава побудившей, оставя прямую дорогу по берегу Ріона, насъ вести по горамъ и почти непроходимымъ мѣстамъ, и я его о томъ спросилъ. Онъ же мнѣ отвѣчалъ, что рѣка сдѣлала на дорогѣ прорывъ, и что онъ о томъ бывъ предваренъ, насъ сюда повелъ что, однако же, былъ совершенной обманъ, какъ я послѣ усмотрѣлъ.

Крестьяне намъ нанесли хлѣба, молока, орѣховъ и вина, и мы, позавтракавши, отдохнули. Я же заснулъ. Проснувшись, я посмотрилъ на часы, и видѣвши, что уже 4 часа, спрашивалъ я, не пора ли намъ ѣхать? Но братъ Моурава, подлѣ меня стоявшій, мнѣ сдѣлалъ предложеніе: что какъ я, можетъ быть, отъ жару и верховой ѣзды утомился, то не разсужу ли я въ семъ селеніи почевать?

Поблагодаривъ его за оное, я ему отвѣчалъ, что предпочитаю ѣхать далѣе, чтобы сблизиться съ мѣстомъ пребыванія Царя. Онъ же мнѣ на сіе сказалъ, что Моуравъ имѣетъ отъ Царя повелѣніе меня оставить въ семъ селеніи до тѣхъ поръ, какъ Его Высочеству угодно будетъ меня къ себѣ пригласить.

Видѣвши сію дерзость, всталъ я съ мѣста и, подошедъ къ Моураву, ему сказалъ, что если онъ имѣетъ отъ Царя такое повелѣніе, долженъ бы онъ былъ мнѣ еще въ Калакѣ объ ономъ сообщить, или же въ ту минуту, какъ мы въ сіе селеніе, Куашхіети, пріѣхали; но поелику онъ намъ далъ время отдохнуть, а между тѣмъ ни чего и ни кому не приказывалъ, чтобы облегчить выючныхъ и верховыхъ лошадей, и ни малѣйшаго вида не показывалъ до сей минуты, чтобы здѣсь для почлега намъ расположиться, то, почитая объявленную имъ мнѣ волю Царскую, хитрою выдумкою, а, по образу объявленія оной, подозрѣвая въ томъ паки ихъ намѣреніе меня влечь изъ мѣста въ мѣсто, и задерживать, какъ плѣнника, а не поступать со мною, какъ съ посланцомъ Великаго Государя, оставаться въ семъ селеніи ни подъ какимъ видомъ не соглашаюсь, предваривъ его при томъ, что, буде бы онъ вздумалъ употребить къ тому какое либо насиліе, то что оное простирается можетъ токмо до того, чтобы распустилъ его лошадей, что я ему съ удовольствіемъ исполнить дозволю, но что, пренебрегши всѣ опасности и покинувъ весь свой экипажъ, навьючу самонужнѣйшее на 4 моихъ Казаковъ и 2 людей и слѣдую пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не отыщу Царя, примѣтивъ ему при томъ, что онъ не изволилъ мнѣ дать требуемыхъ мною вспомоствованій, для отправленія впередъ себя съ извѣстіемъ къ Царю о моемъ прибытіи, моего переводчика, сколько я ему о томъ ни повторялъ.

Моуравъ, выслушавъ сіе и снявъ Гишпанскую свою шапку, мнѣ отвѣчалъ весьма учтиво, что онъ мнѣ ни въ чемъ не препятствуетъ, признаваясь при всѣхъ, его окружавшихъ, что ему непостижима медленность Царя его, давно уже извѣщеннаго о моемъ въ предѣлахъ его Царства пребываніи.

Отошедъ отъ него съ поклономъ, я сѣлъ на лошадь, чему послѣдовали всѣ, со мною бывшіе, и Моуравъ со свитою.

Продолжая наше путешествіе кражемъ небольшихъ горъ, около 8 часовъ вечера мы прибыли въ селеніе духовнаго вѣдомства Бари, и остановились, по показанію Моурава, въ Архіерейскомъ домѣ, на холмѣ стоящемъ, т. е., въ пустомъ сараѣ, въ 4-хъ деревянныхъ стѣнахъ заключавшемся, съ землянымъ поломъ и съ нарами, по одной изъ продольныхъ стѣнъ намощенными. Крышка же на ономъ, какъ и на всѣхъ Имеретинскихъ избахъ, состояла изъ набросанныхъ на брусьяхъ досокъ безъ всякаго укрѣпленія и въ конѣ не смыкающихся, что во время дождя, по немнѣшню въ избахъ потолковъ, причиняетъ несносное безпокойство.

Остановившись въ семъ убѣжищѣ, и пригласивши къ себѣ Князя Джипаридзе на чай, я ему объявилъ, что я непременно хочу отправить моего переводчика къ Царю съ извѣстіемъ о моемъ въ предѣлахъ Его Высочества пребываніи и для испрошенія свиданія, и что если онъ не доставитъ Яковлеву 2-хъ лошадей съ проводникомъ, за которыя я ему предлагаю плату, то что я его отправлю пѣшаго, и ему прикажу, не взирая ни на какія препятствія и опасности, отыскивать мѣстопробываніе Царя.

Онъ же мнѣ на сіе отвѣчалъ, что не лучше ли будетъ дожидаться приглашенія Его Высочества, недалеко отъ Бари пребывающаго въ Хонцкара; но я ему возразилъ, что, ожидая чести сей болѣе 6 дней безуспѣшно, и имѣя Высочайшую Его Императорскаго Величества, Государя Императора моего, грамоту, для врученія Его Высочеству, я не могу тѣмъ долѣе медлить, и рѣшаюсь на все, лишь бы цѣли моей достигнуть.

Моуравъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ найметъ лошадей изъ числа тѣхъ, на коихъ мы пріѣхали, и проводникомъ Яковлеву опредѣлитъ своего брата, а при томъ меня просилъ защитить его предъ Царемъ, въ случаѣ негодованія и гнѣва Его Высочества на него за то, что, не дождавшись повелѣнія, онъ способствовалъ къ отправленію отъ меня нарочнаго.

Я свято ему обѣщалъ то исполнить, съ увѣреніемъ, что всякій гнѣва Царя принимаю на себя.

По окончаніи сего разговора Моуравъ отъ меня ушелъ, а я между тѣмъ изготавилъ Яковлеву открытое предписаніе, содержащее въ себѣ токмо то, что онъ завтрашній день весьма рано отправится до мѣста пребыванія Царя, взявъ съ собою вооруженнаго Казака, а отъ Князя Джипаридзе лошадей и проводника.

а въ случаѣ отказа отъ сего Моурава, чтобы шелъ подъ руководствомъ Провидѣнія Божія пѣшкомъ; прибывши же къ Царю, чтобы вручалъ Его Высочеству пакетъ отъ Главнокомандующаго въ Грузіи Г. Г. Л. Кнорринга), въ коемъ Его Превосходительство подавалъ Царю благой совѣтъ исполнить Высочайшую Государя Императора волю, въ грамотѣ, которую ему вручу, изъясненную, и испросилъ бы у Царя назначенія мнѣ приѣма.

Призвавъ къ себѣ Князя Джишаридзе, я ему подтвердилъ мою рѣшимость и, показавъ ему написанное, увѣрилъ его, что Яковлевъ ни подъ какимъ видомъ не преступитъ. Онъ же мнѣ обѣщался, что не исполнитъ не моему желанію.

Вышедъ отъ меня, Моуравъ, вызвалъ тихонько за собою Яковлева, который, черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ возвратясь, мнѣ донесъ о разговорѣ, у него съ Моуравомъ имѣвшемся.

Моуравъ его просилъ и наибѣдительнѣе оправдать его предъ Царемъ, буде бы Его Высочество, вызвался гнѣвно за то, что онъ къ нему до полученія новеллы отираденъ; а при томъ Моуравъ далъ Яковлеву наставленіе о наблюденіи осторожности и скромности съ братомъ его, Княземъ Джишаридзе, при Царѣ находящемся, увѣдомивъ его съ откровенностію, что сей его братъ участвуетъ съ Сердаремъ, Княземъ Кайхосро Церетелемъ, въ замыслахъ противъ Дадіана, и что главнѣйшею причиною, отлагательства, Царемъ къ моему приѣму, сдѣланнаго, суть сіи двѣ особы, отъ опасенія, чтобы мой приѣздъ и свиданіе съ Царемъ не опрокинули ихъ замысловъ, по тому что уже всѣмъ извѣстно, что владѣлецъ Дадіанъ ищетъ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго и что, можетъ быть, я стану ходатайствовать у Царя, чтобы онъ Дадіана оставилъ въ покоѣ. А что при томъ и то Царя беспокоитъ, что не для освобожденія ли заключеннаго Царевича я прибылъ, которой содержится въ крѣпости Мухури весьма дурно, имѣя на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, оковы.

По полученіи отъ меня всего же вѣчера секретныхъ наставленій, касательно развѣдываній о разныхъ предметахъ и его поведенія у Царя, въ случаѣ того, что его бы стали тамъ задерживать для разлученія со мною, Яковлевъ въ слѣдующій день, на самомъ разсвѣтѣ, отправидся въ путь съ братомъ Князя Джишаридзе.

Юля 18, рано по утру, прибылъ ко мнѣ Имеретинецъ, сказавшійся присланнымъ отъ Царя для наблюденія, чтобы не было мнѣ ни въ чемъ недостатку. Явившись у меня, онъ мнѣ объявилъ,

что видѣлъ Яковлева въ Хонцкара, гдѣ Царь имѣетъ пребываніе; что Яковлевъ былъ Его Высочеству представленъ и сего дня ко мнѣ непремѣнно возвратится, чего, однако же, я ожидалъ тщетно до самой ночи.

Юля 19, подъ вечеръ, неожиданно явился у меня братъ Князя Джипаридзе, провожавшій Яковлева, съ донесеніемъ, что Яковлевъ возвращается, и что онъ нарочно впередъ его ко мнѣ прибылъ, для предваренія меня, что, вмѣстѣ съ нимъ, ѣдетъ ко мнѣ вельможа Царскій, Князь Бежанъ Авали-Швили.

Въ слѣдъ за нимъ прибылъ и Яковлевъ, донесшій мнѣ слѣдующее: Когда онъ, 17-го числа, прибылъ въ Хонцкара, то Джипаридзе-проводникъ, оставивъ его въ лѣсочкѣ, не въ дальнемъ отъ селенія разстояніи, отъ него поѣхалъ для доклада яко бы Царю. Часа съ 3 спустя, пока Яковлевъ, сидя въ лѣсу, все дожидался, онъ къ нему возвратился съ извѣстіемъ, что яко бы Царя въ семь мѣстъ уже не было, а что Его Высочество изволялъ отѣхать далѣе, совѣтуя при томъ Яковлеву ѣхать съ нимъ назадъ, чему, однако же, воспротивясь, Яковлевъ ему возразилъ, что онъ за достовѣрное знаетъ о пребываніи тутъ Царя и назадъ не поѣдетъ.

Джипаридзе ему на сіе сказалъ, что, однако же, Царь принять его не желаетъ, и что лучше ѣхать назадъ.

Но Яковлевъ ему напомнилъ, что, имѣя отъ меня письменное приказаніе, онъ никакихъ угрозъ, ни принужденій, не страшится, а долженъ токмо оное исполнить и Царю вручить данный отъ меня пакетъ.

Джипаридзе паки отъ Яковлева ушелъ и, спустя нѣсколько минутъ, возвратился съ донесеніемъ, что онъ докладывалъ Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, о его желаніи, на что Сердарь, отринувъ оное, прислалъ къ намъ человека съ запискою, которую чтобы Яковлевъ отвезъ ко мнѣ. Яковлевъ, увидѣвши доску презамаранной бумаги, который назывался запискою, имъ отвѣчалъ, что когда они занемогутъ лихорадкою, то, сваривъ оный въ водѣ, ее, вмѣсто лѣкарства, бы выкушали, а что онъ никакъ тому не вѣритъ, чтобы Сердарь могъ ко мнѣ отправлять подобные доскутки.

Джипаридзе опять возвратился съ принесшимъ записку, а черезъ нѣсколько минутъ приносившій оную опять съ Джипаридзе къ Яковлеву, съ донесеніемъ уже, что приказано имъ ему показать убѣжище, въ которое онъ съ ними послѣдовалъ.

По прибытіи его въ избу, для убѣжища ему назначенную,

Царь къ нему прислалъ Сердаря, Князя Церетеля, съ учтивымъ привѣтствіемъ и съ назначеніемъ ему приѣма въ слѣдующій день, въ вечеру, а по отъѣздѣ Сердаря прислано было къ Яковлеву отъ двора Царскаго, хлѣбъ, ягненокъ и вино.

На другой день, Іюля 18-го, часовъ въ 7 вечера, пригласилъ Царь Яковлева къ себѣ. По полученіи отъ него пакета, Царь его посадилъ возлѣ себя, и при изъявленіи участія въ моемъ здоровьи, спрашивалъ, давно ли я въ предѣлахъ его Царства нахожусь?

Когда же Яковлевъ Его Высочеству донесъ, что со дня вступленія нашего въ оныя уже протекло 11 дней, и что я, хотя тогда же и намѣревался отправить его, Яковлева, къ Его Высочеству съ извѣщеніемъ о томъ и для испрошенія, когда угодно было бы меня удостоить приѣмомъ, для полученія отъ меня Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, но что, со всѣмъ нашимъ общимъ стараніемъ, не имѣли мы къ тому способовъ, будучи при томъ всегда увѣрены. Моуравомъ, что, по его донесенію, Его Высочество уже о моемъ прибытіи извѣщено: то Царь извинялся, что нѣкоторые обстоятельства его понудили отложить на нѣсколько времени со мною видѣться.

Яковлевъ же Его Высочеству донесъ, что я, не имѣя о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, считалъ за долгъ сохранить пристойность предварительнымъ извѣщеніемъ Его Высочеству о моемъ прибытіи въ его предѣлы.

Царь съ изъявленіемъ удовольствія и повторяя извиненія, говорилъ Яковлеву, указывая на противостоящую крѣпость Цхывши, что Князя и дворяне Лечхумскіе и многія сей области селенія хотя имъ уже и покорены, но что одна сія крѣпость, весьма укрѣпленная, еще не сдается, которую онъ, однако же, намѣренъ къ тому понудить силою оружія, надѣясь въ томъ имѣть успѣхъ сколько храбростію войска своего, столько и твердостію присяги покоренныхъ имъ частей Лечхума, и все привести къ желаемому окончанію послѣ завтра.

Послѣ сего Царь, обратясь къ вельможѣ своему, Князю Бежану Авали-Швили (его воспитавшему, коего Царь всегда называетъ своимъ дядькою), приказалъ ему, вмѣстѣ съ Яковлевымъ, ѣхать ко мнѣ на встрѣчу, а потомъ, по видимому, примѣтивъ, что Яковлевъ лучше изъясняется по Турецки, нежели по Грузински, написалъ записку къ Салтхуцелу (Правителю Царства), Князю Зурабу Церетелю, находившемуся въ своихъ помѣстьяхъ, чтобы онъ оттуда ѣхалъ въ селеніе Сухава (то самое, въ крѣпости котораго убитъ

Сабудъ-Паши Ахалцыхскій), и въ онои бы ожидать его прибытія.

Отправивъ же записку сію, Царь прочиталъ письмо Г. Генерала Кнорринга, Яковлевымъ отъ меня ему врученное, и съ смущеніемъ сказалъ, что хотя ему еще не извѣстно желаніе Государя Императора, однако же оно по усмотрѣніи изъ Высочайшей грамоты, по возможности исполнить постарается, со мною же скорѣ увидѣтся въ селеніи Сухавъ, по совершеніи начатаго предпріятія противъ Дадіана; до тѣхъ же поръ, въ замѣну себя, отправляетъ ко мнѣ того, подъ присмотромъ котораго Его Высочество взрѣсается.

Отпустивъ Яковлева, съ порученіемъ ему много учтивостей ко мнѣ, приказалъ ему завтрашнѣе дня возвратиться вмѣстѣ съ дядькою.

Послѣку же было довольно поздно; какъ Яковлевъ ко мнѣ пріѣхалъ, то я отложилъ пріемъ Князя Авала-Швили до утра, пославъ къ нему Ильина поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ и, пожелавъ пріятнаго отдохновенія, его просить со мною видѣться утромъ.

Юля 20, часу въ 8 по утру, посланъ я къ нему: дядькѣ Ильина съ изъясненіемъ желанія съ нимъ видѣться, предоставивъ на его выборъ, у себя ли меня принять пожелаетъ, или ко мнѣ пожалуетъ.

Онъ исполнилъ послѣднее. Когда онъ приближался къ моему убѣжищу, то, выславъ къ нему на встрѣчу Яковлева, самъ я его встрѣтилъ въ дверяхъ, оказывая ему возможное учтивство.

Въ продолженіи разговоровъ о постороннихъ предметахъ, онъ меня уведомилъ, что Князь Зурабъ Церетель, прибывъ вчерашній день въ Сухавъ, присылаетъ къ нему нарочнаго съ симъ извѣстіемъ и просьбою о доставленіи ему случая со мною видѣться; что онъ намѣренъ къ Князю Церетелю тотчасъ ѣхать и въ вечеру съ нимъ ко мнѣ возвратиться, за что я ему изъяснилъ благодарность, говоря, что онъ много труда на себя брать изволитъ; и что я еще могу видѣться съ Княземъ Церетелемъ и тогда, когда, по приглашенію Его Высочества, самъ пріѣду въ Сухавъ. Но Князь Аваловъ весьма учтиво отозвался, что, кромѣ исполненія въ томъ вѣдн Парской, онъ за удовольствіе себѣ поставляетъ меня предвѣрять во всемъ, что пріятно мнѣ быть можетъ, присовокупя къ тому, что съ отъѣздомъ своимъ къ Князю Церетелю, онъ отправляетъ нарочнаго къ Царю съ допесеніемъ о свиданіи со мною, по чему я его просилъ повергнуть мое почтеніе предъ Его Высочествомъ.

Въ вечеру, узнавъ о возвращеніи Князя Авалова, пошелъ я къ

пену. "Опъ, не давъ мнѣ ни чего сказать, извинялся, что не могъ сдержать своего обѣщанія и не привезъ Князя Церетеля, который, будучи утомленъ отъ путешествія и ненастного времени, принужденъ былъ отложить пріѣздъ ко мнѣ до утра!"

Поблагодаривъ его за сіе увѣдомленіе, я ему отвѣтствовалъ, что, сколько ни велико мое желаніе съ Княземъ Церетелемъ познакомиться, но что для меня пріятнѣе то будетъ, когда оно не будетъ сопряжено съ его безпокойствомъ. Побывши у него нѣсколько минутъ, я съ нимъ простился и пошелъ къ себѣ.

Іюля 21 Князь Церетель, прибывши въ Бари, прислалъ ко мнѣ съ увѣдомленіемъ о томъ и съ изъясненіемъ желанія со мною видѣться. Я же послалъ къ нему Капитана Ильина, для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ и для приглашенія къ себѣ на чай.

Свиданіе мое съ симъ вельможею продолжалось болѣе часу въ разговорахъ о постороннихъ предметахъ и большею частію о Россіи; ибо онъ въ 1783 и 84 годахъ былъ въ С.-Петербургѣ при Высочайшемъ Дворѣ посланцомъ отъ Имеретинскаго Царя Соломона, но между прочимъ я не оставилъ ему примѣтить къ стати, что, находясь уже 13 дней въ предѣлахъ Имеретіи, я не удостоился еще быть принятъ Царемъ, имѣя вручить Его Высочеству Высочайшую Государя Императора грамоту.

Разставаясь со мною, онъ меня предупредилъ, что предъ возвращеніемъ его вечера въ Сухаву, онъ непременно со мною увидится, что дѣйствительно онъ исполнилъ, пришедъ предъ захожденіемъ солнца ко мнѣ.

Въ продолженіи моего съ нимъ разговора, я спрашивалъ у Князя Церетеля объ успѣхахъ Его Высочества въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Дадіаномъ, и скоро я, по его мнѣнію, я могу удостоиться узрѣть Царя?

Отвѣтъ его былъ тотъ, что если мнѣ не будетъ противно, то онъ Царю предложитъ, не ожидая окончанія предпріятія, меня принять на походъ, въ обложеніи Хвицкара, гдѣ Его Высочество теперь находится.

Я сказалъ ему на сіе, что, напротивъ, тѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе для меня будетъ, прислушавъ, что я съ самаго моего въ предѣлы Имеретіи прибытія, прилагалъ стараніе, дабы какъ найскорѣе Его Высочеству поднести Высочайшую Его Императорскаго Величества грамоту, у меня имѣющуюся, и что для того я

первымъ счелъ долгомъ отправить къ Царю съ тѣмъ извѣщеніемъ Яковлева.

Князь Церетель, намятуя то время, когда онъ былъ у Высочайшаго Двора Россійскаго, и какимъ образомъ пріемъ у онаго ему былъ сдѣланъ, оказывалъ мнѣ негодованіе на своего Царя, за его отлагательство, отзывавшись, что непростительно ему такое неблагодарное, тѣмъ паче, что онъ за особое счастье считать бы долженъ, что въ первый еще разъ къ нему лично обращается Государь Императоръ Всероссійскій; а что онъ, напротивъ, столь мало готовности оказываетъ меня видѣть, и отъ меня принять Высочайшую грамоту.

Хотя я въ бытность мою въ Георгіевскѣ отъ Главнокомандующаго и слышалъ о семъ Князѣ Церетелѣ много хорошаго и о томъ, что онъ кажется быть весьма усердно расположеннымъ къ Россіи, однако же таковой его отзывъ о Царѣ мнѣ казался не совсѣмъ искрененъ, и я его принялъ за комплиментъ Азіатскій, располагая въ послѣдствіи его испытать.

Потомъ спрашивалъ меня Князь Церетель, гдѣ находится Царица Имеретинская, Анна, и не въ Петербургѣ ли она? Я же ему отвѣчалъ, что она тамъ. На вопросъ же его: удостоена ли она пріема отъ Государя Императора, я ему говорилъ, что она принята весьма милостиво Его Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ Императорскимъ Домомъ.

Князь Церетель, со мною прощаясь, обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ самъ съ отвѣтомъ, который онъ получитъ отъ Царя на упомянутое предложеніе о пріемѣ меня въ Хонцкара.

Въ сей день, подъ вечеръ, прибылъ въ Бари нарочный отъ Царя къ Моураву Князю Джинаридзе съ повелѣніемъ, чтобы онъ въ областяхъ и селеніяхъ, ему ввѣренныхъ въ Рачѣ, собиралъ войско и оное бы отправлялъ къ Царю.

Іюля 22, около вечера, пошелъ я навѣстить Князя Авалова, который мнѣ сообщилъ, что Его Высочество въ отвѣтъ своимъ къ Князю Церетелю пишетъ, чтобы онъ его извинилъ предо мною въ медленности моего къ себѣ призыва, и чтобы изготовилъ мнѣ все потребное для путешествія моего до мѣста его пребыванія, желая видѣться со мною въ четвертокъ, 24 числа, хотя Его Высочество и стыдится меня принять на походѣ. Сей же Князь дядька прибавилъ, что Его Высочество можетъ быть и самъ изволить меня встрѣтить недалеко отъ Бари, если обстоятельства ему позволятъ изъ Хонцкара отлучиться.

Юля 23, довольно рано по утру, пріѣхалъ опять Князь Церетели ко мнѣ въ Бари съ подтвержденіемъ сообщеннаго мнѣ на канунѣ отъ Князя Авалова, съ тѣмъ, чтобы на другой день отправиться изъ Бари въ предназначенный походъ.

Юля 24, въ 6 часовъ утра, на сілу мы вырвались изъ Бари. Перешедъ нѣсколько горъ и дефилей, добрались мы до лѣваго берега Ріона, близъ коего, поднявшись на гору, мы остановились, для отдохновенія, въ селеніи Хывши, Князю Пулукидзеу принадлежащемъ.

Расположившись на лужку, подъ тѣнью деревъ, пока мы занимались разсматриваніемъ мѣстоположенія, прибылъ къ намъ соборный Архимандритъ Николай съ причтомъ своимъ, нарочно изъ Кутаиса пріѣхавшій посмотрѣть на Россіянь, которыхъ онъ никогда не видывалъ. Съ нимъ же находился одинъ купецъ, Тифлискій уроженецъ, Георгій, бѣжавшій, какъ я послѣ провѣдалъ, изъ Грузіи за Царевичемъ Юлономъ, и который, живучи въ Кутаисѣ, промышлялъ книгопечатаніемъ.

На семъ лугу мы обѣдали по обряду Имеретинскому, на коврахъ и буркахъ, а послѣ обѣда всѣ заснули, исключая Яковлева, который, отошедши съ симъ купцомъ, съ нимъ занимался разговоромъ. Купецъ, между прочимъ, отзывался, что Его Имеретинское Высочество весьма сумазбродствуетъ военными своими подвигами съ Дадіаномъ, болѣе разореній причиняющими собственнымъ его подданнымъ, по тому что необразованное войско Царское вездѣ, гдѣ проходитъ, грабитъ себѣ продовольствіе, а равнымъ образомъ и содержаніемъ при себѣ Царевичей Грузинскихъ на счетъ подданныхъ своихъ, посылая къ каждому по очереди Есауловъ съ бератами, для взиманія жизненныхъ припасовъ для сихъ трутней, окруженныхъ свитою, до 200 человѣкъ простирающеюся. Что не токмо Домъ Царской отъ того въ раздорѣ, но что и народъ вообще весьма на Царя за то негодуетъ. Что, кромѣ еще сего, есть много другихъ причинъ, возбуждающихъ на Царя народный ропотъ, о которыхъ онъ и упоминать опасается.

Такое его заключеніе возбудило во мнѣ величайшее любопытство къ пространѣйшимъ распознаваніямъ внутреннихъ въ Имеретіи обстоятельствъ, по чему я и поручилъ Яковлеву не выпускать изъ виду сего человѣка и его таскать.

Пробудившись часу во второмъ по полудни, и видѣвши Князя Церетеля также встающаго, я у него спрашивалъ, будемъ ли мы продолжать наше путешествіе? Онъ оказалъ къ тому свою готов-

ность. И такъ мы, сѣвши на лошадей, спустились съ крутой горы къ мосту, черезъ рѣку Ріонъ ведущему, къ Хидискари (мостовая застава) именуемому. Ріонъ въ семь мѣстъ дѣлеть быстро между 2-хъ ужасныхъ утесовъ каменныхъ, въ которыхъ высѣчены, по обѣимъ концамъ моста, караульни съ заставами. Мостъ же состоитъ изъ 2 толстыхъ перекладницъ съ одного берега на другой, на которыхъ дурнымъ мастерствомъ накинаны доски.

Продолжая путешествіе наше долинами, горами и рощами по правому берегу рѣки, переправившись черезъ сей мостъ въ 7 часовъ вечера мы прибыли въ Хонцкара, на довольно высокой горѣ лежащее селеніе. Подъ горою Князя Церетели и Авадовъ, простившись со мною, поѣхали къ Царю, а Мохранъ Князь Джипаридзе остался со мною, для провожанія меня въ назначенное мнѣ убѣжище, состоящее на вершинѣ горы, насупротивъ даковой же, на коемъ находилась башня, въ которой Царь жительствоваъ и на насъ изъ оной смотрѣлъ, когда мы на гору подымались.

Стало уже весьма смеркаться, и мы уже расположились на отдохновеніе, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Князь Авадовъ съ поздравленіемъ отъ Царя съ благопріятнымъ меня пріѣздомъ, съ предвѣщеніемъ, что Его Высочество непременно меня пригласитъ къ себѣ завтрашняго утра, и съ просьбою, чтобы я забылъ все прошедшее.

Я отвѣчалъ Князю сему, что для меня будетъ предѣлъ счастья, когда удостоюсь узрѣть Царя, и что съ однимъ исчезнетъ изъ моей памяти все, что ему угодно.

Князь Джипаридзе расположился подлѣ моей избы, въ сѣнномъ шалашѣ, а я приказалъ Яковлеву, будто нечаянно, съ нимъ завести какой ни будь разговоръ, для извѣщенія отъ него какихъ ни будь еще свѣдѣній о внутреннихъ Имеретіи обстоятельствахъ.

Пошедши къ нему, онъ то исполнилъ, и мнѣ послѣ довелъ въ подробности о содержаніи разговора у него съ Княземъ Джипаридзе имѣвшагося, какъ слѣдуетъ: что не только Царю, но и многимъ его вельможамъ извѣстенъ уже предметъ моего въ Имеретію пріѣзда. Что Царь, коль скоро извѣстится о моемъ вступленіи въ его предѣлы, то въ ту же минуту отправитъ тайно въ Моздокъ и въ Грузію лазутчиковъ для развѣдыванія, и что 16 дневное отлагательство моего приѣма дѣлалось, сколько въ ожиданіи извѣстій отъ лазутчиковъ, столько и для того, что Царь, вознамерившись прибытіе мое употребить въ свою пользу, хитрымъ обманомъ Князя Дадіана, посылавъ къ нему Килткартхуцеду, Князя Нижирадзе,

съ предложеніемъ, чтобы онъ безъ кровопролитія ему уступилъ крѣпость Цхивши, а съ оною и область Лечгумскую, и съ обѣщаніемъ, во взаимство того, сдѣлать ему всякое вознагражденіе по его желанію; въ противномъ же случаѣ его стращала войсками Россійскими, которые вспомоществовать ему яко бы будутъ, коль скоро онъ таковыхъ потребуетъ отъ Россійскаго посланца, къ нему ѣдущаго, что Дадіанъ, однако же, отвергнулъ, и что, по сей причинѣ, ему, Моураву, прислано было отъ Царя повелѣніе о собираніи войска.

Что Царь весьма не навидитъ Россіянъ, но ихъ страшится, и что, по тому, находится въ крайнемъ безпокойствѣ о содержаніи Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, у меня для врученія ему имѣющейся.

Что Царь, давая убѣжище въ предѣлахъ своихъ убѣжавшимъ изъ Грузіи 3 Царевичамъ: Юлону, Александру и Парпаозу, къ отягощенію подданныхъ своихъ имѣетъ въ предметѣ, при удобномъ случаѣ и способахъ, возвестъ старшаго изъ нихъ, Юлона, паки на царство Грузинское, дабы тѣмъ содѣлать себѣ союзника и помощника во многихъ своихъ замыслахъ.

Что хотя слухи и разсѣяны о побѣгѣ Царевича Александра въ Персію подъ предлогомъ, яко бы его неудовольствій на Царя, но что оныя распущены съ намѣреніемъ, дабы маскировать замыслы ихъ общіе; но что сей Царевичъ отправленъ отъ самого Царя съ грамотою къ Баба-Хану, въ Персіи властвующему, въ коей Царь Шаха сего возбуждалъ къ подъятію оружія противъ войскъ Россійскихъ въ Грузіи, для возстановленія Царства сего въ потомкахъ покойнаго Царя Ираклія.

Что чинимыя въ народѣ разоренія, какъ нынѣ собираемымъ войскамъ противъ Дадіана, такъ и взиманіемъ по очереди съ селеній во всемъ Царствѣ разныхъ припасовъ для Царевичей и ихъ многочисленной свиты, возбуждаютъ въ ономъ всеобщій ропотъ, до того, что многіе поселяне, оставляя хижины свои, удаляются въ Грузію и въ Турецкія области онискивать въ оныхъ себѣ пропитаніе способомъ найма въ работу. Что недовольные распространяютъ внушенія, что Царь незаконно царствуетъ; ибо отецъ его, Арчягъ, племянникъ Царя Соломона 1 и братъ Давыда, лишеннаго Царства, не токмо не царствовалъ, но и окончилъ жизнь свою не яко Христіанинъ, но какъ извергъ рода человѣческаго, бывъ проклятъ братомъ своимъ, Имеретинскимъ Католикосомъ, за безпутство и беззаконія еще при жизни своей, а по кончинѣ

лишенъ погребенія, и что по тому Царство принадлежитъ сыну покойнаго Царя Давыда, Царевичу Константину, варварски содержимому и оковами отягощенному.

Юля 25, въ 8 часу по утру, пріѣхалъ ко мнѣ Князь Бежанъ Аваловъ, для приглашенія меня къ Царю, и я въ ту же минуту поѣхалъ. Поднявшись на холмъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ башни, слѣзли мы съ лошадей и былъ я встрѣченъ Салтхуцесомъ, Княземъ Зурабомъ Церетелемъ, который насъ привелъ въ шалашъ, гдѣ Царь находился и меня ожидалъ.

При входѣ моемъ въ оный, Царь всталъ съ дивана и меня встрѣтилъ почти у самаго входа.

Сдѣлавши ему низкій поклонъ, я его Высочеству говорилъ:

«Что Его Императорское Величество, мой Всемиловитѣйшій Государь Императоръ Всероссійскій, отправилъ со мною Высочайшую свою дружескую и благовоительную грамоту къ Его Высочеству, поручить мнѣ изволилъ пожелать отъ лица своего свѣтлѣйшей особѣ Его Высочества благополучнаго царствованія и наслажденія вожделѣннымъ здравіемъ всему Царскому дому Его (что Яковлевъ переводилъ по Турецки Князю Зурабу Церетелю, сей по Грузински изъяснялъ Царю; такимъ образомъ я и всегда въ послѣдствіи съ Царемъ и съ его вельможами изъяснялся).

Послѣ сего вручилъ я Его Высочеству Высочайшую Государя Императора грамоту и часы, брилліантами осыпанные, отъ имени Его Императорскаго Величества, сказавъ, что Государь Императоръ Его Высочество проситъ оныя принять въ знакъ своего благоволенія.

Царь, принявъ отъ меня то и другое, и сядя на диванъ, указывалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя, на которое я и сѣлъ.

Царь занялся разговоромъ со мною о трудностяхъ, которыя я долженъ былъ перенести въ путешествіи чрезъ Снѣговыя горы, и извинялся, что нѣкоторыя обстоятельства ему воспрепятствовали со мною видѣться прежде.

Я же Его Высочество благодарилъ за всѣ попеченія, мнѣ оказанныя начальствующими въ тѣхъ мѣстахъ, которыми я проѣзжалъ, заключивъ тѣмъ, что удостоившись узрѣть его Свѣтлѣйшую особу, я всѣ мои мысли на оную обращаю.

Спустя нѣсколько минутъ и воспользовавшись его молчаніемъ я всталъ съ дивана и Его Высочеству говорилъ:

«Что Его Императорское Величество, пребывая въ несомнѣнномъ увѣреніи о дружбѣ и всегдашней къ себѣ благонамѣренно-

сти Его Высочества, и по единоволю, издавна существующихъ, надѣяться изволить, что Его Высочество не отречется исполнить желанія Государя Императора, въ Высочайшей грамотѣ изъявленнаго.»

Его Высочество, со мною прощаясь, мнѣ токмо сказалъ, что онъ изволить заняться чтеніемъ грамоты.

Съ самой минуты моего къ Царю вступленія и при полученіи отъ меня грамоты, Его Высочество не могъ скрыть своего смущенія, безпрестанно краснѣлъ, и весь его со мною разговоръ примѣтнымъ образомъ былъ несвязенъ. Наконецъ, сидѣвши подлѣ Царя и видѣвши его теряющаго countenance, сказавъ ему выше писанное, при прощаніи я Царю сказалъ, что, не осмѣливаясь его обременять теперь моимъ присутствіемъ, я Его Высочество прошу всепокорнѣйше мнѣ дозволить къ себѣ являться съ почтеніемъ въ тѣ часы, когда Его Высочество не будетъ обремененъ дѣлами. Царь мнѣ на сіе отвѣчалъ, что всякая минута со мною ему будетъ пріятна.

Аудіенцъ-залъ, въ которомъ Царь меня принималъ, состоялъ изъ шалаша, сажени въ 3 діаметръ имѣвшаго, со всѣхъ сторонъ открытаго, а задомъ прислоненнаго къ забору, отъ башни идущаго и кукурусными листьями крытаго. Посреди онаго сдѣланъ былъ на небольшихъ бревешкахъ помость изъ нѣсколькихъ досокъ, покрытый шелковымъ ковромъ, что служило вмѣсто дивана.

Одежда Его Высочества была весьма простая. На головѣ Грузинская большая шапка. Кафтанъ Грузинскій зеленого цвѣта суконный, обложенный узенькимъ золотымъ галуномъ и подкафтанье ситцевое, красные суконные Турецкіе шаровары, и родъ Арабскихъ сапожковъ красныхъ сафьянныхъ. На шелковомъ поясѣ привѣшанъ у него обыкновенно кинжалъ въ золотѣ оправленный. Окруженъ же Его Высочество былъ внутри шалаша всѣми Паредворцами, а извнѣ множествомъ народа. Когда я сѣлъ съ Царемъ на диванъ, то принесенъ былъ чай, коимъ насъ подчивали.

Около 3 часовъ сидѣлъ я на дугу, подъ тѣнію орѣховаго дерева, близъ избы моей, ко мнѣ подошелъ Имеретинецъ, пожелавшій мнѣ здоровья, у коего я спросилъ откуда и кто онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что изъ Царскаго воинства, облегающаго крѣпость Цхивши, въ верстахъ въ 6 въ виду у насъ находившейся.

На вопросъ же мой о успѣхахъ ихъ блокады, онъ мнѣ сказалъ, что крѣпость непремѣнно должна будетъ сдаться, по тому

что комендантъ оной Келовалъ, будучи преклоненъ къ Царю, прислалъ къ нему довѣреннаго человѣка съ 20-ю другими съ ключами оной; что, однако же, было ложно.

Между тѣмъ чрезъ цѣлый день занимался я размышленіемъ о дѣйствіи, каковое бы надъ Царемъ произвела Высочайшая грамота, мною ему врученная, и о способѣ, какимъ бы я могъ о томъ узнать.

Князь Джипаридзе, если бъ что ни будь узналъ, конечно бы мнѣ сказалъ, но онъ съ утра дежурилъ у шалаша Царскѣго въ кучѣ Царедворцевъ.

Много я положилъ надежды на Князя Церетеля, но какъ его было залучить, чтобы Царь того не зналъ!

По счастію, однако же, случай мнѣ въ томъ поблагопріятствовалъ. К. Церетель ко мнѣ прислалъ съ человѣкомъ своимъ дыню, которую я принявъ, ему поручилъ сказать своему господину, что весьма бы желалъ съ нимъ повидаться.

Спустя съ полчаса К. Церетель ко мнѣ пріѣхалъ. Въ началѣ я обратилъ разговоръ на счетъ благосклоннаго Его Высочествомъ меня приѣма, потомъ мало по малу и на предметъ моего въ Имеретію пріѣзда; что, какъ, по моему мнѣнію, содержаніе Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, Царю мною врученной, не можетъ не быть ему извѣстно, то что я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы Его Высочество не пожелалъ въ точности исполнить Высочайшей Государя Императора воли, въ оной изъвленной, для собственной своей пользы; полагаю, однако же, твердую надежду въ немъ, К. Церетелѣ, что онъ потщится Царю и истолковать всѣ выгоды, отъ того произойти могущія, а въ случаѣ нерѣшимости Царя, по вліянію, которое онъ, Князь, надъ особою Его Высочества имѣть будетъ, стараться его къ тому наклонять.

Князь Церетель мнѣ на сіе отвѣчалъ, что Царь, прочетши грамоту, далъ ее читать ему и племяннику его, Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, а болѣе никому оной не сообщалъ, а потомъ ее спряталъ, не показавъ ни малѣйшаго вида, изъ котораго бы заключить можно было о образѣ его мыслей по сему предмету.

Что онъ съ своей стороны, питая въ душѣ преданность къ Россіи, прилагать будетъ всевозможное стараніе къ убѣжденію Царя, чтобы онъ исполнилъ желаніе Государя Императора, и по тому еще, что съ благополучіемъ Царевича Константина со-

пряжено и благоденствіе всего дома Церетелевъ, по родству онаго съ Царевичемъ.

Что, однако же, онъ меня предупреждаетъ въ своемъ сомнѣніи, чтобы Царь добровольно согласился Царевичу даровать свободу, а еще менѣе отпустить его въ Россію, по тому что Царю не безызвѣстно единодушное подданныхъ своихъ желаніе Царевича видѣть на свободѣ, и что неоднократно употреблялъ у Его Высочества ходатайство по сему предмету, въ томъ видѣ, что какъ Царевичъ Константинъ единственный законный наследникъ Царства, то что гораздо Царю приличнѣе, вмѣсто заточенія, его держать при своемъ лицѣ, дабы онъ съ юныхъ лѣтъ привыкалъ носить на себѣ достоинство, ему принадлежащее, на что Царь всегда отвѣчалъ, что лучше согласится умереть, нежели Царевича освободить, опасаясь, чтобы, по мѣрѣ вступленія его въ зрѣлыя лѣта, не покусился онъ содѣлать съ Царемъ того же, что претерпѣлъ покойный отецъ Царевича, Царь Давыдъ. Да и что Царь никогда себѣ вообразить не могъ, чтобы въ юности сего Россійскій Императоръ могъ принимать Всемилостивѣйшее участіе.

Князь Церетель, поѣхавъ отъ меня, просилъ дозволенія познакомиться со мною племянника своего, Князя Кайхосро Церстели и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Царю вельможъ, что я принялъ съ благодарностію и просилъ на завтра то исполнить.

Въ вечеру, довольно уже поздно, дядька, Князь Аваловъ, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что, по повелѣнію Царя, онъ долженъ находится при мнѣ безотлучно, для наблюденія, чтобы не было мнѣ ни въ чемъ недостатка, и чтобы меня не беспокоилъ шатающійся народъ своимъ любопытствомъ.

Хотя я и понималъ, что наблюденія его долженствовали простираться на то, чтобы имѣть за мною присмотръ, и чтобы не допускать до меня тѣхъ, которые бы мнѣ могли подать какія ни будь свѣдѣнія, однако же я Князя сего вѣжливейше просилъ принести мою благодарность Его Высочеству за милостивое обо мнѣ попеченіе.

И такъ, приставленный ко мнѣ одноокой Аргосъ (ибо онъ кривой на правый глазъ) расположился въ соломенномъ шалашѣ, на гумнѣ, подлѣ самой избы моей, а Князя Джипаридзе велѣно было отъ меня удалить, такъ что я болѣе его уже не видалъ, а извѣстно мнѣ было, что его отправили чрезъ нѣсколько дней назадъ.

Кромѣ сего главнаго Пристава, опредѣлили ко мнѣ, по по-

вельнію Царя, 2 дворянъ для услуги, которые должны были пешихъ о доставленіи мнѣ ежедневно барана, куръ, хлѣба и вина.

Надзоръ надо мною до того былъ строгъ, что и Князя Церетеля съ сего дня никогда Царь ко мнѣ не отпускалъ одного, а всегда были съ нимъ 2 вельможи, изъ числа коихъ безотлучно находился въ моихъ съ вельможами свиданіяхъ кривой дядька Царскій, что однако же, мнѣ мало препятствовало въ моихъ операціяхъ для залученія къ себѣ людей, коихъ тайно видѣть я хотѣлъ, какъ изъ послѣдствія видно будетъ.

Іюля 26, около полудня, пріѣхалъ ко мнѣ Князь Церетель съ вельможами, Князьями Сердаремъ Кайхосро Церетелемъ, Зурабомъ Мачабеломъ, никакого отличнаго званія не носящимъ, но великою довѣренностію Царя пользующимся, и Ростомомъ Нижарадзе, Калапартхуцеломъ Царскимъ, т. е., имѣющимъ смотрѣніе за гардербомъ, кухнею и столомъ, а такъ же и должностъ виночерпія исполняющимъ. Онъ всегда намъ подавалъ чай и кофе, когда я бывалъ у Царя, а съ ними кривой дядька Аваловъ.

Визитъ ихъ у меня продолжался около получаса, и разговоръ не заключалъ въ себѣ ни чего важнаго, кромѣ того токмо, что, по видимому, они были подосланы ко мнѣ отъ Царя для узнанія о Царицѣ Аннѣ, ибо они любопытствовали о ея пребываніи при Высочайшемъ Дворѣ Россійскомъ, и образѣ, коимъ она въ С.-Петербургѣ принята, по чему и не упустилъ имъ о томъ дать понятіе самое выгоднѣйшее для Царицы, говоря въ имъ, что она Всемилостивѣйше принята Его Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ Императорскимъ Домомъ, и что пользуется Высочайшими Ихъ Величествъ милостями.

Когда сіи вельможи отъ меня поѣхали, то Князь Церетель мнѣ сказалъ отъ имени Царя, что Его Высочеству всегда пріятно будетъ меня видѣть у себя, когда я того пожелаю, я же его просилъ Царю изъяснить мою нижайшую благодарность, съ присовокупленіемъ, что всякій разъ не престану его, Князя Церетеля, или дядьку, Князя Авалова, предвѣщать о таковомъ моемъ желаніи, для испрошенія мнѣ дозволенія у Его Высочества свободнаго часа, въ который бы я не былъ ему въ тягость, и что я всегда готовъ и на востребованіе Его Высочества, когда приглашеніемъ къ себѣ Царю почтить меня угодно будетъ.

А того же вечера, часу въ 5, послалъ я къ Аргусу своему, его просить, чтобы онъ, когда пойдетъ къ Царю, испросилъ у Его Высочества мнѣ свиданіе на завтрашній день, но Царь меня

въ томъ предварилъ, приславъ ко мнѣ въ ту же минуту съ приглашеніемъ къ себѣ.

Разговоръ Царя со мною сначала касался до предметовъ постороннихъ. Онъ спрашивалъ у меня, давно ли я въ отлучкѣ изъ С.-Петербурга, любопытствовалъ о учрежденіяхъ въ Россіи почтъ.

Но потомъ, какъ окружавшіе его Царедворцы, по сдѣланному имъ знаку, всѣ удалились, а остались съ нами только Князь Церетель, дядька Князь Аваловъ, Мачабелъ, Сердаръ Князь Кайхосро Церетель и Князь Нижарадзе, то Его Высочество далъ разговору оборотъ весьма педеликатный. По нѣкоторомъ молчаніи, Царь изъяснилъ мнѣ свое сомнѣніе въ томъ, что, по его мнѣнію, переводъ на Грузинскомъ языкѣ Высочайшей грамоты, мною ему врученной, не сходствуетъ съ Россійскимъ оригиналомъ. Я же, ни малѣйшаго вида сомнѣнія, или удивленія, не оказывая, Царю отвѣчалъ, что въ содержаніи или смыслѣ словъ перевода съ оригиналомъ ни малѣйшей разности быть не можетъ, но что если бы то и могло быть, то, что я словесно Его Высочеству могу повторить о содержаніи Высочайшей грамоты; ибо мнѣ оное не можетъ не быть извѣстно, по тому что я имѣю и копію оной; что, впрочемъ, ежели Его Высочество изволитъ еще въ томъ сомнѣваться, то можно тотъ же часъ свѣрить, отдавъ Яковлеву оригинальную, а переводъ Князю Церетелю, который изрядно понимаетъ по Русски. Царь по моему предложенію исполнилъ. Переводъ такимъ образомъ, при глазахъ Его Высочества, свѣренъ, и сходство обоихъ подтверждено. Царь покраснѣлъ и въ великомъ замѣшательствѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, оригиналъ долженъ быть краснорѣчивѣе. Я же отвѣчалъ, что то быть можетъ, но что какъ бы переводъ не складенъ ни былъ, однако же что настоящаго въ ономъ смысла оригинала конечно не потеряно.

По нѣкоторомъ молчаніи, Царь обратилъ разговоръ на предметы политическіе, и меня спросилъ: Какою дорогою Французскія войска въ 1798 году пробрались въ Египетъ? Сухимъ ли путемъ, или моремъ?

(Какъ вообще Азіятцы ни малѣйшаго въ наукахъ понятія не имѣютъ, то хотя вопросъ сей и можетъ показаться нелѣпымъ, однако же оный клонился къ распространенію любопытства Его Высочества на довольно важный предметъ, а именно на тотъ, чтобы пріобрѣсть вѣрныя свѣдѣнія о союзѣ Государя Императора съ Портою Оттоманскою, какъ изъ продолженія явствуется).

Я также просто Царю отвѣчалъ, что Французы до Египта

добрались моремъ, и истолковалъ путь, которымъ флотъ ихъ туда шелъ.

Царь же съ насмѣшкою на сіе сказалъ, что если бы Туркамъ не вспомошествовали тогда силами Англичане, а въ послѣдствіи Россіане, то во что бы Французы напоследокъ могли превратить бездѣйственное Величество Султана? Я отвѣчалъ Царю съ усмѣшкою однимъ: «Конечно!»

Потомъ любопытствовалъ Его Высочество, есть ли еще нынѣ вспомогательныя Россійскія войска въ Царьградѣ, и Государь Императоръ въ тѣхъ ли еще дружественныхъ съ Портою сношеніяхъ, въ каковыхъ съ оною былъ блаженныя памяти родитель Его Величества?

Я во отвѣтъ на сіе донесъ Царю, что, кромѣ 2 военныхъ фрегатовъ, въ Царьградѣ иныхъ войскъ никакихъ нѣтъ, а что принадлежитъ до союза Его Императорскаго Величества съ Портою, то что оный ни малѣйшаго ослабленія ни потерпѣлъ.

Царь за симъ меня спросилъ: Не имѣетъ ли которое либо изъ прочихъ Европейскихъ Державъ непріязненныхъ видовъ, или дѣйствій, противъ Турокъ, присовокупивъ къ тому съ удивленіемъ, какъ можетъ столь долго существовать союзъ Россіи съ невѣрными!

Его Высочеству отвѣтствовалъ, что всѣ прочія Европейскія Державы, по уваженію союза Россіи съ Портою, равнымъ образомъ съ оною въ дружествѣ пребываютъ; а что Османы, хотя и слывуть Невѣрными, но, поелику они твердо наблюдаютъ силу трактата, съ Россіею ими заключеннаго, и никакихъ предосудительныхъ подвиговъ противъ Имперіи Россійской не предпринимаютъ, то что, во взаимство того, и Россія равнымъ образомъ обязанности свои по силѣ трактата хранить свято.

Царь на сіе мнѣ сказалъ, что пора бы Европу освободить, однако же, отъ сихъ басурмановъ, слѣдовъ варварства коихъ Имеретія до сихъ поръ еще не можетъ изгладить.

Мой же на сіе отвѣтъ состоялъ въ томъ, что въ благоденствіи, коимъ Имеретія наслаждается съ того времени, когда таковое Царству сему даровано Великою Екатериною, Императрицею Всероссійскою, и коимъ впередъ оное наслаждаться можетъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ благополучно царствующаго Государя Императора, не токмо давно можно было изгладить тѣ слѣды, но что и можно надѣяться и видѣть Царство Имеретин-

ское въ цвѣтущемъ состояніи, по мудрому управленію онаго Его Высочества.

(Читателю можетъ показаться сей разговоръ мой съ Царемъ и чуднымъ, но я съ мыслями отвѣты мои такимъ образомъ располагалъ; ибо мнѣ нѣкоторымъ образомъ извѣстно было, что Царь мыслями безпокоился, чтобы какимъ ни будь образомъ Порты, посредствомъ Россіи, съ Имеретією сближавшейся присоединеніемъ Грузіи, не стала требовать возмездія за убіенія Царемъ Ахалцыхскаго Сабудъ-Паши, то я и хотѣлъ случай сей употребить въ пользу, чтобы внушеніемъ Царю о неразрывномъ союзѣ Россіи съ Портою въ немъ не угасить внутренняго его неспокойствія, съ тою надеждою, что, можетъ быть, онъ тѣмъ скорѣе рѣшится на исполненіе Высочайшей Государя Императора воли; однако же, какъ видно изъ послѣдствія, сіе ни что не помогло; ибо вліяніе Грузіи и оплошность тамошняго начальства возымѣло гораздо болѣе надъ Царемъ дѣйствія.)

Поелику стало уже смеркаться, то, пожелавъ Его Высочеству успокоенія, я съ нимъ разстался.

Іюля 27, около вечера, видѣли мы много конныхъ и пѣшихъ, подымавшихся изъ за лѣсу на холмъ къ шалашу Царскому. Были то аманаты, присланные къ Царю изъ селеній Лечгумскихъ, около крѣпости Цхывши лежащихъ, Его Высочествомъ пороченныхъ.

Того же вечера меня посѣтилъ Князь Церетель съ вельможею Княземъ Пулукидзе. При семъ постороннемъ человѣкѣ я никакъ не могъ съ Церетелемъ поговорить о чемъ бы надобно мнѣ было; онъ, однако же, самъ ко мнѣ пріѣхалъ не безъ намѣренія; ибо, возвращаясь отъ меня и будучи по двору провожаемъ Яковлевымъ, онъ ему, для донесенія мнѣ, сказалъ, что вчерашній вечеръ, послѣ свиданія со мною, Царь, находясь съ нимъ и съ дядькою, Княземъ Аваловымъ, и занимавшись перечитываніемъ Высочайшей грамоты, вызвался къ нимъ о нерѣшимости своей, дать ли свободу заключенному Царевичу, и отпустить ли его со мною, или нѣтъ? Что дядька ему на то отвѣчалъ, что весьма будетъ неблагоприятно, если Его Высочество упуститъ столь благопріятный случай заслужить Высочайшее покровительство, Государемъ Императоромъ въ грамотѣ ему и всему Царству обѣщанное, присовокупивъ къ тому, что лучше бы Его Высочество сперва взялъ осторожности, чтобы Царица Анна, мать сего Царевича, не уѣзжала въ Россію и Государя бы не могла утруждать о сынѣ

своемъ; а что, поелику уже Его Императорское Величество Всемиловѣйшее беретъ участіе въ семъ юношѣ, то весьма неприлично будетъ Царю того не исполнить. А что Царь промолчавъ, спряталъ грамоту и болѣе ничего по сему предмету не говорилъ, сказавъ сіе, Князь Церетель просилъ Яковлева мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы я созвалъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ приближенныхъ къ Царю вельможъ, для убѣжденія ихъ къ наклоненію Царя на рѣшимость.

А между тѣмъ достигали до меня слухи, что нѣкоторые изъ Царедворцевъ, Царю приверженные, провѣдавшіе о предметѣ моего въ Имеретію прѣзда, на то весьма вознегодавали, и, отзываясь неистово на счетъ Царицы Анны, матери заключеннаго Царевича Константина, говорили, что «лучше у себя юношу сего искрошить, нежели отпустить въ Россію, чтобы на послѣдокъ отечество свое не подвергнуть жребію Грузинъ», и что таковая молва необузданности дошла уже до свѣдѣнія Царя.

По чему и разсудилъ я за благо послѣдовать предложенію Князя Церетеля, и того же вечера послалъ Яковлева къ вельможамъ: сему Князю Церетелю, племяннику его, Сердарю, Князю Кайхосро Церетелю, Мачабелу и дядкѣ Князю Авалову, съ приглашеніемъ ихъ къ себѣ, на утро въ слѣдующій день.

Юня 28, по утру часу въ 8, означенные вельможи, кромѣ Князя Мачабела, который былъ куда-то отправленъ Царемъ, а вмѣсто его привелъ Церетель Князя Пулукидзе, собрались ко мнѣ.

Какъ я уже пріобрѣлъ много свѣдѣній о дурномъ расположеніи Царя къ Россіи и о его участіи съ Царевичами, въ Имеретіи укрывающимися, къ возстановленію Царства Грузинскаго и къ истребленію войскъ Россійскихъ въ Грузіи, а при томъ какъ мнѣ извѣстно стало, что приверженные къ Царю, заочно неистовствуя на счетъ Царицы Анны, отклоняли Царя отъ освобожденія Царевича, за которымъ я присланъ, то я расположился съ сими вельможами изъясниться по точному содержанію Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, и ихъ нѣкоторымъ образомъ удалить отъ той мысли, что Государь Императоръ Всемиловѣйшее свое ходатайство объ освобожденіи Царевича обращаетъ къ Царю по единому снисхожденію на просьбу его матери, но что Его Императорское Величество желаетъ симъ испытать на самомъ дѣлѣ благонамѣренность къ Россіи ихъ Царя, которая, по обязанностямъ единовѣрія и по благоденствію,

концѣ Царство Имеретинское наслаждается съ того времени, когда оно емо могуществомъ посредствомъ Россіи исторгнуто изъ владычества варваровъ, существовать непремѣнно долженствуетъ.

Вельможи казались слушающими съ великимъ вниманіемъ все, мною говоренное, а по окончаніи разговору они поѣхали отъ меня къ Царю, для донесенія о томъ Его Высочеству. Я же, съ ними прощаясь, присовокупилъ, съ видомъ откровенности, что, во взаимство ихъ усердія, я поставляю себя за счастье быть и за нихъ старателемъ и ходатаемъ, когда бы случай къ тому довелъ.

(Хотя Яковлевъ, поздно вечеромъ вчерашняго дня, и ѣздилъ къ симъ вельможамъ, для приглашенія ихъ ко мнѣ, но въ томъ не успѣвъ, по тому что они всѣ были у Царя, онъ поѣхалъ для того весьма рано сего дня по утру, пока Царь еще почивалъ. Пришедши въ шалашъ, въ которомъ меня Царь обыкновенно принималъ, онъ послалъ къ Князю Церетелю Зурабу сказать, что имѣетъ надобность съ нимъ видѣться, и пока онъ его тутъ дожидалъ, то подошелъ къ нему какой-то незнакомецъ и по Грузински его спросилъ, свѣдомъ ли онъ объ успѣхѣ того дѣла, за которымъ мы изъ Россіи пріѣхали? Яковлевъ, видя человека незнакомаго, счелъ его шпиономъ, и ему сухо отвѣчалъ, что онъ ни дѣла, ни его самаго, не знаетъ. Но незнакомецъ, не взирая на то, Яковлеву тихонько сказалъ, что какъ Царь не имѣетъ при себѣ исправнаго писца, то послалъ куда-то за другимъ для сочиненія отвѣта Государю, который мы повеземъ, при обратномъ нашемъ въскорѣ изъ Имеретіи отъѣздѣ. Въ самую ту минуту пришелъ въ шалашъ Князь Церетель, а незнакомецъ скрылся. Яковлевъ не оставилъ о томъ спросить у сего Князя, который въ томъ признался, съ негодованьемъ сказавъ, что его Царь не знаетъ, что дѣлаетъ и съ кѣмъ шутить; не только съ сѣмъ случаѣмъ, но и въ томъ, что укрывательствуетъ у себя 3 Царевичей Грузинскихъ: Юлона, Парнаоза и Александра.

Между тѣмъ тревожило меня чрезъ цѣлый день любопытство о дѣйствіи, которое разговоръ мой съ вельможами, по донесеніи объ ономъ ими Царю, надъ Его Высочествомъ могъ произвести; по чему и поручилъ я Яковлеву, будто нечаянно съ Аргусомъ моимъ встрѣтиться, когда онъ, послѣ полуденнаго отдохновенія, пойдетъ по обыкновенію къ Царю, и по удобства или завести съ нимъ о томъ разговоръ, или его ко мнѣ мимоходомъ пригласить.

Онъ дѣйствительно то исполнилъ личнымъ съ нимъ на

единѣ изъясненіемъ, и сей кривою плауть, съ личиною откровенности, Яковлева увѣрялъ, что, по прибытіи отъ меня къ Царю, они Его Высочеству въ подробности о имѣвшемся у нихъ со мною разговорѣ донесли, и что хотя болѣе 2 часовъ Царь съ ними занимался по оному разсужденіемъ, но, не оказавъ никакого рѣшенія, съ ними разошелся къ обѣду, съ тѣмъ чтобы вечеромъ они всѣ опять къ нему собрались, для повторительнаго о томъ разсужденія, на которомъ, безъ сомнѣнія что ни будь они обще положить и, конечно, ко мнѣ же пріѣдутъ отъ Царя съ увѣдомленіемъ, или Царь меня къ себѣ пригласитъ для изустнаго сказанія мнѣ своего рѣшенія.

Яковлевъ не оставилъ ему вкратцѣ подтвердить, сколь полезно будетъ для Царя, если онъ безъ отлагательства исполнитъ въ точности Высочайшее Его Императорскаго Величества желаніе, и не менѣе для тѣхъ, кои, пользуясь довѣренностію Царскою, употребляютъ будутъ стараніе для убѣжденія къ тому Его Высочества.

Іюля 29, въ 8 часу по утру, Аргустъ мой пришелъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что вельможи, у меня вчерашній день бывшіе, желаютъ со мною видѣться, для сообщенія мнѣ нѣкоторыхъ предметовъ отъ имени Царя; по чему я изъяснилъ ему свою готовность ихъ у себя принять въ ту же минуту, если имъ то будетъ угодно. Они же дѣйствительно черезъ полчаса всѣ ко мнѣ съѣхались.

Послѣ чаю и нѣкоторыхъ пустыхъ разговоровъ, я ихъ спросилъ, какимъ повелѣніемъ отъ Царя изъ ихъ устъ я удостоенъ? Они же между собою согласясь, поручили Князю Церетелю говорить слѣдующее:

1. Что они обстоятельно донесли Его Высочеству о содержаніи моего съ ними разговора вчерашняго дня; что Царь, вникая въ истину того, сколь великое для него счастье быть удостоену всемилостивѣйшаго къ себѣ благорасположенія Его Императорскаго Величества, не токмо по тому исполнилъ бы Высочайшее Государя Императора желаніе, для котораго я къ нему прібылъ, но что если могло быть угодно Его Величеству, то что онъ и все Царство свое и самъ себя къ стопамъ Его повергнетъ. Что, однако же, со всѣмъ своимъ усердіемъ и приверженностію къ Государю Императору, встрѣчаетъ Царь въ томъ нѣкоторое затрудненіе, на которое Его Высочество моего требуетъ мнѣнія.

Я ихъ спросилъ, въ чемъ бы затрудненіе то состояло? Они же устами Князя Церетеля продолжали:

2. Что Царю угодно, чтобы я прежде позналъ всю исторію царствованія покойнаго Царя Давыда, отца заключеннаго Царевича Константина, и тѣ причины, по которымъ Царевичъ содержится въ крѣпости.

Что когда Его Высочество, нынѣ царствующій Соломонъ Арчиловичъ, по смерти Царя Соломона 1 оставался въ малолѣтствѣ законнымъ наслѣдникомъ Царства по его завѣщанію, то, до пришествія его въ совершеннолѣтіе, Царство Имеретинское, по общему избранію, поручено было во временное управленіе покойному Давыду, отцу заключеннаго Царевича, съ титуломъ Царя. Что Давыдъ спустя нѣсколько лѣтъ, по принятіи Царства, вмѣсто того, чтобы заниматься сохраненіемъ цѣлости и благосостоянія онаго, по нѣкоторому злопамятству на вельможъ, при Соломонѣ 1 бывшихъ, простеръ на нихъ свое мщеніе. Коль же скоро начали вельможи испытывать его гоненія, то, прибѣгши яко бы къ царсвотвавшему тогда въ Грузіи Царю Ираклію съ просьбою о избавленіи ихъ отъ варварствъ Давыда и возведеніи на Царство, возмужавшаго уже почти Царевича Соломона Арчиловича. Что Царь Ираклій, бывъ ими къ тому убѣжденъ, на то согласился, и, для произведенія того въ дѣйство, отрядилъ къ нимъ свои войска и всякія оказалъ вспомошествованія. Когда же Давыдъ провѣдалъ о таковомъ подвигѣ и намѣреніи вельможъ своихъ, и о соглашеніи съ ними Царя Ираклія лишить его Царства, то, желая за собою оное сохранить, и не надѣявшись на войско Имеретинское, требовалъ вспоможенія у Паши Ахалцыхскаго, обѣщавъ ему за то, когда Царство, съ помощію силъ его, за собою удержать, не токмо уступить во владѣніе Порты многія мѣста и крѣпости, но и отдать имъ множество Христіанскихъ церквей, для превращенія въ мечети. Залогомъ же своихъ обѣщаній послалъ яко бы Царь Давыдъ къ Пашѣ 16 юношей, дѣтей первѣйшихъ вельможъ.

Что когда народу стало извѣстно пагубное Давыда намѣреніе сіе, а паче то, что онъ Христіанскія церкви предавалъ владычеству варваровъ, то въ Имеретіи произошло отъ того гласное возмущеніе, и что всѣ единодушно стали требовать отнятія Царства отъ Давыда и возведенія на оное юнаго Царевича, Соломона Арчиловича.

Что Царь Давыдъ, лишившійся довѣренности и преданности къ себѣ народной, бывъ угрожаемъ силами Царя Ираклія, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, гдѣ, распродавъ посланныхъ туда залогамъ

прежде 16 юношей, дѣтей вельможныхъ, и собравъ ополченіе, изъ Турецкаго и Лезгинскаго войска состоявшее, сдѣлалъ трехкратное на Имеретію нападеніе, и, кромѣ убитыхъ, отечество свое, защищавшихъ, увлекъ въ плѣнъ до 17,000 человекъ, которые, потомъ были распроданы въ разныхъ мѣстахъ Азіи. Но что въ 3-й разъ не токмо войско Давыда было отражено храбростію Грузинскою (кто Грузинцевъ знаетъ, тотъ едва ли такому чуду повѣрить); но и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Что Давыдъ покоренный, страшившись истязаній за свои поступки, принялъ предъ всѣмъ народомъ раскаяніе и клятву, впредь ни чего не предпринимать ко вреду Имеретіи, за что не токмо онъ ни чего не претерпѣлъ, но яко бы, напротивъ, дано ему было имѣніе, для постоянной себя содержанія, и преимущество особы Царскаго поколѣнія при немъ было оставлено. Что, спустя короткое время, Давыдъ завелъ переписку съ непріятелями Имеретіи, въ которой, бывъ уличенъ, въ преступленіи своемъ признался, и не токмо вторичную далъ клятву жить спокойно, но, имѣя въ одной рукѣ крестъ Спасителя, а въ другой Евангеліе, торжественно отдалъ Царю Соломону Арчиловичу, нынѣ царствующему, малолѣтняго сына своего, Константина, въ залогъ, съ тѣмъ что представляетъ его на жертву за пролитую кровь Имеретинцевъ, если впредь предприметъ что либо во вредъ Царства. Наконецъ, что, спустя малое время, Давыдъ нарушилъ и сію вторичную клятву и, не памятуя о данномъ имъ Царству залогѣ, паки бѣжалъ въ Ахалцыхъ, и что хотя его преслѣдовали, но что онъ тамъ скрывшись и заболѣвъ оспою, отъ оной умеръ.

3. Что хотя отецъ заключеннаго Царевича столь много зла и причинилъ Царству, которое бы слѣдовало отомстить на семъ юношѣ, однако же, что Царь, исповѣдуя теплую вѣру Христіанскую, того не учинилъ, но въ предосторожность, чтобы онъ, будучи на свободѣ, не послѣдовалъ примѣру отца, и, привлекиши къ себѣ единомышленниковъ, не предпринялъ бы чего либо предосудительнаго противъ Царя, содержитъ его токмо въ крѣпости подъ присмотромъ, доставляя ему все потребное для его существованія.

4. Напоследокъ, что Его Высочество со всею охотою готовъ исполнить желаніе Его Императорскаго Величества, но что опасается, чтобы когда Царевичъ, будучи освобожденъ и въ Россію отправленъ, а по просьбѣ матери Государемъ Императоромъ и

ей отданъ будетъ, не сталъ бы причинять Царю безпокойствъ вмѣстѣ съ матерію своею.

Выслушавъ отъ нихъ Арабскую сію сказку со вниманіемъ, я съ удивленіемъ ихъ спросилъ, что побуждаетъ Царя дѣлать такія заключенія, и къ Государю Императору имѣть такую недовѣрчивость?

Ихъ же отвѣтъ былъ, что, можетъ быть, по тому, что Царь имѣетъ въ памяти нѣкоторые случаи съ сосѣдственными Государствами, особенно съ Персіею, на льстивыя предложенія коей въ прежнія времена Грузія склоняясь, чрезмѣрною довѣрчивостію обращала часто на себя собственное свое оружіе.

Я же имъ сдѣлалъ слѣдующія возраженія: что, поелику Его Высочество изволилъ требовать моего мнѣнія на все, что отъ имени его изъ устъ ихъ я теперь слышалъ, то я прошу ихъ Царю донести:

1. Что Всероссійскій Государь, обладатель пространнѣйшихъ земель во всей Европѣ, какъ имъ самимъ то не безъизвѣстно, правилами Невѣрныхъ никогда не руководствуется, и что Высочайшее Его Императорскаго Величества слово въ твердости своей непоколебимо.

2. Что Его Высочеству, ихъ Царю, не простиительно бы было сомнѣваться въ томъ и тогда, когда бы Государь Императоръ изволилъ къ Царю просто токмо обратить свою просьбу объ освобожденіи Царевича и объ отправленіи его къ себѣ, но коль скоро Его Императорское Величество съ просьбою во всемиловѣйшей своей грамотѣ къ Царю соизволяетъ вызываться тѣмъ, что Царевичъ, оставаясь навсегда въ Имперіи нашей, и чрезъ то самое избавляя васъ отъ напрасной заботы, прекратить всякое о себѣ сомнѣніе, а въ заключеніи той же грамоты, во взаимство исполненія Царемъ Высочайшаго своего желанія, Государь Императоръ изъявляетъ свою готовность оказывать Царю и Царству Имеретинскому высокое свое покровительство: то если Его Высочество изволитъ вникнуть въ сіи Высочайшія слова, и оныя по прямому оныхъ смыслу понять, то я остаюсь въ твердой надеждѣ, что всякое сомнѣніе его долженствуетъ исчезнуть, и Высочайшее Его Императорское Величества желаніе точно исполнится.

Вельможи, между собою деретолковавъ, мнѣ признались, что сколько они вмѣстѣ съ Царемъ ни прочитывали Высочайшую грамоту, но глубины смысла оной не поняли, что тотъ же часъ донесутъ о томъ Его Высочеству.

Подтвердивъ оное имъ при прощаніи, я ихъ просилъ мнѣ доставить случай быть у Царя съ почтеніемъ.

Въ вечеру Князь Аваловъ, возвратившись отъ Царя, вызвалъ къ себѣ Яковлева и предъ нимъ извинялся, что Царь, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принужденъ былъ отложить свиданіе со мною до завтрашняго дня, и именно по тому, что Царь, будучи безпрестанно обманываемъ Дадіаномъ въ сдачѣ крѣпости Цхывши, занимается распоряженіемъ къ рѣшительному дѣла сего окончанію, взятіемъ оной приступомъ, и что для того послалъ въ какую-то крѣпость за пушками. А при томъ сей плутъ, съ личиною усердія, не оставилъ Яковлеву откровенно сообщить, что вельможи опять разсуждали съ Царемъ по содержанію послѣдняго моего съ ними разговора; что Его Высочество ни чего рѣшительнаго не объявилъ, оставивъ оное до свиданія со мною. Такъ же, что онъ, Князь Аваловъ, разсуждалъ яко бы съ нѣкоторыми Царедворцами о предметѣ моего къ Царю пріѣзда, но что они всѣ пребываютъ въ тѣхъ мысляхъ, что лучше Царевича истребить, нежели въ Россію отпустить. Что онъ имъ истолковалъ смыслъ Высочайшей грамоты, Царемъ отъ меня по сему предмету полученной, и что послѣ сего они хотя и оставили прежнія мысли, но другихъ никакихъ не объявляютъ.

Іюня 30, въ 9 часовъ по утру, по приглашенію, имѣлъ я аудіенцію у Царя. Образъ, которымъ Царь меня принялъ, подалъ уже мнѣ поводъ къ заключенію, что Его Высочество имѣетъ нѣчто со мною поговорить по секрету; ибо какъ я вошелъ къ Царю, то онъ не былъ окруженъ толпою Царедворцевъ, а были у него токмо довѣреннѣйшіе вельможи, а именно: четверо, съ которыми я имѣлъ переговоры, братъ Князя Цулукидзе и Князя Нижарадзе. Послѣ кофе и чаю Царь ко мнѣ обратился съ вопросомъ, что сказать ему я имѣю?

Я же отвѣчалъ, что если вельможи Его Высочеству донесли все отъ меня, ими слышанное, то что на сію минуту болѣе ни чего не имѣю, кромѣ подтвержденія того, что Его Высочество напрасно изволить безпокоиться, имѣя столь твердое Всемилостивѣйшаго Государя Императора увѣреніе, въ Высочайшей Его Величества грамотѣ изъясненное. «Царь же на сіе мнѣ ни какого отвѣта не далъ, но, задумавшись, сказалъ, что ему кажется, что Государю Императору подозрительныя на его счетъ внушены мысли, и что, по видимому, Его Императорское Величество изволить на него имѣть гнѣвъ!

Я же ему возразилъ, что Его Высочество несправедливо тѣмъ беспокоится; ибо Всемиловитѣйшему Государю Императору, по благодати его, никакія подозрѣнія несродны; а при томъ да послужить Его Высочеству въ доказательство тому противнаго Высочайшая Его Императорскаго Величества грамота, мною ему врученная, во всемиловитѣйшихъ выраженіяхъ коей не заключается никакого смысла негодованія Его Императорское Величество на Его Высочество; но что я осмѣливаюсь просить Его Высочество меня удостоить довѣренностію, по чему таковое заключеніе онъ дѣлать изволить.

Царь мнѣ на сіе сказалъ, что онъ завѣрное знаетъ, что Генералъ Кноррингъ Государю Императору донесъ, что яко бы онъ замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ властвующимъ въ Персіи Баба-Ханомъ и съ прочими сосѣдственными Азіятскими владѣльцами, ко вреду войскъ Россійскихъ въ Грузіи.

Я же продолжалъ, что Г. Генералъ-Лейтенантъ Кноррингъ, по званію своему пограничнаго начальника, обязанъ непремѣнно вѣдать о всемъ, что за границею происходитъ и о томъ Его Императорскому Величеству доносить по сущей справедливости; и что по тому я Его Высочество смѣю увѣрить, что Г. Кноррингъ не могъ Государю Императору донести о сношеніяхъ Его Высочества съ Персіею и прочими, если не имѣлъ въ томъ увѣрительныхъ доказательствъ.

Царь, согласуясь со мною, отозвался, что если не въ томъ, то въ чемъ ни будь другомъ, онъ, конечно, предъ Его Императорскимъ Величествомъ обвиненъ.

Въ чемъ же обвиненіе то состоять могло? спросилъ я у Царя.

Его Высочество съ принужденіемъ отвѣтствовалъ: что въ разсужденіи Грузинскихъ Царевичей, въ его Царствѣ обрѣтающихся. А потомъ, обратясь къ Князю Церетелю и Авалову, имъ говорилъ: «Не вы ли сами тому свидѣтели, сколь часто я ихъ уговаривалъ, чтобы они принесли покорность свою Государю, и возвратились бы въ Грузію, и что они меня никогда не слушались.»

Князь Аваловъ пантоминою то подтвердилъ, а Церетель, отвернувшись, промолчалъ и, какъ казалось, съ Царемъ въ томъ не согласился.

Я же отозвался, что если Его Высочеству угодно, то я, можетъ быть, на сіе могу донести мѣсто, въ чемъ Его Высочество, думаю, со мною согласится.

Царь мнѣ говорилъ, что онъ мнѣ за то будетъ обязанъ

(Какъ довольно уже мнѣ было извѣстно, что Царь все пребывалъ еще въ надеждѣ на то, что Грузія, какимъ ни будь образомъ получитъ прежнее свое бытіе, и что Его Высочество, имѣя переписку по сему предмету съ бабкою своею, вдовствующею Царицею Дарьею, супругою покойнаго Царя Ираклія, участвуетъ въ ея замыслѣ возвестъ на Царство Грузинское сына ея, Царевича Юлона, въ Имеретіи укрывающагося: то и старался я Царя вовлечь въ сей разговоръ, дабы того коснуться такъ, чтобы ему не дать того примѣтить, что мнѣ то извѣстно, и изъ онаго лучше приобрѣсть понятіе о истинномъ образѣ его мыслей.)

По чему я и продолжалъ: что Его Императорское Величество, по восшествіи на престолъ Всероссійскій, нашелъ уже Царство Грузинское къ Имперіи присоединенное, и, обративъ, Высочайшее свое вниманіе на все, что къ образованію онаго, для благоденствія всего Грузинскаго народа споспѣшествовать могло, простеръ равнымъ образомъ милосердіе свое и на Царевичей Грузинскихъ, сохраненіемъ при нихъ имуществъ ихъ и кромѣ того особеннымъ отъ щедротъ своихъ награжденіемъ. Что Государь Императоръ, имѣя ясныя доказательства покорности и повиновенія тѣхъ изъ Царевичей, которые остались въ своемъ, отечествѣ, и другихъ, добровольно пожелавшихъ остаться въ Россіи, не можетъ, конечно, не удивляться поведенію 3 Царевичей, дѣтей покойнаго Царя Ираклія. Юлона, Царнаоза и Александра, въ Имеретіи по днесь пребывающихъ, а коими паче тогда, когда именемъ Его Императорскаго Величества неоднократно приглашаемы они были письмами Главнокомандующаго въ Грузіи въ отечество свое возвратиться, и когда Высочайшимъ Императорскимъ словомъ общаю имъ забвеніе всего прошедшаго, коль скоро они на путь истинный обратятся.

Царь, со вниманіемъ сіе выслушавъ, мнѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, въ томъ, что Царевичи сіи имѣютъ убѣжище въ его Царствѣ, противнаго Высочайшей Государя Императора воли ни чего быть не можетъ; по тому что всемилостивѣйшимъ манифестомъ имъ даровано прощеніе всѣхъ прежнихъ ихъ проступковъ, а при томъ и дозволено имъ избрать мѣсто для ихъ пребыванія, гдѣ они сами пожелаютъ.

Но я донесъ Его Высочеству, что если имъ даровано прощеніе всѣхъ ихъ прежнихъ проступковъ, то оное въ настоящемъ дѣйстви своемъ тогда токмо быть можетъ, когда они, возвра-

тѣсь въ свое отечество, повиноваться будутъ законной власти Его Императорскаго Величества и въ вѣрности къ Престолу Всероссийскому учинить присягу, чего они еще не исполнили.

А что касается до дозволенія, всемилостивѣйше имъ даннаго, избрать по произволу мѣсто для всегдашняго своего пребыванія, то и оное простирается токмо до того, что они могутъ или оставаться навсегда въ своемъ отечествѣ, или же гдѣ пожелаютъ въ Имперіи Россійской, а не внѣ границъ оныхъ, на что безъ особаго Высочайшаго дозволенія, ни кто изъ подданныхъ самопроизвольнаго права не имѣетъ.

Царь, послѣ нѣкотораго молчанія, съ видомъ признанія, отозвался, что онъ по сему невинно вовлеченъ въ проступокъ противъ Государя Императора.

Я же, въ заключеніе сего, присовокупилъ, что, по здравому разсудку, казалось бы, что тотъ, которому прощены дурныя дѣла, долженствовалъ бы хорошими поступками загладить заблужденія, въ которыя обстоятельствами вовлеченъ быть могъ, а не повторять оныхъ, и что совсѣмъ того въ противность поступаетъ доднесь Царевичъ Александръ, который, и въ Имеретіи не уживался, скитается по Азіи.

Царь, со мною въ томъ соглашаясь, отозвался, что онъ въ таковыхъ поступкахъ Царевича Александра ни малѣйшаго участія не имѣетъ, а что Царевичъ, отпросясь на охоту, пропадалъ безъ вѣсти, и послѣ очутился въ Ериванѣ.

Я же Царю отвѣчалъ, что и я отнюдь не съ тѣми мыслями о томъ Его Высочеству докладывалъ, чтобы я осмѣлился возымѣть подозрѣніе объ участіи его въ побѣгъ сего Царевича.

Царь потомъ продолжалъ, что онъ давно бы желалъ принести свое оправданіе предъ Его Императорскимъ Величествомъ, или посредствомъ письма, или же черезъ посланца, котораго бы отправить въ С.-Петербургъ; но что, зная, сколь великую довѣренность у Государя имѣетъ Генералъ Кноррингъ, опасается того, что если бы было отправлено къ Государю Императору письмо, то оное не дойдеть, а удержано будетъ Г. Кноррингомъ; а если бы отправленъ былъ посланецъ, то Г. Кноррингъ его до С.-Петербурга не допустить, а конечно назадъ отправить.

Съ увѣреніемъ Царя, что напрасно и въ семъ имѣетъ сомнѣніе, я его просилъ мнѣ сказать, по какому поводу онъ заключенія таковыя дѣлать изволить?

Его Высочество отвѣчалъ, что, когда прошедшею зимою онъ

отправилъ съ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору посланникомъ Князя Джипаридзе, то Генералъ Кноррингъ, предоржавъ его нѣсколько времени въ Георгіевскѣ, отослалъ обратно, и что послѣ сего Его Высочество не имѣетъ болѣе надежды впредь съ Высочайшимъ Дворомъ Россійскимъ быть въ ближайшихъ сношеніяхъ.

Я же просилъ Царя быть по сему предмету спокойнымъ, представляя ему, что по одному примѣру не всегда можно судить о послѣдующихъ, а при томъ его старался увѣрить, что съ предметомъ, съ которымъ Князь Джипаридзе къ Высочайшему Двору отъ Его Высочества былъ отправленъ, Генералъ Кноррингъ, извѣстясь объ ономъ, и не осмѣлился посланника сего далѣе пропустить, а что мнѣ также не безъизвѣстно, что сей Генералъ, отправивъ обратно Князя Джипаридзе съ приличнымъ званію, въ которомъ онъ отъ Его Высочества къ Высочайшему Двору былъ назначенъ, награжденіемъ, Его Высочеству донесъ письменно о причинахъ, по которымъ слѣдовать ему далѣе воспрещалось, и съ нимъ же прислалъ къ Царю тому доказательства.

Царь долженъ былъ и въ семъ со мною согласоваться; ибо сказалъ, что то совершенная истина.

(Я въ свѣжей памяти имѣлъ, что Генералъ Кноррингъ, съ отношеніемъ къ Его Сіятельству Вице-Канцелеру, отъ 8 Февраля сего 1802 года, подъ № 422, о извѣстіи чрезъ сего посланца, Князя Джипаридзе, полученномъ, что яко бы владѣлецъ Дечгумскій и Одишскій Дадіанъ, за нѣкоторое умышленіе противъ Царя, изъ владѣній своихъ изгнанъ, при особомъ письмѣ къ Вице-Канцелеру сообщилъ копію рапорта своего къ Государю Императору о томъ, что Князь Джипаридзе отъ Царя Имеретинскаго былъ отправленъ къ Высочайшему Двору съ порученіемъ ходатайствовать о возведеніи на Царство Грузинское Царевича Юлона, и что онъ, Генералъ Кноррингъ, не разсудивъ пристойнымъ съ сими предметами посланца сего ко Двору отправить, послалъ его назадъ, поручивъ ему доставить Царю нѣсколько печатныхъ экземпляровъ Высочайшаго манифеста о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской и штата нынѣшняго оной образованія.)

Заключеніе сей моей у Царя аудіенціи, было то, что я бы весьма желалъ видѣть тотъ предметъ, который, по желанію Его Императорскаго Величества, препорученъ мнѣ быть долженствовать, для доставленія въ Россію.

Царь же отвѣчалъ, что ни чего о томъ рѣшительнаго сказать еще не можетъ.

Въ вечеру сего дня посѣтили меня Протопопъ изъ причта соборнаго Архимандрита Кутаискаго Николая, встрѣтившаго насъ 24 сего мѣсяца на дорогѣ въ селеніи Хывши, и купецъ, уроженецъ Грузинскій, Георгій, о коемъ же упоминается 24 числа.

Протопопъ сидѣлъ у меня весьма короткое время, любопытствовалъ токмо о пребываніи въ С.-Петербургѣ Царицы Анны. Купецъ же, разговаривая съ Яковлевымъ по Турецки, его увѣдомлялъ, что о моемъ въ Имеретіи пребываніи не токмо извѣстно въ Кутаисѣ, столицѣ оной, но въ Ахалцыхѣ и другихъ сосѣдственныхъ областяхъ. Что въ Кутаисѣ желаютъ насъ видѣть, и пріѣзду нашему весьма радуются, и что какъ всѣмъ уже извѣстно о предметѣ моего къ Царю пріѣзда, то большая часть народа, или всѣ благомыслящіе, весьма желаютъ, чтобы Царь требованіе Россійскаго Государя исполнилъ. Сей же купецъ сообщалъ за извѣстіе, что, по полученному Царемъ свѣдѣнію о движеніи Дадіана съ 300 человекъ для поданія сикурса блокируемой крѣпости Цхивши войскомъ Имеретинскимъ, Его Высочество отправилъ въ оное Сердара, Князя Кайхосро Церетеля, и Князя Отія Чулукидзе. Любопытно для меня было извѣдать о числѣ войска Царскаго, крѣпость облегающаго, и вообще противъ Дадіана дѣйствующаго; по чему я сдѣлалъ ему о томъ вопросъ, а онъ мнѣ донесъ, что онаго было до 500 человекъ; но что, какъ стало недоставать жизненныхъ припасовъ, то что большая онаго часть разбѣжалась, а теперь едва ли осталось онаго до 200 человекъ всякаго сброду, и что по тому, по повѣленію Царя, отсюда войско набирается, для добавленія недостающаго, и везутся откуда-то 3 пушки.

Гораздо уже поздно вечеромъ, вышедъ походить и, увидѣвши моего Аргуса, сѣдѣщаго на гумнѣ, у огонька, послѣ ужина, я, будто нечаянно, къ нему зашелъ; а цѣль моя была та, что какъ уже, слухи подтверждались, что Царь послалъ куда-то и за какими-то Мдиваномъ или писцомъ, для сочиненія отвѣтной къ Государю Императору грамоты, которую располагалъ отправить со мною: то чтобы съ нимъ завести о томъ рѣчь, и, если можно, извѣдать объ особѣ Мдивана и о нынѣшнемъ мѣстѣ его пребыванія. Что дѣйствительно мнѣ удалось, и вотъ что кривой мой Аргусъ разсказалъ, на вопросъ, мною ему сдѣланный, скороли Мдиванъ изъ Кутаяса пріѣдетъ, и кто отъ такой?

Что, онъ нѣкто Князь Соломонъ, и что не въ Кутаисѣ, но въ Тифлисѣ находится по нѣкоторымъ препорученіямъ Царскимъ;

что ожидаютъ около воскресенья, или 3 Августа. Что онъ человѣкъ, имѣющій даръ краснорѣчія, пользуется милостями и довѣренностью Царя, ему пожаловавшаго за усердіе Моуравство, дворовъ изъ 70 состоящее, въ коихъ можно полагать до 500 душъ и сверхъ того ежегоднаго содержанія, по 500 маргалъ, по званію Мдивана.

Сего дня меня было довольно для заключенія о предметѣ его пребыванія въ Тифлисѣ, когда сіе сказаніе я сообразилъ съ краткимъ описаніемъ о семъ человѣкѣ, мнѣ сдѣланнымъ Коллежскимъ Ассессоромъ Яковлевымъ, его знавшимъ въ то время въ Тифлисѣ, когда онъ тамъ находился съ Министромъ, Г. Коваленскимъ, слѣдующимъ:

Что Князь Соломонъ Мдиванъ, долженъ быть самой тотъ, который, за отличныя дорованія и краснорѣчіе во многихъ Восточныхъ языкахъ, былъ употребляемъ Царемъ Иракліемъ въ важнѣйшія дѣла; что уроженецъ онъ Лезгинскій. Но въ 1783 году, при заключеніи въ Грузіи съ Россіею трактата, а задѣланную имъ измѣну, Князь Соломонъ былъ брошенъ, а потомъ прощенъ и опять, по прежнему, у Царя Ираклія былъ въ милости. Потомъ вторичную сдѣлавъ нѣкую измѣну, и лишился на всегда милостей Царскихъ. Что преемникъ Царя Ираклія, Царь Георгій, его ненавидѣлъ, и что, напоследокъ, когда Грузія была присоединена къ Россіи, то Соломонъ бѣжалъ въ Имеретію.

Однако же заключеніе мое простиралось токмо до того, что я нѣсколько сомнѣвался, чтобы Царь исполнилъ требованіе Государя Императора; а объ истинныхъ причинахъ того догадаться мнѣ было до случая не почему.

Юля 31 пришелъ ко мнѣ тайнымъ образомъ купецъ, часто упоминаемый Георгій и, между прочимъ, говорилъ, что, когда Царь ко мнѣ отправлялъ на встрѣчу въ Бари своего дядьку, К. Авали-Швили, то ему приказалъ стараться развѣдать, какой уроженецъ Яковлевъ, котораго я впередъ себя къ Его Высочеству тогда отправлялъ, къ чему и дѣйствительно прилагалось съ ихъ стѣроны стараніе, но Яковлевъ, какъ самъ долженъ былъ сказываться Малороссіяниномъ, такъ и всѣмъ свиты моей людямъ о томъ строго было приказано; когда же его спрашивали, какъ онъ такъ хорошо знаетъ Азіатскіе языки, то онъ говорилъ, что въ послѣднюю Турецкую войну находился при Князѣ Потемкинѣ и, бывъ употребленъ въ разныя должности, мало по малу онымъ научился.

Сей же Георгій сказывалъ, что къ крѣпости Цхивши при-

шло Имеретинцовъ еще до 500, и что съ оными отправленный отъ Царя Сердарь, Князь Кайхосро Церетель, можетъ быть, успѣетъ взять крѣпость сію.

Въ вечеру же меня посѣтилъ Князь Зурабъ Церетель, съ которымъ я имѣлъ пространный разговоръ о непреклонности Царя къ исполненію Высочайшаго Его Императорскаго Величества желанія, испытывая отъ него, что бы тому была за причина.

Онъ мнѣ съ прискорбіемъ говорилъ, что сколько со стороны благомыслящихъ ни прилагалось старанія къ убѣжденію Царя на преклонность, но что Его Высочество, не внимая ни въ какія выгоды, для него и для нихъ всѣхъ, отъ того произойти могущія, ни малѣйше не расположенъ дать свободу заключенному Царевичу, а еще менѣе его со мною отпустить въ Россію: а что хотя Его Высочество и оказываетъ видъ опасенія, чтобы сей Царевичъ, со временемъ, не сдѣлался для него опаснымъ. Но что есть кажется, какая то сокровенная причина, отъ того Царя отвлекающая, кромѣ сего опасенія, которой Князь Церетель яко бы самъ не постигаетъ.

Съ оказаніемъ моего на сіе удивленія, я Князю Церетелю откровенно сказалъ, что если Царь вздумаетъ пренебречь священнымъ Императорскимъ словомъ, со стороны безопасности его обезпечивающимъ, то таковою недовѣрчивостію можетъ огорчить Государя Императора болѣе, нежели Его Высочество вообразить себя то можетъ.

На вопросъ же, имѣ мнѣ сдѣланный, донести ли о семъ Царю? я оставилъ на его волю.

Между тѣмъ я все касался причинъ, какія бы Царя могли отъ того отклонить, а Князь Церетель все токмо подтверждалъ свое сожалѣніе, что Царь добровольно лишаетъ себя благоволенія Высокомонаршаго, и что сіе надобно пречестъ къ единому его невѣжеству, или упрямству.

Сей дипломатическій разговоръ приходилъ уже къ концу, и съ моей стороны заключался признательностію за его усердіе, а при томъ и откровеніемъ о моемъ желаніи постигнуть сокровенности Царя, останавливающія, кромѣ опасенія отъ Царевича, Князь Церетель наконецъ мнѣ отозвался, что онъ, можетъ быть, въ состояніи мнѣ дать нѣкоторую о томъ идею, изъ которой бы я могъ сдѣлать заключенія пространнѣйшія по сему предмету, если я ему токмо дамъ обѣщаніе хранить о томъ тайну, и предъ Царемъ ни малѣйшаго виду не показывать, что я что либо знаю.

Я не могъ не изъяснить ему моего на то согласія въ томъ смыслѣ, что всякую обязанность, отъ него мнѣ налагаемую, не и нако считаю, какъ удовольствіемъ.

И такъ Князь Церетель мнѣ за тайну сообщилъ, что сего дня, послѣ полудни, Царь получилъ изъ Грузіи извѣстіе о побѣгѣ Царевича Давыда изъ Тифлиса въ Борчалы, и о возмущеніи, въ Кахетіи и Кизакѣ ознаменовавшемся.

(Имѣвши уже достаточныя свѣдѣнія о замыслѣ и участіи Царя къ возведенію на Царство Грузинское Царевича Юлона, и объ операціяхъ Царевича Александра, къ тому же клонящихся, я мысленно себя поздравилъ съ неудачею моего въ Имеретію путешествія, а о сокровенностяхъ, Царя отклонявшихъ, заключить уже было не трудно.)

Князь Церетель отъ меня уѣхалъ, и я занялся мыслями, гдѣ я и въ какомъ критическомъ положеніи быть я долженъ, если мятежъ возьметъ свою силу, и если воцарится до того, что Имеретинцы, подъ предводительствомъ Царевича Юлона и Парнаоза, вздумаютъ Грузіи вспомошествовать.

Августа 1-го, послѣ полудни, слышно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По развѣдываніямъ о томъ Яковлева и Ильина, мнѣ донесеннымъ, были выстрѣлы сіи по Имеретинцамъ изъ крѣпости Цхывши сдѣланы. Тутъ же одинъ изъ дворянъ, ко мнѣ приставленныхъ, намъ за удивительное сообщилъ, что подъ горою, за нашею избою, лежитъ преогромная пушка, привезенная по повелѣнію Царя, изъ какой-то крѣпости на 20 нарахъ валовъ. Пушка сія весьма огромна и должна быть древняго литья Турецкаго; по видимому, она и въ Имерію завезена Турками во время ихъ надѣ Имеретіею владычества. Лафета подъ нею не было, а притащена она на арбѣ (родъ телеги).

Около вечера прислалъ ко мнѣ Царь письмо, имъ полученное въ письмахъ зятя его, Мсигхаза Андроникова, на границѣ Грузіи въ Имеретіи живущаго. Оно было ко мнѣ отъ Капитана Кавказскаго гренадерскаго полка Бартенева изъ Сурама, коимъ онъ мнѣ подавалъ свѣдѣнія, что Командующій въ Грузіи, Г. Генералъ-Майоръ Лазаревъ, въ бытность свою въ Сурамѣ, ему приказалъ быть исполнителемъ, по моему востребованію, вспомошествованія воинскими отрядами и способствовать къ немедленному доставленію къ себѣ въ Тифлисъ пакетовъ, если отъ меня таковыя получатся.

Поелику Царь оное ко мнѣ приславъ, мнѣ приказалъ сказать

что онъ того же вечера отправляетъ нарочнаго къ упомянутому зятю своему, и что не захочу ли я тѣмъ воспользоваться: то я написалъ къ Вице-Канцлеру о моемъ положеніи и ненадежности въ успѣшномъ моей миссіи окончаніи, и къ Генералу-Лейтенанту Кноррингу также, которыя нарочному и зѣло пьяному Имеретинцу, отъ Царя отправленному, я поручилъ, для доставленія въ Сурамъ Капитану Бартеневу, какъ онъ за способности признаетъ.

Августа 2го приходилъ ко мнѣ опять купецъ Георгій, который мнѣ сообщилъ, что Царь хотя ежедневно и не по одному разу прочитываетъ грамоту Государя Императора, и что сколько ни дѣлаютъ ему убѣжденій Князя Церетель и Нижирадзе, чтобы онъ исполнилъ въ точности Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, но что Его Высочество ни чему не внимлетъ и уже рѣшился отказать.

Онъ же, между прочимъ, мнѣ донесъ, что когда, нынѣшнею весною, Главнокомандующій Г.-Л. Кноррингъ пріѣзжалъ въ Грузію, тогда Царь, опасавшись, чтобы не было какого либо изъ Грузіи покушенія для спасенія заключеннаго въ крѣпости Мухури Царевича, изъ оной его перевелъ въ другую, называемую Сайайчегосъ, ближе къ Ахалцыху лежащую, и что по отъѣздѣ Главнокомандующаго изъ Грузіи, Царевичъ паки перемѣщенъ въ Мухури и содержится весьма крѣпко, имѣя, кромѣ 3-хъ запорокъ, безсмысленно караулъ изъ 25 человѣкъ.

Около вѣчера слышали мы нескладный звукъ дудокъ: было то Царское войско, въ Хонцкари пришедшее и мимо Царя парадомъ проходившее, которое слѣдовало къ умноженію воинства, крѣпость Цхыпи облежавшаго.

Августа 3-го, на разсвѣтѣ, опять пришло множество коннаго и пѣшаго войска, туда же назначеннаго. Между тѣмъ приказано отъ меня было стараться развѣдывать объ успѣхахъ Царской рати надъ Дадіаномъ, и въ тотъ же день мнѣ донесено, что Сердарь Князь Кайхосро Церетель, нѣсколько дней тому назадъ, съ Княземъ Дулукидзе поѣхавшій въ армію, имѣлъ отъ Царя порученіе, оставя подъ крѣпостію потребное число войска, ити съ большимъ количествомъ для покоренія Лечхума, а потомъ и Одиши, но что едва ли Сердарь въ чемъ успѣетъ; ибо, по слухамъ, извѣстно стало, что сосѣдственный съ Дадіаномъ Владѣтель Гуріеля ему намѣревается вспомошествовать; что Суанцы, Дадіану подвластные, не хотятъ участвовать въ войнѣ, а ожидаютъ спокойно своей судьбы, въ томъ, что если Лечхумъ останется за Дадіаномъ, то

они будутъ по прежнему ему повиноваться; если же Лечхумомъ Царь овладѣтъ, то и ему подвергнуться съ покорностію.

Часу въ 6-мъ по полудни былъ я приглашенъ къ Царю. Болѣе часа я долженъ былъ съ Его Высочествомъ заниматься пустыми разговорами, въ которыхъ, однако же, включались примѣчанія о великости и могуществѣ Россіи.

Солнце уже склонялось и я, видѣвши, что Царь ни мало нерасположенъ мнѣ что ни будь сказать о дѣлѣ, вызвался къ нему съ вопросомъ: «Не имѣетъ ли Его Высочество мнѣ чего ни будь милостиво приказать?»

Царь отвѣчалъ, что ничего, а что желалъ со мною токмо видѣться и провести вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Поблагодаривъ его, я Его Высочеству донесъ, что желалъ бы ему объяснить нѣсколько словъ. По чему всѣ Царедворцы удалились, а съ нами остались токмо Князь Церетель и Князь Аваловъ, дядька.

И такъ я Его Высочеству донесъ, что, имѣя счастье 10 уже дней при Свѣтлѣйшей его особѣ находиться и ни чѣмъ рѣшительнымъ не будучи удостоенъ, а при томъ, какъ уже всѣмъ извѣстно, что Его Высочество намѣревается вскорѣ отправиться въ походъ, то что я долгомъ считаю подтвердительно Его Высочеству предложить, что не лучше ли будетъ, чтобы Его Высочество до похода своего за благо признать извоилъ Царевича Константина безъ отлагательства мнѣ поручить, для путешествія его со мною въ Россію, въ разсужденіи того, чтобы мнѣ не запоздать и не упустить лучшаго времени для проѣзда черезъ горы Кавказскія въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Царь мнѣ отвѣчалъ, что онъ постарается то исполнить, но чтобы я взялъ терпѣнія еще на недѣлю, въ разсужденіи того, что Мдиванъ, за которымъ давно уже онъ послалъ, на сихъ дняхъ прибудетъ, и что потребно ему такъ же время для порядочнаго расположенія отвѣтной грамоты къ Государю Императору. Я Его Высочеству отвѣчалъ, что изъ сего я токмо заключить могу о продолжающемся въ мысляхъ его прежнему безпокойствѣ и недовѣрчивости къ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества увѣрительнымъ словамъ, въ грамотѣ изъясненнымъ, и что въ теченіи 10 дней моего при Свѣтлѣйшемъ лицѣ Его Высочества нахожденія, не видѣвши того, чтобы сдѣланъ былъ хотя малѣйшій подвигъ, съ Высочайшимъ желаніемъ Всемилостивѣйшаго Государя

моего сообразный, я нахожусь отъ того въ совершенномъ недоумѣніи, и долгомъ себѣ поставляю паки повторить Его Высочеству, что коль скоро я неоднократно удостоился слышать изъ устъ его о томъ, что Его Высочеству ничего столь не лестно, какъ пользоваться Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ, и что онъ въ томъ единую полагаетъ свою надежду, то что, по моему мнѣнію, столько же долженствуетъ быть Его Величеству пріятно въ семъ случаѣ доказать то на самомъ дѣлѣ.

Царь мнѣ паки повторилъ, что онъ ни на что еще не рѣшился, и что когда прибудетъ Мдиванъ, тогда немедленно все окончается.

Поелику уже начало смеркаться и Царь поднялся съ своего дивана, то я пожелалъ Его Высочеству спокойной ночи, мысленно при томъ расположивъ въ слѣдующій день къ себѣ пригласить вельможъ, для подтвержденія имъ убѣдительнѣйшаго о непричинѣ того, если Царь не исполнить Высочайшаго Государя Императора желанія.

Когда Князь Церетель и Князь Аваловъ, по приглашенію моему, ко мнѣ пріѣхали, около полудни Августа 4-го, то я открылъ съ ними слѣдующій разговоръ: по подтвержденіи имъ донесеннаго мною въ ихъ присутствіи Царю на канунѣ, и окончательнаго отзыва, Его Высочествомъ мнѣ сдѣланнаго, я продолжалъ: что естли я долженъ полагать вѣру къ изустнымъ увѣреніямъ Его Высочества, неоднократно мнѣ повтореннымъ, о истинномъ его желаніи пользоваться Всемиловѣйшимъ къ себѣ благорасположеніемъ Его Императорскаго Величества, то что я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы Царь не исполнилъ Высочайшаго Государя Императора желанія по содержанію грамоты. Но поелику, по истеченіи 10 дней моего при Его Высочествѣ пребыванія, я еще не вижу, чтобы Царь что либо сообразное тому предпринять извоилъ, т. е., чтобы было послано за Царевичемъ, для его освобожденія, то хотя и питаю я въ себѣ увѣренность, что Его Высочествомъ Высочайшая .Его Императорскаго Величества воля исполнена будетъ непременно, однако же за долгъ считаю откровенно имъ сказать, для донесенія устами ихъ Царю, что для Его Высочества благопріятнѣйшая теперь минута утвердить за собою Всемиловѣйшее благоволеніе Его Императорскаго Величества на всегда исполненіемъ безотлагательнымъ Высочайшей Его Величества воли. И наконецъ, что какъ Царь мнѣ отозваться

извоилъ, что ему потребно время для порядочнаго расположенія въ мысляхъ отвѣта къ Государю Императору, то что я прошу ихъ увѣрить Его Высочество, что лучший и приличнѣйшій его отвѣтъ на Высочайшую грамоту можетъ быть токмо тотъ, когда желаніе Его Императорскаго Величества, по содержанію оной, Царемъ будетъ исполнено безъ отлагательства.

Вельможи, сіе выслушавъ, отозвались, что имъ самимъ удивительно поведеніе ихъ Царя, и что они, какъ преданные къ Россіи, о томъ сердечно сожалеютъ. Симъ заключился мой съ ними разговоръ, и они поѣхали отъ меня, для донесенія объ ономъ Его Высочеству.

Августа 5, сидѣвъ по полудни на лугу, подъ деревомъ, гдѣ обыкновенно я отдыхалъ, видѣлъ я сперва одну кучу конныхъ и пѣшихъ, а потомъ и другую подобную, которыя подымались прямо къ шалашу Царскому. Хотя и было отъ меня приказано объ оныхъ развѣдать, но удалось то еще лучше. Ко мнѣ подошелъ Имеретинецъ, заговорившій изрядно по Русски а болѣе по Польски. На вопросъ, ему сдѣланный, кто онъ и гдѣ учился нашему языку, онъ отвѣчалъ, что онъ Полякъ, выѣхавшій съ Бурнашовымъ въ Грузію, а потомъ улалившійся въ Имеретію съ братомъ, и что нынѣ служитъ въ войскѣ Царскомъ, блокирующемъ крѣпость Цхивши. Не входя въ дальнее съ нимъ объясненіе, я его спросилъ о ихъ успѣхахъ противъ Дадіана,

Онъ же мнѣ разсказалъ, что нѣсколько дней тому назадъ пріѣхавшій въ армию Сердарь, Князь Кайхосро Церетель, хотя и забирался уже и далеко въ Лечхумъ, но, убоявшись Дадіана, большую силу на встрѣчу отрядившаго, ретировался подъ крѣпость Цхивши, и хотѣлъ оную принудить; но какъ она довольно укрѣплена, чтобы слабому Имеретинскому войску противустоять, то его испытаніе было тщетно; ибо ихъ крѣпости Имеретинцевъ поподчивали пушечными выстрѣлами и оными у нихъ убили 11 человекъ, а Сердарь, перепугавшись, отступилъ и опротивъ къ Царю прискакалъ съ симъ печальнымъ извѣстіемъ, которое и Его Высочество до глубины сердца тронуло.

Что двѣ кучи, мною видѣнныя, конныхъ и пѣшихъ, къ шалашу Царскому поднявшіяся, были Сердарь, ретировавшійся со свитою, и пріѣхавшій откуда, то Соломонъ Мдиванъ.

Того же вечера я нечаянно встрѣтился съ моимъ Аргусомъ и между прочимъ ему сказалъ, что я, кажется, видѣлъ Сердаря,

бывшаго нѣсколько дней въ отлучкѣ и путеводительствовавшаго храбрымъ воинствомъ, то возвращеніе его не по поводу ли какой ни будь побѣды, надъ непріятелемъ одержанной?

Но сей плутъ отвѣчалъ, что хотя гласной побѣды ни какой еще нѣтъ, а ожидать оной вскорѣ можно; но что Сердаръ пріѣхалъ для того, чтобы завтрашній день, который былъ праздникъ Преображенія Господня, отслушать съ Царемъ обѣдню, а сегодня всенощную.

Все сіе было весьма хорошо. Соломонъ Мдиванъ пріѣхалъ, и меня заставилъ размышлять о томъ, что будетъ, и чего не будетъ.

Поздно вечеромъ Князь Зурабъ Церетель прислалъ ко мнѣ фрукты съ своимъ человѣкомъ, и ему поручилъ меня тайно предупредить, что хотя Соломонъ Мдиванъ и довольно рано пріѣхалъ, но токмо отдалъ Царю много писемъ, а разговоръ съ Его Высочествомъ не имѣлъ, и что Царь, отложивъ оныя до завтра, отдалъ Соломону грамоту для чтенія (ту, которую я Царю, пріѣхавъ, вручилъ). Такъ же, что гость сей имѣетъ какое-то писмецо и ко мнѣ изъ Тифлиса, то что не разсужу ли я кого ни будь къ нему за онымъ отъ себя послать? Еще же, что изъ Россіи пріѣхалъ въ Тифлисъ Царевичъ Багратъ, и что о семъ извѣстіе привезъ Соломонъ Мдиванъ.

Августа 6, по утру, я послалъ Казака къ Князю Соломону Мдивану, поздравить его съ пріѣздомъ и спросить, не имѣетъ ли ко мнѣ изъ Грузіи писемъ? Онъ же мнѣ, чрезъ сего Казака, приказалъ отвѣчать, что черезъ минуту будетъ ко мнѣ самъ, для врученія мнѣ лично имѣющагося у него письма.

Чрезъ полчаса онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а Яковлевъ, его увидѣвъ, тихонько сказалъ, что онъ самой тотъ, о которомъ онъ мнѣ говорилъ.

Съ привѣтствіемъ онъ мнѣ вручилъ письмо отъ Правителя Грузіи Г. Д. С. С. Коваленскаго, въ которомъ Его Превосходительство изъясняетъ слѣдующее: что имѣя (откуда-то) офиціальное отношеніе о моемъ въ Имеретіи пребываніи, онъ за удовольствіе себѣ поставляетъ возобновить прежнее со мною знакомство и, пользуясь симъ случаемъ, мнѣ рекомендовать вручителя письма сего, Князя Соломона Леонидзе, находившагося въ Тифлисъ по дѣламъ Царя Имеретинскаго, а нынѣ Его Высочествомъ вызваннаго для совѣщанія по предмету моей миссіи, который, по увѣренію въ семъ письмѣ Г. Коваленскаго, не токмо ему далъ слово скло-

нить Царя на освобожденіе Царевича Константина, но, по усердію своему къ интересамъ нашимъ, и на дальнѣйшіе предметы, Имперіи полезныя.

А въ Р. S. письма сего Г. Коваленскій приписалъ собственною рукою: что краткость времени ему не позволяетъ мнѣ описать внутреннихъ Грузіи обстоятельствъ, но что онъ бы мнѣ не совѣтовалъ, на обратномъ пути въ Россію, ѣхать черезъ Грузію, а тою же дорогою, кторою я прибылъ въ Имеретію. Что не возмущеніе, въ Кахетіи и Кизикѣ ознаменовавшееся, можетъ для меня быть опасно, и его побуждаетъ мнѣ подавать (столь благой) совѣтъ сей, но пресѣченіе коммуникаціи изъ Грузіи въ Россію отъ неспокойствъ Тагнурцовъ и Осетинцовъ, въ горахъ, чрезъ кои идетъ дорога, живущихъ, можетъ содѣлать путь сей для меня затруднительнымъ. Впрочемъ, заключаетъ Г. Коваленскій, казалось бы, чтобы могъ снестись предварительно съ нимъ по сему предмету, испрося на то дозволенія Его Высочества, Царя.

Прочетши оное, я съ Княземъ Леонидзе изъяснялся въ короткихъ словахъ о настоящемъ положеніи дѣла, о сомнѣніи Царя и его недовѣрчивости къ Высочайшимъ словамъ, предварительно со всѣхъ сторонъ его обезпечивающимъ, и просилъ его употребить свое посредство къ преклоненію Царя. Онъ весьма откровенно мнѣ отозвался, что естли Его Высочество не исполнить желанія Государа Императора, то развѣ захочетъ быть и себѣ и Царству своему врагомъ, а при томъ Князь Леонидзе мнѣ примѣтилъ, что онъ, по прочтеніи Высочайшей грамоты, Царю яко бы тоже истолковалъ, и почти его убѣдилъ, но что нѣкоторые изъ вельможъ стараются Царя отвлекать отъ того.

Я любопытствовалъ у него, какую пользу они въ томъ находятъ.

Леонидзе продолжалъ, что они суть тѣ, которымъ отданы деревни несчастнаго Царевича, и что опасаются, чтобы, съ освобожденіемъ его, имъ оныхъ со временемъ не лишиться.

Въ заключеніе же всего онъ осыпалъ меня увѣреніемъ, что, не взирая ни на какія противоборства, онъ употребитъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы Царь, для собственной своей пользы, Высочайшую Его Императорскаго Величества волю непременно исполнилъ.

Разставшись съ симъ гостемъ, обратился я паки къ письму, имъ отъ Г. Правителя Грузіи мнѣ врученному. Вникая въ смыслъ

онаго, находилъ я въ немъ много учтивства, но начало онаго: «что онъ имѣетъ офиціальное отношеніе о моемъ въ Имеретіи пребываніи,» меня удивляло; ибо, проходя мысленно Высочайшія повелѣнія, коими я, при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, и письменно и устно отъ Его Свѣтлости Вице-Канцлера снабженъ, я не находилъ ни малѣйшаго съ оными согласія, чтобы Г. Коваленскій откуда либо могъ имѣть офиціальное отношеніе о моей миссіи, до него ни мало не касающейся.

Не распространяясь въ дальнее сужденіе о рекомендаціи, мнѣ сдѣланной Г. Коваленскимъ о Князѣ Леонидзе, такъ же ни мало не согласующейся съ нѣкоторыми свѣдѣніями, о измѣнникѣ семъ мною пріобрѣтенными, долженъ я былъ оставить времени и обстоятельствамъ оную оправдать, или охулить. Вникнувши же въ Р. С. письма Г. Коваленскаго, я дозволилъ себѣ безошибочно мыслить, что Г. Коваленскій, кромѣ того, что вмѣшался не въ свое дѣло, еще и сумазбродствуетъ.

Благой его совѣтъ не есть ли сумашествіе? Если бы миссія моя совершилась успѣшно, то развѣ для того бы я послѣдовалъ оному, чтобы погубить юнаго Царевича, коего цѣлость для меня, конечно, была бы священнѣе, нежели собственно моей персоны? Ибо, кромѣ неописанной трудности въ пути чрезъ Снѣговія горы, ежеминутно подвергалъ бы я его опасности быть похищеннымъ хищниками, которые бы, конечно, случая сего не упустили употребить въ пользу, или по собственной своей догадкѣ, или по тайному наущенію Царя, дабы пріобрѣсть великія суммы, которыхъ бы Высочайшій Дворъ не пощадилъ для выкупа и спасенія сего Царевича. А при томъ Г. Коваленскій, если имѣлъ офиціальное откуда либо отношеніе, то долженствовалъ бы такъ же знать, что, кромѣ открытаго предписанія Главнокомандовавшаго, у меня имѣвшагося, по секретному предписанію его къ Командующему въ Грузіи, Г. Генералу-Маіору Лазареву, о всѣхъ потребныхъ мнѣ вспомошествованіяхъ, сдѣланы были уже симъ послѣднимъ всѣ распоряженія, дабы, по моему востребованію, немедленно меня встрѣтилъ конвой изъ Сурасма и въ границахъ Имеретіи, если бѣ надобность въ томъ случилась.

Останавливаясь на семъ, предоставляю я всякому судить безпристрастно и дѣлать о семъ подвигѣ Г. Правителя Грузіи заключенія по продолженію сего журнала.

Подъ вечеръ прибыло къ Царю еще до 500 человекъ коннаго и пѣшаго войска, которое расположилось въ лощинѣ, на

рѣкъ, подъ горою. Сего же вечера до меня дошло свѣдѣніе, что Царь, не надѣясь, съ однимъ своимъ войскомъ, покорить Дадіана, выписалъ, чрезъ Пашу Ахалцыхскаго, множество Лезгинцевъ, и что Его Высочество изволить самъ вскорѣ отправиться въ армию свою, а меня отправить до своего туда отъѣзда.

Августа 7, по утру, пріѣхали ко мнѣ Князья: Салтхуцесъ Церетель, Авали-Швили и Леонидзе, для переговоровъ со мною, отъ имени Царя, въ отвѣтъ на мой съ ними разговоръ 4 числа.

Какъ обыкновенно, Князь Церетель былъ ораторъ, то и въ семъ случаѣ Князь Леонидзе, хотя и по Русски недурно изъясняется, однако ему преимущество уступилъ; и такъ Князь Церетель говорилъ:

«Что Его Высочество, хотя и въ юныхъ еще лѣтахъ, но въ полной мѣрѣ чувствуетъ цѣну милостей къ себѣ Его Императорскаго Величества; что по тому, со всѣмъ своимъ усердіемъ, Царь готовъ исполнить Высочайшую Его Величества волю, но находится въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, что съ исполненіемъ оной, хотя и казалось бы, что Царство его и самая его особа пріобрѣтутъ благополучіе, какъ о томъ Его Высочество, по силѣ Высочайшей грамоты, понимаетъ, но что, вмѣсто того, и Царство его можетъ прійти въ упадокъ, и его особа осрамиться.»

Съ удивленіемъ я ихъ спросилъ, что сіе за заключеніе?

Они же продолжали: «то еще гораздо прежде моего въ Имеретію прибытія, настоящія обстоятельства уже существовали, т. е., что Царь имѣлъ войну съ сосѣдственнымъ Владѣльцемъ, Княземъ Дадіаномъ. Что Его Высочество до сего дня имѣетъ нѣкоторымъ образомъ желаемый успѣхъ, покоривъ 3 крѣпости и многія селенія области Лечхумской, владѣльцы или помѣщики конхъ učinили Царю въ вѣрности присягу, и что теперь остается войну докончить токмо взятіемъ крѣпости Цхивши. И что по тому, естли Царь, освободивъ Царевича, со мною онаго въ Россію отправить, то что всѣ вообще подумаютъ, что Его Высочество то исполнилъ по какому либо принужденію, или боязни, отъ Императора Россійскаго, а не добровольно, и что слѣдствія изъ того могутъ быть тѣ, что помянутые покоренные владѣльцы восхотятъ тѣмъ воспользоваться и отрекутся отъ своей присяги, и паки обратятся къ Князю Дадіану, и тѣмъ обратятъ въ ничтожество успѣхъ, который Царь имѣлъ и имѣть намѣревается.»

Я сдѣлалъ имъ на сіе возраженіе, что образъ моихъ мыслей

съ мыслями Его Высочества не сообразуется, и именно по тому, что если Его Высочеству угодно понять по прямому слову Императорское, въ Высочайшей грамотѣ изображенное, и онаго силу, то, напротивъ, когда до свѣдѣнія непріятелей, Царемъ покоренныхъ и непокоренныхъ, дойдетъ, что Его Высочество исполнилъ желаніе Государя Императора, по силѣ Всемиловѣйшей грамоты, и что, во взаимство подвига такового, Его Императорское Величество обнадежить Царя соизволилъ Высочайшимъ покровительствомъ не токмо Царю, но и всему Царству его, то что тогда непріятели не осмѣлятся предпріять ни чего противъ власти Царя, а, напротивъ, съ покорностію предъ нимъ повергнутся, сосѣди же будутъ спискивать дружество Его Высочества.

Князь Церетель, по общему между собою соглашенію, на сіе говорилъ: «что хотя мое сужденіе и неоспоримо, но что Царь въ таковомъ находясь опасеніи, не прежде согласится исполнить Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, какъ по довершеніи начатыхъ противъ непріятеля дѣйствій, въ разсужденіи того, что народъ непросвѣщенный, привыкшій послѣдовать первымъ движеніямъ разсудка, или не понявъ порядочно существа дѣла, можетъ на что ни будь подобное, мнѣ отъ нихъ уже сказанному, посягнуть. А что доставленіе способовъ къ довершенію его предпріятій можетъ въ семь случаевъ зависѣть отъ меня.»

Смекнувъ, къ чему они добиваются, я, однако же, будто не понявъ, у нихъ спросилъ, въ чемъ отъ меня то зависѣть можетъ?

Князь Леонидзе вызвался отвѣтомъ: «что какъ на границѣ Грузіи расположено достаточное число войска, то что нельзя ли будетъ онаго сколько ни будь употребить для устрашенія непріятеля Царскаго, начавъ тѣмъ, чтобы принудить крѣпость Цхивши сдаться, что будетъ довольно для распространенія Царю безпрепятственнаго покоренія себѣ всѣхъ Дадіановыхъ областей.»

На сіе нечего мнѣ было сказать иного, какъ что ни я, ни же Главнокомандующій въ Грузію, того исполнить не въ силахъ, безъ особаго на то Высочайшаго соизволенія Государя Императора.

Князь же Леонидзе мнѣ сдѣлалъ предложеніе: «что поелику я ѣхалъ назадъ располагаюсь черезъ Грузію, то для чего же, пріѣхавъ въ Тифлисъ, оттуда не сдѣлать мнѣ представленія куда слѣдуетъ, для испрошенія у Государя Императора Высочайшей резолюціи на просьбу сію Его Высочества Царя? Что, по его

миѣнію, въ 40 дней изъ Петербурга можетъ въ Тифлисъ обратиться отвѣтъ на сіе представленіе, который, если для Царя будетъ удовлетворителенъ, то Его Высочество тогда, безъ малѣйшаго отлагательства, все исполнить по Высочайшей волѣ Государя Императора.» Но я имъ отвѣчалъ: что отвѣта изъ Петербурга не прежде ожидать можно, какъ дней въ 70, а не въ 40; а въ заключеніе всего, что имъ даю на замѣчаніе, и для донесенія Царю подтверждаю: что какъ Его Императорскаго Величества всегдѣшнее есть желаніе, чтобы со всѣми сосѣдственными областями пребывать въ отношеніяхъ дружественныхъ, то что я сомнѣваюсь, чтобы Государь Императоръ, не бывъ извѣстенъ объ истинной причинѣ, непріязненныя и военныя дѣйствія между Его Высочествомъ и Княземъ Дадіаномъ произведшей, восхотѣлъ бы въ оныхъ соучаствовать.

Князь же Леонидзе, по Персидски, черезъ переводчика, мнѣ на сіе, именемъ Царя, говорилъ: «что Его Высочество, возымѣвъ твердое намѣреніе въ непродолжительномъ времени окончить войну съ Княземъ Дадіаномъ, изволить вскорѣ самъ въ походъ отправиться, и не прежде можетъ рѣшиться Царевича Константина въ Россію отпустить, какъ когда войну окончатъ благоуспѣшно. Но что, въ уваженіе Высочайшаго предстательства Его Императорскаго Величества, Царь, возвратясь изъ похода въ Кутаисъ, столицу Имеретіи, дастъ Царевичу свободу и, смотря по обстоятельствамъ, его или оставитъ при себѣ, и приличнымъ образомъ, какъ законнаго по себѣ наслѣдника, будетъ воспитывать, или же отпустить въ Россію.»

Но я вельможъ сихъ просилъ доложить Царю, что равнымъ образомъ я, хотя въ лѣтахъ весьма юныхъ, но глубину смысла сего намѣренія Царскаго постигаю. Однако жъ, что не бывъ отъ Государя Императора, или же Высочайшимъ Его Величества именемъ отъ Министерства, уполномоченъ ни на какія по предмету моей миссіи предложенія или соглашенія, а ограничиваясь содержаніемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты. Его Высочеству мною поднесенной, и полагая, что Его Высочеству долженствуетъ быть угодно употребить въ пользу столь благопріятный случай, съ Неба ему ниспосылаемый, обращеніемъ на себя Высочайшаго Его Императорскаго Величества покровительства и благоволенія, я ожидаю токмо того, чтобы, по силѣ грамоты, Царевичъ Константинъ, получивъ свободу, былъ мнѣ онъ

Царя препоручень, для доставленія въ Россію къ Высочайшему Двору.

Вельможи, перетолковавъ между собою, отъ меня поѣхали, для донесенія о всемъ Царю.

Вникнувши порядочно въ сей разговоръ вельможъ со мною, въ которомъ часто говорилъ Князь Леонидзе, не трудно примѣтить, что расположеніе онаго не токмо съ прежними ихъ со мною сношеніями не сходствовало, но едва ли не истекло изъ хитрыхъ соображеній Князя Леонидзе, столь сильно Правителемъ Грузіи, Г. Коваленскимъ, рекомендованнаго. Ибо прежнія мои съ Царемъ и вельможами переговоры наполнены были съ ихъ стороны опасеніями и недовѣрчивостію, а сей формальнымъ предложеніемъ о вспомоствованіи оружіемъ, и наконецъ тѣмъ, что если того не будетъ, то и Царь, по желанію Государя Императора, не исполнитъ. По чему и долженъ я былъ заключить, что или Князь Леонидзе что ни будь изъ Тифлиса привезъ къ Царю въ письмѣ, на что Царь полагался, или же тѣми мыслями руководствовался, чтобы интриги Царя оправдать въ томъ, что если бы съ нашей стороны не было злаго умысла противъ Царя, съ которымъ мы требуемъ Царевича, то мы бы не отказали ему вспомоствованію оружіемъ противъ Дадіана.

Пришедшіе на канунъ въ Хинцкара 500 человѣкъ воинства, отправились въ походъ въ Лечхумъ, около полудни, а за ними ожидали еще до 700 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ. Пушки же спокойно оставались на томъ же мѣстѣ, по той причинѣ, что все еще по окрестнымъ селеніямъ искали воловъ, на конхъ двигаться оныя должныствовали.

Августа 8 аргусъ мой, Князь Бежанъ Аваловъ, посѣтившій меня между прочимъ съ увѣреніемъ о усердіи и старательствѣ своемъ къ убѣжденію яко бы Царя на исполненіе Высочайшей воли Государя Императора, мнѣ повторилъ рѣшимость Царя по предмету сему, такъ какъ о томъ вельможи на канунъ, въ заключеніе моего съ ними разговора, мнѣ объявили.

9-го, въ 8 часовъ по утру, прислалъ ко мнѣ Царь тѣхъ же вельможъ, кои у меня были 7 числа: сообщенія ими мнѣ, отъ имени Его Высочества учиненныя, состояли въ краткомъ повтореніи трѣхъгоднишняго ихъ со мною разговора, съ присовокупленіемъ, что и Его Высочество, имѣя столь основательныя, по его мнѣнію, причины и доводы къ оправданію себя предъ Его Император-

скимъ Величествомъ, не на иное что рѣшился, какъ на то, чтобы мени отправить въ Тифлисъ съ тѣмъ, чтобы я оттуда донесъ куда слѣдуетъ объ обстоятельствахъ, Царю препятствующихъ, Высочайшей волѣ Государя Императора повиноваться, и что если Государю Императору не будетъ то благоугодно, чтобы Царевичъ, по освобожденіи изъ заточенія, оставался при Царѣ, то что тогда Царь, коль скоро о томъ будетъ увѣдомленъ, его немедленно прислать ко мнѣ въ Тифлисъ съ своимъ чиновникомъ.»

Я же, для донесенія Его Высочеству, имъ повторилъ прежде мною уже говоренное, т. е., что не осмѣливаюсь ни въ какомъ случаѣ преступить предѣловъ смысла Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты, мною Его Высочеству поднесенной, и что при томъ я вынуждаюсь оказать мое удивленіе въ томъ, что Его Высочество все еще изволить колебаться; осмѣливаясь, однако же, питать надежду, что, послѣ неоднократныхъ увѣреній, изъ собственныхъ устъ Царя мною слышанныхъ о желаніи его воспользоваться милостью и высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Его Высочеству можетъ быть угодно не въ половинѣ исполнить Высочайшую Государя Императора волю, а точно, какъ изображена она въ Высочайшей грамотѣ, т. е., Царевича Константина освободить, и мнѣ его препоручить, для доставленія въ Россію.

Поѣхавшіе отъ меня вельможи, для донесенія сего моего отвѣта Царю, часа черезъ два ко мнѣ паки возвратились, для сообщенія мнѣ, «что на таковое ихъ донесеніе Его Высочество мнѣ объявить приказалъ:», что онъ, не будучи въ состояніи рѣшимости своей отказать, изволить написать отвѣтную грамоту къ Его Императорскому Величеству, въ которой все подробно будетъ изъяснено, и съ которою чтобы я поѣхалъ въ Грузію, для отправленія оной къ Государю Императору. И что, буде на оную послѣдуетъ каковое либо Высочайшее соизволеніе, то что Царь, по полученіи о томъ отъ меня увѣдомленія, сообразно оному тогда поступить.»

Принужденъ будучи такимъ образомъ согласиться на желаніе Царя, я имъ отвѣчалъ, что, поелику таковая Его Высочества есть воля, то я оную принужденнымъ себя видя исполнить, черезъ нихъ, однако же, Царя предварить честь имѣю, что, по отправленіи изъ Тифлиса грамоты Его Высочества къ Государю Императору, я тамъ останусь ожидать Высочайшихъ повелѣній, или отвѣтной Его Императорскаго Величества къ Царю грамоты.

Въ заключеніе же сего моего съ вельможами разговора, я ихъ просилъ доложить Царю, что я смѣю надѣяться имѣть честь явиться къ Его Высочеству съ почтеніемъ при моемъ отъѣздѣ.

Того же вечера былъ я приглашенъ къ Царю.

Его Высочество, изъявивъ притворное сожалѣніе свое къ тому, что обстоятельства ему воспрепятствовали повиноваться Высочайшей волѣ Государя Императора, обратился и ко мнѣ съ таковымъ же убѣжденіемъ, чтобы я тѣмъ не огорчился.

А по полученіи отъ Его Высочества грамоты на Высочайшее Его Императорскаго Величества имя, я Царю донесъ, что немедленно, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, оную я не премину отправитъ надлежащимъ образомъ, и останусь тамъ ожидать Высочайшихъ повелѣній или отвѣтной отъ Государя Императора къ Его Высочеству грамоты, присовокунивъ къ тому, что я пребываю въ твердой надеждѣ, что если Его Императорское Величество, и по полученіи Его Высочества сей грамоты, не соизволитъ отмѣнить своего Высочайшаго желанія видѣть Царевича Константина при Высочайшемъ своемъ Дворѣ, и таковое Высочайшее свое желаніе Его Высочеству пакнѣ изъяснить соизволитъ, то что Его Высочество тогда оное не укуснительно исполнить.

Царь не токмо обѣщалъ, но и далъ мнѣ въ томъ клятву. Въ заключеніе же сего послѣдняго моего съ Царемъ свиданія, я счелъ за необходимое Его Высочество просить, чтобы, съ освобожденіемъ Царевича, котораго я не иначе теперь почитать долженъ, какъ священнѣйшимъ залогомъ благонамѣренности и приверженности Его Высочества, по примѣру предковъ его къ престолу Всероссійскому, было отъ него приказано, кому слѣдуетъ, о наблюденіи и сохраненіи его здоровья.

Царь обѣщалъ клятвенно и сіе непремѣнно исполнять.

И такъ, простившись съ Его Высочествомъ, я спросилъ у него, когда угодно приказать, мнѣ будетъ ѣхать? Царь же мнѣ отвѣчалъ, «что, поелику завтрашняго утра послѣ обѣдни онъ намѣревается самъ въ походъ отправиться противъ Дадіана, то что я могу ѣхать въ то же время; а что касается до способовъ и вспомоствованій, мнѣ потребныхъ въ путешествіи, то что уже о томъ повелѣнія отданы.»

Принесши Его Высочеству мою низжайшую за сіе благодарность, и пожелавъ ему возможныхъ успѣховъ въ предпріемлемомъ путешествіи на войну, я осмѣлился у Его Высочества испросить

одной и послѣдней милости, состоявшей въ томъ, чтобы онъ дозволялъ Салтхуцелу Князю Церетелю меня проводить до самой границы Грузіи.

Причина же, къ сему меня побудившая, есть немалой важности, а именно:

Въ теченіи моего въ Имеретіи пребыванія, безпрестанно достигали до меня вѣрные слухи о набѣгахъ, чинимыхъ Лезгинскими хищниками на границы Грузинскія, о намѣреніяхъ Царевичей Грузинскихъ, въ Имеретіи укрывающихся, учинить съ сими хищниками нападеніе на Грузію, въ коей происходили уже внутреннія беспокойствія, а при томъ что многочисленныя толпы Лезгинцовъ собирались и въ самой Имеретіи, по приглашенію Царя, для покоренія, съ помощію ихъ, владѣльца Дадіана, то сколько по опасенію, чтобы на пути не быть ими захвачену, столько, и еще болѣе, по тому, что Князь Зурабъ Церетель, Россіи весьма преданный, неоднократно, въ моихъ съ нимъ разговорахъ, мнѣ давалъ чувствовать, что онъ бы желалъ меня провожать на моемъ пути изъ Имеретіи до Грузіи, и наконецъ что сей чиновникъ, имѣя въ Царствѣ величайшее отъ народа уваженіе и почтеніе, могъ мнѣ служить защитою во всякомъ случаѣ, а такъ же вѣрнѣйшая моя цѣль стремилась къ тому, чтобы откровенностію сей особы сколько можно болѣе воспользоваться въ продолженіе моего путешествія безъ свидѣтелей и аргусовъ; ибо, какъ я выше упомянулъ, сей Князь, подъ видомъ болѣзни, проживалъ, до моего въ Имеретію прибытія, въ своей деревнѣ, дабы не имѣть участія въ предпріятіи Царя своего противъ владѣльца Князя Дадіана, съ коимъ онъ состоитъ въ ближнемъ родствѣ.

Царь, сколько я могъ замѣтить, не весьма охотно на то согласился; однако же, послѣ краткаго раздумья, отозвался, что если мнѣ то пріятно, то и онъ отказать мнѣ въ просьбѣ моей не можетъ.

Раскланявшись съ Его Высочествомъ, такимъ образомъ, я поѣхалъ въ свое убѣжище.

Въ слѣдующій день, Августа 10 дня, послѣ обѣдни, Царь прислалъ ко мнѣ Князя Церетеля и Князя Авалова съ подарками, состоявшими изъ 3 лошадей безъ уборовъ и изъ 200 червонцевъ на мою свиту.

Послѣ сего Князья сій поѣхали, съ изъясненіемъ благодарности моей къ Царю на обѣдъ.

Въ второмъ часу по полудни увидѣли мы Царя, сѣвшаго на лошадей и въ походъ отправившагося. Салтхуцель же Князь Зурабъ Перетель, проводивъ Царя, пріѣхалъ ко мнѣ, и поелику я совсѣмъ былъ въ готовности къ пути, то, сѣвъ на лошадей, и мы въ оный отправились.

Пустившись дорогою, по правому берегу рѣки Ріона, въ верхъ по оной лежащей, и достигши до моста, Хидискари именуемаго (черезъ который мы переѣзжали Юля 24 на пути изъ Бари въ Ханцкара), мы черезъ оный переправились. Поднявшись на гору и, не останавливаясь въ селеніи Хывши, въ правѣ у насъ оставшемся, въ разсужденіи того, что какъ въ ономъ, и въ прочихъ окрестныхъ селеніяхъ по лѣвому берегу Ріона лежащихъ свирѣпствовала прилипчивая болѣзнь. Мы продолжали путешествіе наше по горамъ до селенія Сухова, лежащее на горѣ, въ коемъ мы расположились для ночлега.

Подъ сею деревнею находится и крѣпость того же имени: она вѣсьма невелика, и состоитъ изъ башни съ небольшою оградой, на каменной скалѣ выстроенныхъ въ ущельи горъ. Для Азіятцевъ крѣпость сія, сколь сама по себѣ ни малозначуща, но можетъ назваться непреступною; ибо скала, на вершинѣ которой она сооружена, совершенно со всѣхъ сторонъ изолирована и вѣсьма утесиста. Сія-то самая крѣпость послужила гробомъ несчастному Сабудъ-Папѣ, спасшемуся изъ Ахалцыха отъ бунтовщика, достоинство его похитившаго, Шерифъ-Паши, и содѣлавшемуся жертвою довѣренности своей къ Царю Имеретинскому, убѣжище сперва ему давшему въ своихъ предѣлахъ, а послѣ, за мзду отъ похитителя, Его Высочеству обѣщанную, умертвить варварски его приказавшему.

Замѣчательнаго о семъ мѣстѣ сказать я болѣе ни чего не могу, кромѣ того, что селеніе Сухова довольно обширно и лежитъ на прекрасномъ, возвышенномъ и плодоносномъ, мѣстѣ.

Переночевавъ въ селеніи семъ, въ слѣдующій день, 11 числа, въ 7 часу по утру, отправились мы въ путь. Проѣхавъ дальними горами и густыми лѣсами, Рачу отъ Имеретіи отдѣляющими, въ 10 часу достигли мы вершины одной горы, дремучимъ лѣсомъ окруженной, на коей существуетъ небольшой монастырь во имя Св. Іакова, нѣсколькими Черкесами сооруженный. Настоятель онаго, сѣдиною увѣнчаный старецъ, насъ встрѣтилъ и пригласилъ къ отдохновенію и раздѣленію трапезы съ его братіею, на что

мы охотно согласились; ибо усталость наша отъ переѣзда черезъ огромныя сія горы требовала отдохновенія.

Пока дѣлались приготовленія къ завтраку, любопытство меня влекло смотрѣть сіе священное мѣсто, которое я нахожу достойнымъ описать въ той подробности, съ каковою всѣ предметы онаго я успѣлъ разсмотрѣть, и которую объ обстоятельствахъ и существованіи обители сей, изъ устъ Настоятеля я почерпнулъ.

Пространство, монастыремъ занимаемое, весьма необширно. Какъ церковь весьма убогая, такъ и кельи высѣчены въ горѣ, а съ вѣншей стороны додѣланы на подобіе Малороссійскихъ мазанокъ. Хотя мѣсто сіе можно назвать дикимъ; ибо, кромѣ положенія онаго на вершинѣ горы въ дремучихъ лѣсахъ, оное со всѣхъ сторонъ отдѣлено отъ селеній, однако же нельзя не любоваться изобиліемъ, въ коемъ обитель сія живетъ. Въ амбарахъ имѣется у нихъ много разнаго хлѣба, въ подземныхъ погребахъ разнаго сорта вина и фруктовъ изящныхъ, которые они умѣютъ долго сохранять въ оныхъ свѣжими. Климатъ мѣста сего весьма прохладный. Съ Сентября мѣсяца выпадаетъ уже на горахъ сихъ снѣгъ, остающійся до Мая, и бываетъ онаго всякую зиму столько, что вся обитель имъ засыпается, и что монахи около трехъ мѣсяцевъ живутъ совершенно подъ снѣгомъ, прорывая токмо его, для внутренней коммуникаціи изъ келій къ церкви и къ запаснымъ своимъ амбарамъ.

Завтракъ, чернецами для насъ приготовленный, состоялъ изъ довольнаго количества, на Азіятской вкусъ хорошо приготовленныхъ, плодовъ; ибо тогда былъ какой-то постъ, хорошаго хлѣба и вина изящнаго. Укрѣпивши силы наши сею пищею и, простившись съ гостепріимчивыми монахами, отправились мы снова въ путь. Переѣхавъ еще одну великую гору, и спустившись съ оной, мы продолжали путешествіе по равнинамъ, изобильнымъ и можно сказать прелестнымъ, открывая вдали рощи, поля, луга и селенія, вставляющія, отъ подошвы горы сей, на великое пространство, до границы Грузін, владѣнія фамиліи Князей Церетелевыхъ. Въ 7 часу по полудни прибыли мы въ большое селеніе Салашубанъ, непремѣнное мѣстопробываніе Салтхуцела Имеретін, Князя Зураба Церетеля, въ которомъ, по приглашенію помѣщика, меня сопровождавшаго, мы остановились, не токмо для почлега, но и для отдохновенія въ слѣдующей день, въ разсужденіи того, что Князь Церетель долженъ былъ отпустить отсюда лошадей—нес-

ихъ вьюки и подъ верхомъ бывшихъ у свиты моеѣ назади, и были оныя новыи.

Прѣѣзжая все помянутое пространство отъ подошвы горы, представляющей границу области или владѣній Князей Церетелевъ, до сего селенія, мы пореѣзались въ бродъ 16 разъ чрезъ рѣку Дарючулу.

Селеніе Салату-банъ лежитъ на быстрой рѣкѣ Квирилѣ, впадающей въ Ріонъ близъ Кутайса, у подошвы горъ, на пологихъ скатахъ.

На высокой каменной скалѣ, представляющей высшую вершину всѣхъ горъ, селеніе облегающихъ, находится изрядная крѣпость Модинахе, означающее на Грузинскомъ языкѣ: «Приди, побой!» состоящая изъ 2 регулярно построенныхъ башенъ, каменную оградю соединенныхъ и имѣющихъ 4 небольшихъ пушки.

Внутри ограды выстроилъ Князь Церетель домъ на Европейской вкусъ, и таковой же построенъ и въ селеніи Салату-банъ, съ аятскимъ смѣшаннымъ.

Я не могу умолчать о томъ удовольствіи, которое я ощущалъ, нима взооромъ какъ сіе, такъ и прочія помѣстья Князя Церетелева, и сравнивая оныя съ прочими, черезъ которыя я проѣхалъ въ Рачѣ и въ малой части Имеретіи. Сколько тѣ находятъ въ разореніи и неустройствѣ, столько въ Церетелевыхъ поѣду видно изобиліе, присмотръ и порядокъ.

Князь Церетель располагался меня принять въ Европейскомъ оемѣ домѣ и въ ономъ угостить по Европейски, но, къ великому огорченію, исполнить онъ того не могъ, по той причинѣ, что домъ его свирѣпствовала прилипчивая болѣзнь, понудившая и его семейство домъ оставить и перебраться въ крестьянскія бы, на край селенія.

Болѣзни сіи, которыя Азіятцы называютъ прилипчивыми, и которыхъ они варварски поступаютъ съ больными, не иное что суть, какъ слѣдствія, часто опасныя, собственной ихъ неосторожности и ихъ обжорливости. Какъ главнѣйшая ихъ пища въ іры состоитъ изъ разныхъ плодовъ, какъ то: дынь, огурцевъ, и въ разнаго рода и проч., и какъ они, отъ жадности, ихъ употребляютъ еще несозрѣлыми, то и страдаютъ кровавыми поносами, отъ коихъ, по неизлѣчнѣию вовсе способъ къ излѣченію, весьма много умираютъ.

Съ больными поступаютъ варварски; ибо коль скоро кто за-

немогутъ, то вся семья немедленно изъ дому удалится куда имъ будетъ подалѣе, а больного въ домѣ запираютъ, оставляя безъ всякаго приарѣнія, кромѣ что носить ему пищу, но и сіе дѣлается такъ, что, принесшій пищу, сунувъ оную къ болящему изъ окна, въ ту же минуту опростѣю отъ дома удаляется. Если же бы больному понадобилось объ чемъ либо съ кѣмъ переговорить, то сей-ни какъ къ дому не приближается, а, остановясь въ дальнемъ отъ омаго разстояніи, перекривается съ страждущимъ во все горло.

По причинѣ таковой-то болѣзни, коею страдала мать Кнзя Церетеля, не могъ онъ меня принять и угостить въ своемъ домѣ, а показавъ для пребыванія нашего гостиниой домъ или огромный амбаръ, внутри коего по 3-мъ стѣнамъ подѣланы помостки, на подобіе наръ.

Сіи гостинніе домаы находятся во всякомъ селеніи у зажиточнаго помѣщика. Такъ какъ у Азіятцевъ не въ обычаѣ принимать пріѣзжихъ въ тотъ домъ, который они съ женами, или семьею, занимаютъ, то сіи гостинницы и служатъ для помѣщенія въ оныхъ пріѣзжихъ и самаго Царя, имѣющаго обыкновеніе каждый годъ, путешествовать по Царству своему на счетъ подданныхъ своихъ вельможъ, которые, коль скоро кого Царь посѣщеніемъ удостоить, должныствуютъ каждый въ своемъ помѣстьѣ Его Высочество со всею многочисленною его свитою угощать и довольствовать, безъ полученія за то платы, во все время, которое благоугодно ему покажется, гдѣ пробыть.

Пробывъ въ семъ селеніи весь слѣдующій день, 12-го, въ который Князь Церетель занимался распоряженіемъ о дальнѣйшемъ путешествіи чрезъ мѣста, опасныя отъ набѣговъ и укрывательства хищниковъ Лезгинскихъ, разославъ по окрестнымъ селеніямъ для собранія конныхъ и пѣшихъ людей вооруженныхъ и для отправления изъ числа собравшихся обоюродна сорока чело-вѣкъ въ ущелье Чератхеви, на границу Грузіи, дабы открыть партіи Лезгинскія, если таковыя бы въ ономъ засѣли, и немедленно объ оныхъ намъ дать вѣсть. На другой день, Августа 13, въ 7 часовъ по полудни, выѣхали мы благополучно изъ селенія Салатубанъ.

Переправясь въ бродъ черезъ рѣку Квирилу, подъ самымъ селеніемъ, принимающую въ себя всѣ рѣчки, въ Имеретію истекающія изъ Осетіи, Кавказа, и впадающую близъ Кутаиса въ Рионъ, гдѣ она разливается на великое пространство и течетъ весьма

быстро, мы ѣхали частію ровными мѣстами, а частію горами и лѣсомъ, миновавъ нѣсколько селеній, владѣнія Кнзя Черетети, и около 7 часовъ вечера, достигнувъ небольшой деревни Корбаулъ, послѣдней изъ помѣстьевъ сего Кнзя, близъ границы Грузіи, въ лѣсу лежащей, расположились въ оной для ночлега.

Августа 14, около 10 часовъ полудни, мы выѣхали изъ Корбаулъ. Спустиась съ большой горы густымъ лѣсомъ и весьма печаными и каменистыми крутыми тропинками и извилинами, и переправясь въ самомъ ущельѣ черезъ рѣку Давирилу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ оную впадаетъ рѣчка Лашадхе, столь же трудно мы поднимались на другую высокую гору, на вершинѣ которой мы остановились на лугу, въ рощѣ, для отдохновенія и подкрѣпленія себя пищею. На семъ мѣстѣ къ намъ явилось 40 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ Имеретинцевъ, изъ Чератхевскаго ущелья вернувшихся, съ донесеніемъ, что они не открыли ни малѣйшихъ слѣдовъ Лезгинскихъ партій, и что опасности намъ не предстоитъ.

По отдохновеніи на семъ мѣстѣ, часу въ третьемъ по полудни, мы отиравились накіи въ путь съ брѣвнымъ уже прикрытіемъ Имеретинскаго вооруженія, умножившимся явившимися 40 неловѣками, и состоявшимъ почти изъ ста конныхъ и пѣшихъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ людей.

Спустившись полого съ сей горы, въѣхали въ ущелье, Чератхевъ, именуемое по рѣчкѣ по оному, того имени, протекающей.

Ущелье сіе, по положенію своему ужасъ наводящее, заслуживаетъ нѣкотораго описанія, которое я, сколько можно коротче и внятнѣе, сдѣлать постараюсь. Спустившись полого съ горы, какъ выше сказано, въѣхали мы въ лѣсистую дефилею, весьма тѣсную, ограниченную съ обѣихъ сторонъ высокими утесами, продолжавшуюся съ $\frac{1}{4}$ версты и окончившуюся лощиною циркулообразною, могущею имѣть въ діаметрѣ сажень 60 и окруженную высокими горами, густымъ лѣсомъ обросшими. Въ 4 частяхъ окружности оной видны дороги, въ горахъ скрывающіяся, и по лощинѣ, почти крестообразно взаимно пересѣкающіяся: одна дорога, и именно та, по которой мы въ лощину сію въѣхали и путь изъ оной продолжали, ведетъ въ Грузію; другая же, выходя съ рѣчкою Чератхеви изъ ущелья горъ, цѣпь Кавказа составляющихъ, продолжается по таковому же къ горамъ, съ Анатоліею граничущимъ, между Грузію и Имеретіею. До занятія Грузіи, войсками Россійскими, ущелье сіе всегда было занимаемо Лезгинцами, про-

бывавшими въ оное по вышеписанной дорогѣ отъ Анатоліи, которые, партією располагавшись въ ономъ на цѣлое мѣсто, разорили транспорты, изъ Имеретіи въ Грузію ходившіе съ виномъ и разными продуктами, а такъ же дѣлали всегда отряды на ближайшія Грузинскія селенія для грабежей.

Пройхавъ ущелье сіе, поднялись весьма грязныиъ лѣсомъ на небольшую гору, и съ оной продолжали ѣхать равниною, лугами и кустарниками украшенною, имѣя по правую руку, разстояніемъ верстахъ въ 40, цѣпь горъ, къ Анатоліи прилегающихъ, а по лѣвую, въ верстахъ въ 25, таковую же Кавказскую, или верхнюю Карталинію; равнина же, по которой мы ѣхали продолжали, включаетъ въ себя земли нижней Карталиніи и множество селеній, хищниками Дагестанскими въ ничтожество обращенныхъ.

Часовъ въ 7 по полудни достигли мы до селенія, Абиси именуемаго.

Прежде нежели я познакомлюсь съ Грузіею, думаю кстати здѣсь будетъ упомянуть хотя въ кратцѣ о характерѣ, обычаяхъ, существованіи и образѣ жизни Имеретинцевъ; съ коими я теперь уже разстался... Напрасно, однако же, думаю, будетъ трудъ мой для продолженія журнала сего, въ томъ видѣ, какъ я принимаюсь за него, было намѣревался. Правда, что пріятно для меня было бы сохранить въ ономъ памятникъ путешествію и, оному бытъ увѣренъ, любопытныхъ въ ономъ примѣчаній, до края сего касающихся въ разныхъ частяхъ. Но трудъ напрасно! А дневники записки можетъ быть исчезли!

ГРУЗИЯ.

Малая, сія область, обитаемая народами разнаго Исповѣданія, изъ коихъ вѣра Христіанская въ ней господствующая, будучи окружена со всѣхъ сторонъ Магометанами и хищническими племенами, не могла, естественно, собственными своими силами существовать въ безопасности, и рано, или поздно, не подвергнутася разоренію и хищничеству сосѣдей своихъ.

Царь Ираклій, храбростью своею присоединившій Царство Карталинское къ Кахетинскому, имѣлъ всегда болѣе привязанности къ сему послѣднему, какъ отечественному; но былъ столь благо-разуменъ, что ни малѣйше не коснулся до обычаевъ, правъ, чиновъ и достоинствъ присоединеннаго къ державѣ Кахетинскаго Царства Карталинскаго, но оставилъ оныя на основаніи, издревле существовавшемъ, нечувствительно преломъ предпочиталъ Кахетинцевъ, даннымъ позволеніемъ Карталинцамъ переселяться въ Кахетію, безъ исключенія изъ сего преимущества и самихъ крестьянъ.

По мѣрѣ престарѣлости Царя Ираклія ослабѣвало и управление во всѣхъ частяхъ Царства, ему подвластныхъ, безопасности оныхъ отъ вѣншихъ непріятелей исчезала.

Дагестанцы, завладѣвшіе уже Чарями и Белкинами, всегда Кахетин повиновавшимся, чинили безпрерывные набѣги не тоюмо на Кахетію, опустошая новыя поселенія выходцевъ Карталинскихъ, но, снискавъ покровительство Паши Ахалцыкскаго, покойнаго отца Шериф-Паши, Сабудъ-Паши, свергнувшаго, пробѣжали даже чрезъ его область и въ Карталинію.

Ереванъ и Ганжа, бывшіе до того данники Царей Кахетинскихъ, воспользовались внутреннимъ ослабленіемъ Царства, также отложились отъ обязанностей и платы данъ.

Финансы сего царства начали совершенно истощаться чувствительнымъ уменьшеніемъ доходовъ по поводу разоренія рудниковъ Лезгинцами, увлеченія ими въ плѣнъ нѣсколькихъ тысячъ душъ и отклонности Ганжи съ Ереваномъ; а расходы чувствительно должны были возрастать для содержанія, при всѣхъ государственныхъ издержкахъ, размножившейся фамиліи Царевой.

Таковыя критическія обстоятельства влекли Царство къ паденію, при глубокой уже старости Царя Ираклія, который, сохранивъ себѣ токмо титулъ Царской, вѣрилъ оное супругѣ своей, Царицѣ Даріи.

Женщина сія, весьма хитрая, честолюбивая, привязанная къ интересу въ высшей степени, ненавидящая всего того, что хотя мало еѣ подавало видѣ противнаго ея желаніямъ, возымѣла варварскую систему для пріобрѣтенія сокровищъ съ угнетеніемъ народа. Множество особъ лучшаго дворянства по ея просякамъ погибло, единственно для приумноженія собственности дому Царскому. Первые жертвы алчности ея были Князья Ерстовы, древнѣйшая изъ семей горскихъ, поселившихся на рѣкахъ Ксанъ, Діахъ и Арагъ; все имѣніе у нихъ было отнято за наѣвну, которая состояла въ оказаніи усердія къ Высочайшему Двору Россійскому вспоможеніемъ войскамъ Россійскимъ, бывшимъ въ Грузіи съ Грономъ Толбенеиъ.

Наконецъ известіе Персидскихъ войскъ Ага-Магомта-Хана, разорившихъ до основанія столицу Грузіи и всѣ тѣ мѣста, чрезъ которые они слѣдовали, и увлеченныхъ нѣсколько тысячъ думъ съ собою въ плѣнъ, можно сказать, былъ послѣдній ударъ, приведшій Грузію въ совершенный упадокъ.

Извѣстно, что по просьбѣ Царя Ираклія, блаженныя памяти Императрица Екатерина повелѣть изволила вступить войскамъ въ Грузію, для отраженія Персіанъ, которые, подъ командою Полковника Сырцова, исполнивъ что надобно было, возвратились пакъ въ Россію.

Здоровье Царя Ираклія, ослабѣвая чѣмъ отъ часу, угрожало его кончиной. Царица Дарія сочла случай сей удобнѣйшимъ для утвержденія наслѣдства въ своихъ поколѣяхъ. Извѣстная ея цѣль была та, чтобъ, постановивъ на Царство сына своего, Юлона, самой неограниченно владѣть.

Уподробивъ во зло слабость Царя, супруга своего, убѣдила она его сдѣлать постановленіе о порядкѣ наслѣдственности по желанію своему такъ, чтобъ старшій сынъ Царскій, Георгій, родившійся отъ перваго брака, наслѣдовалъ Юлону, а по кончинѣ Георгія достоинство Царское чтобъ переходило наслѣдственно братьямъ Георгія ея сыновьямъ, постепенно до кончины каждого изъ нихъ, а по кончинѣ послѣдняго, чтобъ наслѣдство поступило ужо Царевичу Давиду.

Вынудивъ сіе постановленіе, Царица Дарія на слѣдующій день повелѣла, обнародовать оное, привести къ присягѣ духовенство, дворянство и весь народъ. Но Царь, будучи о томъ извѣщенъ, и чувствуя нескладность сего постановленія, изъ него въ нужденнаго злобою супруги, написалъ письмо къ сыну своему, Георгію, въ коемъ предъ нимъ признавался въ томъ, увѣрялъ его, чтобъ онъ не считалъ законнымъ постановленіе, имъ по принужденію, сдѣланное, но чтобъ по себѣ поставилъ наслѣдникомъ старшаго сына своего, Давыда, и о утвержденіи его прибѣгнулъ бы къ Высочайшему Двору Россійскому, а письмо сіе чтобъ хранилъ въ тайнѣ до кончины.

По кончинѣ Царя Ираклія, въ Телавѣ, случившейся въ Январѣ 1798 года, Царица Дарія приступила было къ приведенію въ дѣйство, по завѣщанію супруга своего, но какъ нѣкоторые изъ Князей, приверженныхъ къ Царевичу Георгію, были свидѣтели о письмѣ, имъ отъ отца полученномъ, которое замысли Царицы Дарія долженствовало опровергнуть, то, не взирая ни на какія неистовства, которыя Царица бы въ состояніи была сдѣлать, Царевичъ Георгій былъ провозглашенъ Царемъ, а Царевичи, его братья, Юлонъ и Парнаозъ, вознегодовавъ на то, разѣхались по своимъ удѣламъ, и Александръ и Парнаозъ, не имѣвшіе еще собственности, и долженствовавшіе получить таковыя по духовной Царя, ихъ отца, изъ имѣнія Царицы, ихъ матери, воспользо-вавшись отсутствіемъ ихъ брата, Царевича Миріана, въ Россіи тогда бывшаго, отправились въ его деревни.

По вступленіи на Царство, Царь Георгій немедленно отнесся къ Высочайшему Двору Россійскому съ просьбою о утвержденіи его на Царствѣ, а по немъ наслѣдникомъ сына его, Царевича Давыда.

Самое начало царствованія его было уже неблагополучно, отъ раздѣленія братьевъ его и интригъ Царицы, его мачихи, а въ послѣдствіи приходило часъ отъ часу въ состояніе худшее.

Царевичи, братья Царскіе, разѣхавшись въ разныя мѣста, отклонились отъ повиновенія власти Царской и вовлекли съ собою въ то же многихъ Князей и дворянъ. Царица Дарія, перѣхавъ изъ Телавы въ Тифлисъ, завладѣла доходами, по закону принадлежащими супругѣ Царской.

Истощеніе доходовъ казны Царской было чувствительнѣе, чѣмъ при Царѣ Иракліѣ, а расходы во всѣхъ частяхъ приумножи-

люди, при всѣхъ издержкахъ государственныхъ должныствовали оныя естественно возрастать, для содержанія дѣтей Царя Георгія, изъ коихъ Царевичъ Іоаннъ былъ токмо одинъ, получившій еще при Царѣ Иракліи недвижимое имѣніе.

Раздѣленіе Царства на партіи, отъ удалившихся въ разныя стороны Царевичей, угрожало оному междоусобной войной; и побуждало Царя Георгія, подъ предлогомъ опасенія отъ вѣнскихъ непріятелей, водворить въ Грузіи нѣсколько (7) тысячъ Лезгинскихъ войскъ.

Войско сіе хотя и обезпечивало въ безопасности особу Царя, но наиболѣе способствовало конечному разоренію Грузіи, по врожденной имъ склонности къ разореніямъ, коихъ слѣды повсюду нынѣ остались.

Княжество и дворянство Грузинское, подпавшее въ подозрѣніе у Царя въ единомышленіи съ братьями, подвергалось наказаніямъ отнятіемъ и разореніемъ имѣній, а пребывающіе вѣрны къ особѣ Царской, не избывали мщений отъ Царскихъ братьевъ; бараты, безпрестанно выдаваемые, разоряли купечество и поселянъ, а набогачали Есауловъ, исполнителей оныхъ.

Слабость здоровья Царскаго и безконечныя болѣзни препятствовали ему конечно заниматься дѣлами, и не токмо Царица Дарія, но и супруга его, Царица Марія, имѣвшая немало сообщниковъ, употребляла то въ свою пользу.

Весьма любопытна хитрость, Царицей Маріей употребляемая въ болѣзни Царя и не задолго до его кончины къ пріобрѣтенію лихвы на счетъ разореній.

Царь весьма любилъ послѣдняго изъ сыновей своихъ, Ираклія, оставшагося на второмъ году возраста по смерти Царской. Сего дитятю обыкновенно въ нѣкоторые часы приносили къ Царю, который его всячески ласкалъ, давая ему играть кольцомъ, на которомъ нанизаны были именная и гербовая печати, употребляемыя для прикладыванія, по обычаю Азіятскому, вмѣсто подписи на бумагахъ, отъ Царя выходящихъ. Нянька, состоящая въ интересахъ Царицы, должна была всегда раздражить ребенка до слезъ и, коль скоро онъ заплачетъ, то его въ ту же минуту отъ Царя унести къ Царицѣ. А тѣмъ временемъ, пока ублажаютъ маленькаго Ираклія, Мдиваны Ея Высочества поспѣвшишимъ образомъ прикладываютъ печати Царскія на бараты и фальшивыя грамоты, спередъ заготовленныя.

Наконецъ критическое положеніе внутри Царства, раздорами фамиліи Царской двухъ колѣнъ производимое, намѣреніе Царевичей, братьевъ Царскихъ, жертвовать, для своей пользы, отечествомъ соединеннымъ войскамъ Персидскимъ, Лезгинскимъ и Имеретинскимъ, побудили Царя Георгія прибѣгнуть къ Государю Императору Всероссійскому съ просьбой принять Царство его въ Высочайшее покровительство и подданство.

НВ. Утверждаютъ большая часть благомыслящаго дворянства Грузинскаго, что Царь Ираклій уже таковое имѣлъ намѣреніе, видѣвши пагубу своего Царства, но что Царица Дарія возможная къ тому употребляла препятствія, имѣя въ мысляхъ управлять Царствомъ супруга своего при жизни его, а по кончинѣ еще болѣе, и для того-то она настаивала у Царя о постановленіи наслѣдственнаго порядка, какъ выше показано: что Юлонъ во всемъ ей бы повиновался, не имѣя совсѣмъ способностей самъ собою управлять.

Въ 1798-мъ году Царь намѣреніе свое исполнилъ отправленіемъ къ Высочайшему Двору Россійскому, съ прошеніемъ о Всемилоостивѣйшемъ Государя Императора воззрѣніи на гибельное положеніе его и Царства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и о защитѣ отъ оныхъ войскомъ.

Его Императорское Величество, удостоивъ вниманія его просьбу, Всемилоостивѣйше повелѣть изволилъ: Инспектору Кавказкой Инспекціи откомандировать съ Линіи 17-й егерскій полкъ, и оному слѣдовать въ Грузію съ Министромъ, отъ Высочайшаго Двора къ Царю назначеннымъ, Ст. Сов. Коваленскимъ. Сей полкъ выступилъ съ Линіи въ походъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1800 года. Приходъ онаго въ Тифлисъ того же года 26 Ноября весьма обрадовалъ Царя и всѣхъ ему преданныхъ, но устрасилъ противниковъ.

Въ скоромъ времени разнесся слухъ по Грузіи, что Россійскихъ войскъ въ предѣлы оной вступило 3000 человекъ. Въ продолженіе же времени, протекшаго со дня отправления отъ Царя просьбы къ Высочайшему Двору о присылкѣ войскъ до прибытія оныхъ въ Грузію, внутреннія и внѣшнія обстоятельства Царства сего часть отъ часу становились хуже, до того даже, что Царь со всей своей фамиліей долженъ былъ опасаться лишенія жизни: то и рѣшился Его Высочество повергнуть оное въ подданство скипетру Россійскому. Для чего, до прихода еще войскъ, Его Высочество отправилъ къ Высочайшему Двору трехъ пословъ: Князей Чавчавадзева, Асаулова и Палавандова, съ коими егерскій полкъ встрѣтился въ

Казбекѣ, и которыхъ Царь, чрезъ курьера въ слѣдъ за ними посланнаго, обратилъ въ Тифлисъ. Причина сему ихъ обращенію была та, что Министръ, услыхавъ объ отправленіи изъ Грузіи пословъ, написалъ къ Царю, чтобъ онъ ихъ, до прибытія его въ Тифлисъ, не отправлялъ къ Высочайшему Двору, а то, въ противномъ случаѣ, и самъ обратно въ Россію поѣдетъ и войска вернетъ.

Опасенія Царя миновались съ прибытіемъ войскъ Россійскихъ въ Грузію, и замыслы Царевичей и ихъ единомышленныхъ на нѣкоторое время пресѣклись. Въ Тифлисъ занимались торжествомъ по случаю поднесенія Россійско-Императорскимъ Министромъ инвентуры, отъ Высочайшаго Двора присланной, и Высочайшей грамоты на утвержденіе въ Царскомъ достоинствѣ Царя Георгія, а наслѣдникомъ его, сына его, Царевича Давыда.

Не извѣстно, по какой причинѣ къ торжеству сему не прибыли Царевичи, братья Царскіе, и по сему они не были приведены къ присягѣ.

Торжество сіе было нѣкоторымъ образомъ причиною вновь возникшихъ неурядицъ въ Царствѣ Грузинскомъ по поводу утвержденія Высочайшей грамотой наслѣдникомъ Царевича Давыда.

Царь, хотя и былъ обезпеченъ въ безопасности особы своей и Дома своего, но мысли о уступкѣ Царства своего не перемѣнилъ. По окончаніи торжества вознамѣрился онъ отправить къ Высочайшему Двору помянутыхъ трехъ пословъ.

Имѣвши же множество неудовольствій отъ Министра, Г-на Коваленскаго, хотя сей и требовалъ свѣдѣнія о предметѣ ихъ къ Высочайшему Двору отправленія, но ему о истинномъ предметѣ знать не дано, а сообщено токмо, что они отправляются для принесенія благодаренія Его Императорскому Величеству за Всемогуществѣйшее подтвержденіе достоинства Царскаго въ родѣ Георгія и за защиту Грузіи войсками.

Царь Георгій, привыкнувъ уже видѣть Г.-М. Лазарева и нѣкоторую къ нему имѣть довѣренность, призвавъ его однажды къ себѣ, сообщилъ ему за тайну о своемъ предпріятіи, взявъ, однако же, съ онаго клятву, подъ присягой, чтобъ оную онъ хранилъ и отъ Министра, а что бумаги по предмету сему уже отправлены впередъ въ Моздокъ къ одному Армянину, для взятія оныхъ съ собою послами оттуда.

Министръ, уже имѣвшій вражду съ Княземъ Чавчавадзевымъ, и опасаясь его поѣздки къ Высочайшему Двору, писалъ Главно-

командующему Генералу Кноррингу, чтобъ сихъ пословъ съ Линіи возвратить; но Главнокомандующій былъ уже отъ Царя предвѣренъ о его намѣреніи, и Его Высочеству далъ увѣреніе въ письменномъ отвѣтѣ о томъ, что посламъ ни малѣйшаго затрудненія сдѣлано не будетъ къ достиженію до С.-Петербурга.

Спокойствіе въ Грузіи съ прихода войскъ Россійскихъ продолжалось до весны, сколько по тому, что оныхъ неблагонамѣренные страшились, не бывъ въ достаточныхъ силахъ противъ оружія ихъ что либо предпріять, сколько и по времени зимнему, которое они, однако же, употребляли, какъ изъ послѣдствія видно, къ приуготовленію чувствительнѣйшаго удара отечеству весной.

Царь, между тѣмъ, надѣясь на оружіе войскъ Россійскихъ, началъ мало по малу входить въ свои права: отнялъ у Царицы Даріи половину токмо доходовъ, принадлежащихъ Царицѣ-супругѣ. Къ примиренію сихъ Царицъ употребленъ Министръ, который въ семъ случаѣ, державъ сторону Царицы Даріи, дѣло болѣе испортилъ, началъ убѣждать Царя оставить ее въ покоѣ изъ почтенія, которое къ ней онъ ниѣтъ долженъ; но Царь, сдѣлавъ ей уступку половины доходовъ, повелѣлъ другою пользоваться супругѣ своей.

Сей подвигъ Царя, сколь ни справедливый, былъ, однако же, поводомъ къ продолженію раздоровъ.

Съ наступленіемъ весны сильная партія неблагонамѣренныхъ начала торжествовать, будучи ободрена приближеніемъ войскъ Персидскихъ къ Еревану, предводительствуемыхъ сыномъ Баба-Хана, Аббасъ-Мирзой, руководимаго дядькой своимъ, Сулейманъ Сардаремъ. Устрашенные жители изъ окрестныхъ селеній Тифлиса стекались въ сію столицу, отъ чего самонужнѣйшіе жизненные припасы не токмо вздорожали, но и содѣлался въ оныхъ чувствительный недостатокъ. Уныніе народа, обращавшагося въ бѣгство въ безопасныя горныя мѣста къ горамъ Кавказскимъ, наводило болѣе трепеть и на войска Россійскія.

Внутреннія распоряженія къ защитѣ города, поручилъ Царь будучи весьма слабъ, Министру, который въ семъ случаѣ, какъ явствуетъ, показалъ, что не за свое дѣло взялся; а въ помощь ему отдалъ Царь сына своего, Царевича Ивана.

Министръ выдумалъ новаго рода укрѣпленія: онъ выгналъ за городъ до 4000 человекъ для рытья канала вокругъ городской стѣны. Какъ кажется, мысль его была та, чтобъ каналъ сей служилъ ровомъ, ограниченнымъ съ обѣихъ сторонъ валомъ

изъ вырытой земли, для удержанія нападенія непріятельскаго на городъ, который бы со стѣнъ могъ быть обороняемъ вооруженіемъ жителей; но каналъ или ровъ сей болѣе бы еще могъ благопріятствовать непріятелю, который изъ онаго, конечно, сдѣлалъ бы неприступный и безопасный ложементъ (logement).

Рытье сего канала, вмѣстѣ съ тѣсною городскихъ жилищъ, чрезъ мѣру наполнившихся стекшимся отовсюду народомъ, произвело повѣтріе отъ паровъ разрытыхъ кучъ около стѣны городской, въ которыхъ, между всякой нечистотой, находилось множество согнившихъ тѣлъ послѣ чумы, нѣсколько тому лѣтъ назадъ Тифлисъ опустошившей. Приумноженіе больныхъ въ detachmentъ Г.-М. Лазарева весьма наводило много безпокойствъ какъ сему начальнику, такъ и Царю въ столь критическихъ обстоятельствахъ, въ продолженіе которыхъ вдругъ получено извѣстіе о побѣгѣ Царевича Александра изъ деревни своей за границу.

А вскорѣ послѣ сего прибылъ къ Царю посланецъ отъ Аббасъ-Мирзы съ предложеніемъ ему, чтобъ онъ по прежнему подвергнулся подъ покровительство Баба-Хана, и чтобъ сему властителю Персіи прислалъ въ знакъ вѣрности аманатомъ старшаго сына своего. Посланцу сему дана была Царемъ въ домѣ Министра великолѣпная аудіенція; не извѣстно, какой онъ получилъ отвѣтъ, но токмо примѣтно было его' неспокойствіе отъ множества войска Россійскаго. По отъѣздѣ посланца изъ Тифлиса, приблизились къ столицѣ сей съ немалымъ вооруженіемъ Царевичъ Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, подъ предлогомъ тѣмъ, чтобъ спасти Царицу Дарію, мать ихъ, отъ угрожающей опасности.

Сколь ни благовидный предлогъ, но весьма не у мѣста было вооруженіе тогда, когда войско Россійское долженствовало защищать всю Грузію во всякомъ случаѣ опасности; по чему и долженъ былъ командующій Генералъ сдѣлать предположительное заключеніе на счетъ злаго Царевичей намѣренія содѣйствовать съ непріятельскими войсками, которыя, какъ извѣстно было, ими приглашены для избавленія ихъ отечества отъ Россіянъ.

Г.-М. Лазаревъ хотѣлъ самъ разсмотрѣть какъ ихъ силу, такъ и мѣсто ихъ лагера, и для того испросилъ дозволеніе у Наслѣдника, за болѣзнію Царя, ѣхать на мѣсто, гдѣ Царевичи съ войскомъ остановились, подъ предлогомъ свиданія съ Царевичемъ Вахтангомъ, по старому съ нимъ знакомству. Пріѣхавъ на мѣсто,

Г.-М. Лазаревъ, узнавъ о количествѣ собравшейся толпы, въ ко- ей было до 3000 вооруженныхъ, испытывалъ и о причинахъ ихъ приближенія; но его увѣряли, что не для чего иного, какъ для спасенія Царицы Даріи изъ Тифлиса въ Душетъ, или въ Бѣлотъ, въ случаѣ приближенія непріятельскихъ войскъ къ столицѣ.

Г.-М. Лазаревъ, отправляясь оттуда обратно въ Тифлисъ, былъ провожаемъ Царевичами, съ оказаніемъ всѣхъ знаковъ учтивости и ласки.

Царь уже отправилъ на встрѣчу сего Генерала одного чиновника съ вопросомъ о замѣчаніяхъ, имъ въ лагерь Царевичей сдѣланныхъ; но Генералъ Лазаревъ приказалъ донести Царю, что слѣдующаго утра явится самъ съ донесеніемъ. По прибытіи же въ Тифлисъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности города, а притомъ и поставилъ секретные бекеты около дома Царицы Даріи.

По утру въ слѣдующій день донесъ Г.-М. Лазаревъ Царю въ подробности о всемъ, что замѣтилъ, и о заключеніи своемъ на счетъ истиннаго предмета сего вооруженія. Черезъ два дня потомъ Министръ, по порученію Царя, ѣздилъ для переговоровъ съ Царевичами за городъ, какъ заключить должно, для убѣжденія ихъ отложить напрасныя хлопоты. По полудни же явился къ Г.-М. Лазареву Совѣтникъ Грузинской артиллеріи, Князь Назаровъ, съ извѣстіемъ отъ имени Царскаго, что Царица Дарія вознамѣрилась тайно уѣхать къ Царевичамъ, а въ слѣдъ за симъ Совѣтникомъ прибылъ, съ подтвержденіемъ того же извѣстія, Секретарь отъ Министра, Карнѣевъ, съ предложеніемъ, чтобъ Г. Лазаревъ бралъ нужныя мѣры. Въ тотъ же часъ жилище Царицы было окружено баталіономъ егерей, караулы у всѣхъ выѣздовъ были удвоены. Царица весьма была тѣмъ озлоблена на Министра, котораго Г.-М. Лазаревъ нашелъ у нея сидящаго, а экипажъ ея весь уже отправленъ былъ въ лагерь къ Царевичамъ.

Спустя шесть дней послѣ сего происшествія, Царевичи съ вооруженной толпой ретировались по деревнямъ, а чрезъ два дня потомъ получены были извѣстія, что и Персіане отъ Еревана отступили къ рѣкѣ Араксу.

Когда видимая опасность отступленіемъ войскъ Персидскихъ синовалась, то жители изъ окрестныхъ селеній, въ Тифлисъ для спасенія собравшіеся, мало по малу изъ онаго опять разошлись; остались же въ столицѣ токмо вооруженные Казахцы. Инспек-

торъ, Г.-М. Кноррингъ, пребывая на Линіи Кавказской, по видимо-
му, ни малѣйшихъ свѣдѣній о происходящемъ въ Грузіи не полу-
чилъ, а токмо отъ Царя доходили до него письма съ повторе-
ніемъ требованій, о подкрѣпленіи деташемента войскъ; ибо при-
слалъ къ Г.-М. Лазареву въ теченіе сего времени нарочнаго съ
вопросами объ обстоятельствахъ Грузіи. Г.-М. Лазаревъ ему могъ
токмо преподать свѣдѣнія о случившемся и о слухахъ, что Даге-
станцы намѣреваются, подъ предводительствомъ извѣстнаго Омаръ-
Хана Аварскаго, учинить впаденіе въ Грузію.

Слухи о семъ намѣреніи Дагестанцевъ продолжались, Казах-
ское войско изъ Тифлиса не распускалось; а между тѣмъ сдѣлалось
повѣтріе кроваваго поносу, отъ коего наиболѣе потерпѣли Казахцы;
Россійскій же деташементъ ничего не потерпѣлъ.

По извѣстіямъ, отъ Г.-М. Лазарева полученнымъ, и по мнѣнію
его о подкрѣпленіи въ Грузіи деташемента, Инспекторъ откоманди-
ровалъ въ Грузію мушкетерскій полкъ съ 4-мъ орудіями Г.-М.
Гулякова и 100 Казаками.

Полкъ сей еще не достигъ Тифлиса, какъ Г.-М. Лазаревъ
получилъ повелѣніе о принятіи дѣлъ отъ Министра, а сей от-
зывную грамоту. Вскорѣ послѣ сего получилъ Царь извѣстіе, что
Омаръ-Ханъ уже приближается съ сильнымъ вооруженіемъ къ
границамъ Грузинскимъ.

Царь призвалъ, для совѣщанія о принятіи нужныхъ мѣръ къ
оборонѣ, Г.-М. Лазарева, который Царю предложилъ объ отправле-
ніи въ Козакъ кого ни будь изъ сыновей, дабы народъ сей удер-
жать въ повиновеніи, и о написаніи къ Царскимъ братьямъ, чтобъ они
въ своихъ помѣстьяхъ собрали вооруженіе для содѣйствія къ обо-
ронѣ. На первое Царь согласился, а на второе отвѣчалъ, что при-
ближеніе Омаръ-Хама суть плоды ихъ произведеній. Г.-М. Лаза-
ревъ представилъ Царю, чтобъ токмо сдѣлать испытаніе, дабы
изъ ихъ исполненія, или отказа, тѣмъ лучше было можно о благо-
амѣренности ихъ судить. Царь и на сіе согласился.

Какъ все сіе въ Тифлисѣ происходило, получилъ Г.-М. Лаза-
ревъ курьева отъ Инспектора съ репримандомъ о невѣрности свѣ-
дѣній, имъ сообщаемыхъ, о намѣреніи Омаръ-Хана впасть въ
Грузію, тогда когда онъ искалъ Высочайшаго покровительства Его
Императорскаго Величества и когда ему оное уже обѣщано; а
отъ Царевича Ивана, въ слѣдъ за симъ получилъ Г.-М. Лазаревъ,
увѣдомленіе, что Омаръ-Ханъ уже на границѣ.

Г.-М. Лазаревъ, написавъ къ Царевичамъ, Юлону, Вахтангу и Парнаозу, приглашеніе, по мѣрѣ, положенной, по согласію Царя, выступилъ самъ съ 2-мя баталіонами, егерскимъ и мушкетерскимъ, съ 4-мя орудіями и со 60 Казаками. Одинъ же баталіонъ егерей оставался въ Тифлисѣ, по желанію Царя.

На второмъ маршѣ Царевичъ Иванъ прислалъ къ Г.-М. Лазареву съ увѣдомленіемъ, что Омаръ-Ханъ съ войсками уже переправился черезъ Алазанъ и движеніе свое располагаетъ къ крѣпости Сигнахской. Г.-М. Лазаревъ, оставивъ съ Г.-М. Гуляковымъ баталіонъ мушкетерскій и 2 егерскія роты, со всѣми при томъ обозами, поспѣшилъ самъ къ упомянутой крѣпости съ тремя ротами егерей, 2-мя орудіями и 40 Казаками форсированнымъ маршемъ, а на другой день дошелъ и съ нимъ соединился упомянутый Г.-М. Гуляковъ.

Въ ночное время должно было судить по огнямъ непріятельскаго лагеря, отстоявшаго верстахъ въ 30 отъ того мѣста, куда пришли два Россійскихъ баталіона, о силѣ непріятеля, которая была многочисленна.

По учрежденіи всего нужнаго къ оборонѣ противъ онаго, Г.-М. Лазаревъ отправилъ къ Омаръ-Хану нарочнаго съ письмомъ, въ коемъ ему изъясняя неблагонамѣренный его поступокъ вторженіемъ въ границы области, Россійскими войсками охраняемой, тогда еще, когда онъ снискивалъ себѣ покровительство Высочайшаго Двора Россійскаго, и въ томъ уже получилъ увѣреніе отъ Главнокомандующаго Генерала, Г.-М. Лазаревъ примѣтилъ въ ономъ Омаръ-Хану, что сей его поступокъ не можетъ не навлечь на него справедливаго гнѣва Его Императорскаго Величества, и что гораздо будетъ благоразумнѣе, если того избѣгнуть и, не нарушивъ правъ спокойствія сосѣдственнаго, безъ кровопролитія границы Грузіи оставить; а что, въ противномъ случаѣ, она будетъ усиленно защищаема войсками Его Императорскаго Величества.

Прошло уже два дня, посланный къ Омаръ-Хану еще не возвращался; по сему Г.-М. Лазаревъ разсудилъ за благо сдѣлать движеніе, чтобъ къ непріятельскому лагерю приблизиться; съ тѣмъ намѣреніемъ, что, если отвѣта отъ Омаръ-Хана не будетъ, то чтобъ его атаковать. Намѣреніе сіе Г.-М. Лазарева не понравилось Царевичу Ивану, который тайно согласовался съ предиріятіями дядей своихъ.

Посланный наконецъ воротился съ отвѣтомъ Омаръ-Хана, заключавшимъ увѣреніе о его усердіи и преданности къ Его Императорскому Величеству, и заключеніе, что въ томъ онъ не видитъ никакого нарушенія, или неблагонамѣренности, если онъ въспомоществуетъ прибывшему къ нему гостю, Царевичу Александру, противъ брата его Царя, дѣлающаго ему разныя гоненія и лишаящаго его правъ, законно ему принадлежащихъ.

Донесенія же возвратившагося нарочнаго состояли въ томъ, что, по его замѣчанію, непріятельскаго войска по сю сторону, въ лагерь, находилось до 15,000 человѣкъ; что расположены они по лѣсамъ, въ мѣстахъ весьма крѣпкихъ; что онъ слышалъ отъ нѣкоего Аджи, что на слѣдующій день сіе число будетъ умножено корпусомъ 10,000 человѣкъ.

Г.-М. Лазаревъ, имѣя при своемъ деташементѣ тысячъ до 13 Грузинскаго вооруженія, предводительствуемаго Царевичами Иваномъ и Баграторомъ, подвинулся со всѣми на разстояніе 4-верстное къ лагерю непріятельскому, съ намѣреніемъ оный на разсвѣтѣ атаковать. Расположившись на семь мѣстъ, получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царя нарочнаго, привезшаго письмо отъ Царицы Даріи къ Царевичу Александру, въ коемъ она его увѣщавала обратиться отъ поступковъ своихъ ко вреду отечества, но заключала оное напominовеніемъ, чтобъ онъ не забылъ, что онъ сынъ Царя Ираклія.

Г.-М. Лазаревъ не медля отправилъ сіе письмо къ Царевичу Александру съ нарочнымъ, при своемъ письмѣ, коимъ, повторяя ему увѣщаніе его матери, обѣщалъ ему безопасность и примиреніе съ Царемъ, его братомъ, увѣряя его при томъ, что столь неблагоприятными поступками своими онъ подвергается добровольно справедливому гнѣву Государя Императора.

Съ симъ же посланнымъ отправилъ Г.-М. Лазаревъ письмо и къ Омаръ-Хану, съ увѣдомленіемъ о недалежномъ его съ войскомъ Россійскимъ разстояніи отъ лагеря и съ увѣреніемъ, что есть еще время ему отступить, буде хочетъ оное употребить въ пользу.

Вмѣсто даннаго Г.-М. Лазаревымъ срока, какъ Царевичу Александру, такъ и Омаръ-Хану, 4-хъ часовъ для составленія отвѣта рѣшительнаго, продержали посланнаго до утра, ночью отправляя всю пѣхоту по ущеліямъ внутрь Грузіи, а съ разсвѣтомъ и конница туда же двинулась. Грузинскія войска въ ту же ночь отретировались; осталась оныхъ весьма малая часть съ Царевичемъ Иваномъ.

Г.-М. Лазаревъ, снявъ свой лагерь, сдѣлалъ движеніе со всѣмъ detachementомъ своимъ для преслѣдованія непріятеля и для пресѣченія ему пути. На другой день, догнавъ непріятеля, въ четыре часа по полудни, Г.-М. Лазаревъ имѣлъ съ нимъ сраженіе на рѣкѣ Іорѣ, не подалеку отъ разоренной деревни Тахури, Ноября 27-го, весьма для непріятеля кровопролитное.

По сказаніямъ нѣсколькихъ Грузинцевъ, отъ Царевича Александра бѣжавшихъ въ отечество, непріятельскаго войска было до 22 тысячъ; до 4-хъ изъ нихъ Россіянами побито, остальные же разными толпами обратились въ бѣгство. Одни ретировались къ Ганжѣ, встрѣчени были Ханскими войсками и потерпѣли великій уронъ; другія, шедшія на Чары и Белоканы, терпѣли голодъ, распродали оружіе, лошадей, за малое количество хлѣба и, съ знатнымъ урономъ людей, едва могли добраться до своихъ мѣстъ чрезъ горы, всегда снѣгами покрытыя.

Предводительствовавшій ими Омаръ-Ханъ, вмѣстѣ Царевичемъ Александромъ, бѣжали въ Шушу.

Россійскихъ же войскъ на мѣстѣ сраженія находилось въ строю до 700 человекъ, вспомоствуемыхъ Грузинскими до 2,100 человекъ конницы и до 900 пѣхоты.

На пути Г.-М. Лазарева съ detachementомъ своимъ въ преслѣдованіи непріятеля, возвратился въ нему его посланный отъ Омаръ-Хана. Сей предводитель отвѣтствовалъ, что онъ слѣдуетъ непременно для выполненія желаній своего гостя, Царевича Александра, а Царевичъ сей писалъ, что онъ идетъ въ селеніе Маркоби, для свиданія съ братьями своими и, на чемъ съ ними рѣшится, обѣщалъ увѣдомить.

По малочисленности войска въ командѣ Г.-М. Лазарева нельзя ему было дѣлать наблюденій за поведеніемъ и намѣреніями Царевичей Юлона, Вахтанга, Парнаоза и Миріана, но въ послѣдствіи оныя открылись. Планъ ихъ былъ тотъ, чтобъ Лезгинскія войска заняли обширное селеніе Загареджи въ Кахетіи, сами Царевичи, съ вооруженной толпой Грузинъ, намѣревались занять селеніе Маркоби, также въ Кахетіи и, составивъ отрядъ соединенныхъ силъ, раздѣлить оныя на 2 части, изъ коихъ одна должноствовала освобождать Тифлисъ отъ Россіянъ, а другая расположиться на рѣкахъ Ксанѣ и Арагвѣ, для воспрепятствованія, на семъ пути, отъ Кавказскихъ горъ къ Тифлису ведущемъ, проходу войскамъ нашимъ, въ томъ случаѣ, когда бы изъ Россіи командировались оныя, для подкрѣпленія находившихся уже въ Грузіи.

Имеритинскій же Царекъ долженствовалъ занять своими силами Карталинію.

Радость въ Тифлисъ была неописанная при возвращеніи послѣ сраженія Г.-М. Лазарева въ сію столицу съ побѣдоносными войсками Его Императорскаго Величества. Пушечная пальба и иллюминація продолжались чрезъ четыре дня; Царь одержимъ былъ въ сіе время тяжкою болѣзнію.

Весьма заслуживаетъ замѣчанія поведеніе въ семъ случаѣ Царицы Даріи: когда баталіоны выступали изъ Тифлиса въ походахъ противъ Омаръ-Хана, то Ея Высочество усердно смѣялась сему походу, оказывая сожалѣніе, что ополченіе Россіянъ, столь малочисленное, будетъ неизбѣжной жертвой побѣды Омаръ-Хана. Когда же ополченіе сіе вступало побѣдоносно въ Тифлисъ, то Ея Высочество съ досады не хотѣла на оное смотрѣть, и сидѣла въ домѣ своемъ во все то время съ закрытыми окнами.

Послѣ же того, какъ извѣстно отъ ея приближенныхъ, изволила она отправить ругательное письмо къ Омаръ-Хану, съ изъясненіемъ въ ономъ своего удивленія: куда дѣвалась его храбрость, что такая малая горсть Русскихъ его могла устрасить?

Г.-М. Лазаревъ осыпанъ былъ огъ всего народа изъясненіями благодарности; Царевичи Юлонъ и Вахтангъ поздравляли его также письмами съ побѣдой, извиняясь, что не могли къ нему прійти съ вооруженными подданными своими на помощь, по причинамъ: первый, что его люди заняты были рытьемъ канала, Министромъ выдуманнаго, вокругъ городской стѣны, а второй, что онъ опасался междоусобія, по извѣстной враждѣ Тіунетскихъ и Пшавскихъ жителей между собой.

Послѣ происшествія сего присланъ былъ къ Царю отъ Тайнаго Совѣта Графа Пушкина горный Офицеръ, для негосіаціи съ Его Высочествомъ по предмету уступки рудниковъ, кои были осматриваемы предъ тѣмъ самимъ Графомъ Пушкинымъ. Сей случай былъ первый, въ который Царь торжественно объявилъ, что онъ не токмо рудники, но все свое Царство на вѣчно уступаетъ Его Императорскоу Величеству, и просить токмо себѣ и дѣтямъ своимъ пропитанія.

Послѣ же сего торжественнаго объявленія написалъ Его Высочество къ Г.-М. Лазареву убѣдительное письмо по сему

предмету, въ коемъ, изъясняя неуройства, во всемъ Царствѣ происходящія, которыхъ онъ властію своею не въ состояніи болѣе привести въ порядокъ, поручалъ Его Превосходительству взять на себя смотрѣніе, дабы народъ не претерпѣвалъ угнетеній отъ Царевичей, Царицъ, Царевенъ и Царедворцевъ его, повторяя ему неоднократно, что онъ обязанъ то исполнить и оказывать защиту народу Грузинскому, принадлежащему уже Его Императорскому Величеству. Г. М. Лазаревъ представилъ письмо сіе Главнокомандующему.

Здоровье Царское между тѣмъ часть отъ часу истаявало. Г. М. Лазаревъ имѣлъ уже предписаніе отъ Главнокомандующаго съ изъясненіемъ Высококомаршаго повелѣнія, чтобы, въ случаѣ кончины Царя, никто по немъ преемникомъ не избирался впредь до повелѣнія.

Раздѣленіе на партіи народа не претавало существовать, и тѣмъ опаснѣйшихъ слѣдствій ожидать надобно было, въ случаѣ кончины Царской, въ разсужденіи того, что въ избраніи Царя репрезентанты народа не согласовались: признавали преемникомъ старшаго сына, Царевича Давыда, а другіе требовали Царевича Юлона.

Надобно было опасаться волненія въ народѣ и того, чтобы партія неблагонамѣренныхъ не покусилась похитить корону; по чему Г.-М. Лазаревъ и долженъ былъ принять предварительно мѣры осторожности, приказавъ дежурному Маіору быть при коронѣ безотлучно, снабдивъ его при томъ особенными секретными повелѣніями, какииъ образомъ ему поступать въ случаѣ тревоги.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего, явился къ Г.-М. Лазареву дежурный Маіоръ съ донесеніемъ, что собирается у Царя множество духовенства для соборованія его масломъ. Ни мало не медля, Г.-М. Лазаревъ пошелъ къ Царю, но его нашелъ въ великой слабости, и который приходомъ его былъ обрадованъ. За Генераломъ Лазаревымъ пришелъ къ Царю Наслѣдникъ съ нѣкимъ Княземъ Леонидевымъ. Царь притворился спящимъ, хотя Князь Леонидзе и повторительно Его Высочеству докладывалъ: «Не угодно ли Его Высочеству чего приказать Наслѣднику о Царствѣ?»

* См. Исторію о Кн. Леонидевѣ.

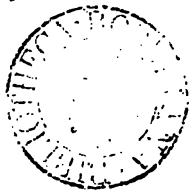
Г.-М. Лазаревъ, ушедши отъ Царя, остался на всю ночь въ караульнѣ, дабы быть свидѣтелемъ всего, что происходитъ будетъ, и быть въ готовности на всякій случай. На разсвѣтъ слѣдующаго дня явились въ караульню духовникъ Царскій и придворный Священникъ Елефтерій, съ требованіемъ, чтобъ Г.-М. Лазаревъ имъ позволилъ съ собой переговорить наединѣ; а когда всѣ люди были высланы изъ караульни, то они ему объявили о желаніи Царя, на духу яко бы имъ изъявленномъ, чтобъ, по кончинѣ Его Высочества, назначенъ былъ его преемникомъ Царевичъ Давыдъ. Сообщение сіе воли Царской ни мало не сходствовало съ той тайной, которую Его Высочество давно уже Генералу Лазареву открылъ и письменно подтвердилъ, и которая не была уже тайна послѣ торжественнаго объявленія по случаю негосіаціи съ Царемъ горнаго Офицера о уступкѣ рудниковъ. Отвѣтъ симъ Попамъ, Г.-М. Лазаревымъ данный, состоялъ въ томъ, что онъ знаетъ, что ему дѣлать.

Послѣ сего, когда уже входъ къ Царю былъ возможенъ, Г.-М. Лазаревъ, пришедъ къ Его Высочеству, встрѣченъ былъ вопросомъ: «Не имѣетъ ли онъ извѣстія о возвращеніи Князя Чавчавадзева, котораго онъ съ величайшимъ ожидалъ нетерпѣніемъ, думая, что онъ не умретъ спокойно, если еще при жизни своей не достигнетъ счастья того, чтобъ его Царство было подвластно Его Императорскому Величеству.»

Здоровье Царское примѣтнымъ образомъ ослабѣвало, такъ что ежедневно ожидали его кончины. Претенденты на Царство между тѣмъ старались время сіе употребить въ свои пользы.

Царевичъ Давыдъ разсылалъ своихъ эмисаровъ по Кахетіи, чтобъ преклонить ихъ на свою сторону, обнародовались манифесты о его наслѣдствіи и принуждаемы были жители во всѣхъ мѣстахъ къ учиненію присяги по оному; для лучшаго же успѣха Царевичъ Давыдъ распустилъ въ обращеніе по Кахетіи, сочиненное Мдиваномъ его, Княземъ Леонидзевымъ, письмо, яко бы отъ Г.-М. Лазарева, въ коемъ изображалась Высокомонаршая воля на утвержденіе преемникомъ Царевича Давыда.

Даже и въ самомъ Тифлисѣ интриги сіи были въ дѣйствіи. Въ одинъ день, не за долго до кончины Царя, собраны были въ Сіонскій Соборъ Князья и дворяне Грузинскіе Царевичемъ Ивановомъ для учиненія впередъ присяги вѣрности преемнику, Царевичу Давыду. Г.-М. Лазаревъ, о томъ извѣстясь, внезапно пріѣхалъ въ

сей Соборъ, и тѣмъ разрушилъ замыслы ихъ. Царевичи же, братья Царскіе, разъѣзжая по Карталиніи, вооруженной рукой принуждали народъ присягать Царевичу Юлону, распуская не томо ложныя письма, яко бы отъ Главнокомандующаго къ нимъ писанныя, чтобъ они сего Царевича преемникомъ себѣ избрали, но даже и Именные повелѣнія отъ Государя Императора.

Г.-М. Лазаревъ всевозможныя употреблялъ убѣжденія Царевичу Давыду лично, а симъ чрезъ письма, чтобъ они оставили столь предосудительныя ихъ чести поступки, но ничего не дѣйствовало: первый всегда отпирался, а послѣдніе простирали свои неистовства еще далѣе: разорили деревни, не хотѣвшія имъ довиноваться, увлекали женъ и дѣтей у Князей, которые имъ противились и отъ страха спасались бѣгствомъ въ Тифлисъ, подъ защиту войскъ Его Императорскаго Величества.

Царевичъ Юлонъ отвѣтствовалъ на письма Г.-М. Лазарева отцаніемъ, увѣряя, что на него клеветуютъ и что вооруженія никакого не собирается, а при томъ просилъ, чтобъ Царевича Давыда удержать отъ подвиговъ его въ Кахетіи. Сіе письмо, подписано было Царевичемъ Юлономъ съ титуломъ Наслѣдника. Г.-М. Лазаревъ считалъ за нужное, при повтореніи ему всего того, о чемъ ему прежде уже писалъ, примѣтить, что съ подобной подпиской писемъ отъ Его Свѣтлости онъ принимать не будетъ; ибо знаетъ токмо одного Наслѣдника, Царевича Давыда, утвержденнаго въ достоинствѣ семъ Высочайшей Его Императорскаго Величества грамотой.

Въ теченіи сихъ обстоятельствъ, Царица Дарія, призвавъ къ себѣ Г.-М. Лазарева, показала ему подписку, ею сочиненную въ томъ смыслѣ, что народъ избираетъ преемникомъ Царства ея сына, Царевича Юлона, которую она намѣревалась послать по всѣмъ мѣстамъ въ Грузіи для собранія подписей, а потомъ просить о утвержденіи оной Его Императорское Величество.

По требованію на то Ея Высочества отъ Г.-М. Лазарева мнѣнія, онъ ей отвѣчалъ, что лучше бы сіе намѣреніе было оставить и ожидать спокойно Высочайшей воли Государя Императора, во 1-хъ, по тому что Царь еще здравствуетъ, а во 2-хъ, что не извѣстно никому Высочайшее Государя Императора намѣреніе; а что таковыя поступкомъ Ея Высочество болѣе можетъ Государя Императора огорчить. Царица, согласившись на сіе представленіе, настоятельно требовала отъ Г.-М. Лазарева мнѣнія:

кого онъ признаеть достойнѣйшимъ быть Наслѣдникомъ: Юлона, или Давыда?

Отвѣтъ Г.-М. Лазарева, Ея Высочествомъ вынужденный, состоялъ въ томъ, что, по его мнѣнію, ни тотъ, ни другой, достоинствъ отъѣнныхъ не имѣютъ, но что ему бы казалось, Царевичъ Вахтангъ, любимѣйшій ея сынъ.

Симъ пріятнымъ для нея отвѣтомъ Г.-М. Лазаревъ ее совершенно успокоивъ, отклонилъ отъ предпріятія собирать подписку, и заслужилъ особую ея довѣренность на нѣкоторое время.

А послѣ сего получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царевичей, Юлона, Вахтанга и Парнаоза, вынужденную ими отъ Карталинцевъ подписку о избраніи Царевича Юлона преемникомъ, которую немедленно Г.-М. Лазаревъ представилъ къ Инспектору.

Между тѣмъ Царевичъ Вахтангъ выдумалъ новую хитрость: опасаясь, чтобы Г.-М. Лазаревъ не вывелъ наружу въ рапортахъ своихъ къ Инспектору всѣ его шалости, останавливалъ въ своемъ Душетѣ курьеровъ, отбиралъ у нихъ депеши, и оныя распечатывалъ; а напослѣдокъ арестовалъ одного курьера, также отобравъ отъ него депеши; но, къ счастью, проѣзжалъ изъ Россіи фельдъегерь, Туманскій, который и курьера освободилъ и депеши спасъ.

Между тѣмъ достигали въ Тифлисъ извѣстія, что послы Грузинскіе уже на пути изъ Россіи въ Грузію, но что, доѣхавъ до Марса, возвратились въ Моздокъ, опасаясь мести Царевича Вахтанга.

Кончина Царская послѣдовала Декабря 28-го, 1800 года, послѣ 10-ти дневной тяжелой болѣзни. Съ извѣстіемъ о томъ, весьма скоро повсюду разнесшимся, не взирая на всевозможныя предосторожности, воинскимъ начальникомъ взятыя, весьма увеличались беспокойства въ народѣ, производимыя въ ономъ неистовствами искателей Царскаго достоинства.

Командующій Г.-М. Лазаревъ, въ ту же минуту прибывъ во дворецъ, просилъ Царевича Давыда приказать собрать въ назначенное мѣсто Царевичей, духовенство, Князей и дворянъ, для выслушанія Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія.

Его Свѣтлость, какъ заключить то было можно изъ его поспѣшности къ исполненію предложеннаго Г. Лазаревымъ, полагалъ, что провозглашенъ онъ будетъ преемникомъ, собравъ всѣхъ весьма скоро. Не прошло часа, какъ всѣ помянутыя сословія собраны были въ близъ стоящій домъ отъ дворца, куда прибылъ и Г.-М. Лазаревъ, имѣя при себѣ Князя Александра Чавчавадзева,

Князя Георгія Туманова переводчиками, и, въ присутствіи всѣхъ, объявилъ о Высочайшемъ соизволеніи, чтобъ, по кончинѣ Царя, никто преемникомъ Царства избранъ не былъ, до восполновленія на то Высочайшей воли Государя Императора. Все собраніе, кромѣ Царевичей, приняло сію Высокѣмонаршую волю съ восклицаніемъ. Въ то же время какъ Г.-М. Лазаревъ, послѣ сего объявленія, отходилъ изъ сей залы, то Князь Леонидзе, вышедъ изъ числа собравшихся, поздравилъ Царевича Давыда въ достоинствѣ Царскомъ, что побудило Г.-М. Лазарева, въ ту же минуту какъ ему о томъ сказали, воротиться въ собраніе и объявленіе повторить. По силѣ сего повелѣнія, Царство оставалось безъ управленія; ибо Главнокомандующій при томъ не снабдилъ Г.-М. Лазарева никакими по сему предмету поставленіями; почему Г.-М. Лазаревъ и рѣшился поручить на время управленіе онаго Царевичу Ивану, который при жизни Царя пользовался особенной Его Высочества довѣренностію, и труды правленія съ нимъ раздѣлялъ, и тѣмъ приличнѣе казалось то, что Царевичъ сей не имѣлъ ни малѣйшаго права на преемничество. Но дабы его ограничить во власти и въ томъ, чтобъ, по привязанности къ интересу, дѣла Царства не управлялись по лицемѣрству, то Г.-М. Лазаревъ предложилъ, чтобъ въ семъ временномъ образѣ правленія ни одна бумага по рѣшенію дѣлъ изъ онаго не выходила, какъ за общими печатями Царевича Ивана и Г.-М. Лазарева; о чемъ, объявивъ въ собраніи, Г.-М. Лазаревъ публиковалъ писменно по всей Грузіи. См. въ Исторіи Князя Леонидзе о его чудесахъ послѣ сего съ Княземъ Чавчавадзе и Княземъ Тумановымъ.

Князь Леонидзе, носившій тогда званіе Мдивана Царевича Давыда, не убоясь ничего, началъ возмущать Тифлисъ, склоняя всѣхъ къ тому, чтобъ выбирали Царемъ Царевича Давыда, хотя и посланы были за нимъ люди для поимки, но онъ скрылся въ домъ къ Царевичу Давыду. Безъ нарушенія почтенія къ сему дому, нельзя его было насильственно изъ онаго взять. Въ продолженіи же времени, какъ гласно дѣйствовать онъ уже не могъ; ибо зналъ, что повсюду за нимъ есть надзоръ, то употреблялъ тайныя средства къ возмущенію; а при томъ наставлялъ къ побѣгу Царевича Давыда, который, однако же, того не сдѣлалъ; иные утверждаютъ, что Царевичъ стыдился бѣжать, по тому что состоялъ въ Россійской службѣ, а другіе, что отъ недостатка духа рѣшимости.

Царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, получивъ отъ Г.-М. Лазарева письма съ примѣчаніями о непристойности присвоенія Царевичу

Юлону титула наслѣдника, отвѣчали ему однимъ изъявленіемъ не-удовольствія въ томъ, что изъ нихъ никого не сдѣлали участниками въ управленіи Царствомъ по кончинѣ Царя.

На сіе имъ было Г.-М. Лазаревымъ отвѣтствовано, что причиною тому было токмо ихъ отсутствіе изъ Тифлиса, а что онъ почитетъ себя за особую честь, если угодно имъ будетъ раздѣлять съ нимъ и Царевичемъ Иваномъ труды по дѣламъ Царства. Ни одинъ изъ сихъ Царевичей, однако же, не разсудилъ за благо въ Тифлисъ по сему приглашенію ѣхать, а за лучшее избрали собраться въ Мухрани съ вооруженной толпой, для сочиненія тамъ операціонныхъ плановъ и выдумыванія разныхъ чудесъ, къ нарушенію общаго спокойствія.

Нѣкто Князь Кайхосро Челокаевъ (нынѣ Совѣтникъ Экспедиціи Гражданскихъ дѣлъ), также не хотѣвшій повиноваться Высочайшей волѣ, Г.-М. Лазаревымъ объявленной, о избраніи преемника, ближній родственникъ неблагонамѣренныхъ Царевичей, оставивъ свою деревню, прибѣгнулъ къ Царевичу Вахтангу съ просьбой, чтобъ онъ употребилъ свое стараніе, дабы полковыя лошади, которыя, по повелѣнію покойнаго Царя, въ его деревни паслись, изъ оной были выведены. Цѣль его была та, чтобъ въ сей деревнѣ своей принять Царевичей, для совѣщанія съ ними и съ нѣсколькими ихъ сообщниками изъ Князей Грузинскихъ по предмету ихъ предпріятій. Въ теченіи сихъ смутныхъ обстоятельствъ прибыли въ Тифлисъ бывшіе у Высочайшаго Двора Грузинскіе послы съ постановленіями о семъ Царствѣ, которыя ими торжественно были поднесены Наслѣднику, Царевичу Давыду, при собраніи особъ Царской фамиліи, знатнѣйшихъ Князей, дворянъ и духовенства. Января 14-го, 1801 года, исключая трехъ Царевичей: Юлона, Вахтанга и Парнаоза, которые, не токмо сами по приглашенію въ Тифлисъ не пріѣхали, ниже Князя, ихъ сообщники.

Все торжество обнародованія Высочайшихъ постановленій въ Царствѣ семъ сдѣлано было безъ сихъ трехъ особъ. Послы должныствовали пребыть въ Тифлисъ не болѣе положеннаго имъ на то срока: по чену и постѣвши, послѣ сего обнародованія, обратнымъ ихъ отправленіемъ, съ благодарственной грамотой къ Его Императорскому Величеству отъ народа, который, съ чувствами искреннѣйшей благодарности, повергалъ жребій свой Скипетру Всероссійскому. Скопъ народа всякаго званія у Г.-М. Лазарева, для приложенія къ благодарственной грамотѣ именныхъ печатей.

былъ невѣроятный: трое сутокъ денно и ночью являлись у него Князья и дворяне, отсюда единственно для того прїѣзжавшіе.

По обнародованіи же постановленій, Г.-М. Лазаревъ отправилъ оныя къ тремъ Царевичамъ, чрезъ своего Адъютанта, въ копіи засвидѣтельствованной Царевичемъ Давыдомъ, послами и имъ, Г.-М. Лазаревымъ. Адъютантъ, нашедъ ихъ въ Мухрани, вручилъ имъ пакетъ. Они же весьма озлобились, прочитавъ бумаги, въ ономъ содержавшіяся, весьма тайно, не показавъ никому изъ Князей и дворянъ, въ единомысліи съ ними состоявшихъ, и на другой день отправилъ къ Г.-М. Лазареву его Адъютанта съ изъясненіемъ не удовольствія на то, что, не дождавшись ихъ, сдѣлано торжество и обнародованіе.

А по отправленіи отъ себя Адъютанта сего, собравъ войска свои, выступили, чрезъ рѣку Арагу, въ Кахетію.

Коль скоро о томъ дошли свѣдѣнія до Г.-М. Лазарева, то немедленно взяты были мѣры къ разрушенію ихъ предпріятій, раскомандированіемъ повсюду, куда потребно было, отрядовъ войскъ Россійскихъ, съ присоединеніемъ къ тому, который долженствовалъ поставлять преграду въ Кахетіи замысламъ Царевичей, вооруженія Грузинскаго, подъ предводительствомъ Царевича Ивана. Особенно же надобно было обратить вниманіе на то, чтобы, при внутреннемъ въ Грузіи волненіи, не пресѣклась коммуникація изъ Грузіи въ Россію чрезъ горы Кавказскія; но и сія опасность миновалась благоразумнымъ распоряженіемъ Г.-М. Лазарева, которое состояло въ дозволеніи, Князьямъ Еристовымъ данномъ, всупить во владѣніе Осетинскихъ селеній, у нихъ отнятыхъ при Царѣ Иракліи и отданныхъ Царевичамъ Юлону, Парнаозу и Миріану.

Самъ способомъ, съ присовокупленіемъ къ тому двухъ егерскихъ ротъ, долженствовавшихъ конвоировать пословъ на обратномъ ихъ изъ Тифлиса путешествіи въ Россію, обезпеченъ былъ сей край совершенно отъ замысловъ мятежниковъ.

А за нѣсколько дней предъ прїѣздомъ къ Царевичамъ Адъютанта Г.-М. Лазарева, имѣли они намѣреніе, по совѣту нѣкоего Князя Омара Амилахварова, завладѣть крѣпостью Гори; но нѣсколько часовъ прежде ихъ пришедшая туда рота ниспровергнула сей ихъ замыселъ; Царевичи же, видя таковую неудачу, ретировались въ Мухранъ и на пути до сего мѣста провѣдали, что другой Князь, Георгій Амилахваровъ, поѣхалъ въ Тифлисъ; для участвованія въ общенародномъ торжествѣ, то, за таковую его приверженность,

къ Россіянамъ, Ихъ Свѣтлости разграбили его домъ, а женѣ его дѣлали всякія ругательства. Сверхъ того пронесся слухъ, когда Царевичи, отправивъ отъ себя Адъютанта, пустились въ походъ въ Кахетію, что яко бы Юлонъ слѣдуетъ въ Мцхетъ для коронованія тамъ себя; что имѣло нѣкоторое правдоподобіе; ибо во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ Тифлиса, въ церквахъ читались поминovenія о здравіи Царевича Юлона; о чемъ Г.-М. Лазаревъ принужденъ былъ сдѣлать примѣчаніе Католикосу, дабы духовенству то было запрещено, какъ противное Высочайшей волѣ. Но и въ семъ случаѣ предпріятіе Царевича Юлона ни малѣйшаго успѣха имѣть не могло, по тому что двѣ егерскія роты, въ Мцхетѣ находившіяся, для конвоирования пословъ, были всякую минуту готовы сдѣлать ему сильное отраженіе.

Царевичъ Вахтангъ между тѣмъ не дремалъ въ Душетѣ: курьеровъ, изъ Тифлиса въ Россію отправляемыхъ, продолжалъ удерживать, разламывая при томъ мосты чрезъ Терекъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о походѣ Царевичей въ Кахетію разнеслись слухи о прибытіи Царевича Александра изъ Шуми въ Шамшадиды и о его намѣреніи пробраться къ Казахскимъ Татарамъ, а также о собирающемся войскѣ, пораженного въ концѣ 1800 года, Омаръ-Хана Аварскаго.

Царевичи добрались уже до селенія Кахетинскаго; Маркоби, и съ ономъ расположили было совѣтъ о дальнѣйшемъ походѣ, какъ получили тутъ гонца отъ Царицы Даріи съ письмомъ, коимъ Ея Высочество ихъ увѣдомила о выступленіи отрядовъ Россійскаго войска изъ Тифлиса, для преслѣдованія ихъ, и при томъ совѣтовала имъ занять выгоднѣйшія мѣста въ Кизакѣ. Царевичи, Юлонъ и Вахтангъ въ ту же минуту, не окончивъ ужина, поскакали въ Кизикъ. Роты, въ селеніи Загареджи стоявшія, узнавъ о проходѣ ихъ въ Маркоби, выступили, для преслѣдованія за ними, столь удачно, что Царевичи успѣли только насильственно привести къ присягѣ въ вѣрности къ Царевичу Юлону двѣ небольшія деревни, какъ роты сіи ихъ настигли. Видѣвши, что ни что имъ не удастся, и что вездѣ по слѣдамъ ихъ ходятъ отряды войска Россійскаго, потеряли духъ. Парнаозъ ретировался въ Карталинію, отправивъ при томъ гонца къ Омаръ-Хану съ увѣдомленіемъ что требуемая помощь болѣе имъ уже не нужна, и чтобъ онъ о собраніи силъ своихъ попеченіе отложилъ до другого времени, а остался токмо одинъ Миріанъ, котораго Г.-М. Гуляковъ и Царевичъ

Иванъ хотя и увѣщавали возвратиться въ Тифлисъ, но онъ все колебался нерѣшимостью, а между тѣмъ, какъ находившійся при немъ Священникъ Царевича Вахтанга, довѣреннѣйшій въ ихъ тайнахъ, то Царевичъ Миріанъ, объявивъ свое согласіе возвратиться въ Тифлисъ, ускакалъ ночью въ Душетъ, для выполненія тамъ сдѣланной ему братьями порученности не пропускать никого ни изъ Россіи въ Грузію, ни изъ Грузіи въ Россію. Г.-М. Гуляковъ, потерявъ Царевича Миріана, преслѣдовалъ двухъ Царевичей, уѣхавшихъ въ Кизакъ, но и тамъ засталъ нѣсколькихъ токмо изъ слугъ ихъ. А Царевичъ Александръ между тѣмъ прибылъ, съ 500 Казахами, въ селеніе Магканы, на помощь братьямъ, но, не найдя уже ихъ, и распознавъ о всемъ, съ ними случившемся, послалъ къ Омаръ-Хану съ тѣмъ же отказомъ, чтобъ онъ войско до депеши не собиралъ. Казахи же, видя, что Царевичи, преслѣдуемые войсками Россійскими, обращаются въ бѣгство, отложились отъ Царевича Александра и спокойно разѣхались въ свои кочевья, а Царевичъ съ 20-ю человѣками служителей, послѣдовалъ за братьями своими въ Мухранъ.

Царевичъ Миріанъ, пріѣхавъ въ Душетъ, весьма удивился, что оный занятъ уже былъ отрядомъ войска Россійскаго. Пробывъ въ замкѣ Царевича Вахтанга три дня, выѣхалъ изъ онаго тайно въ Мухранъ же, къ своимъ братьямъ.

Хотя такимъ образомъ замыслы Царевичей и были разрушены, но, по поводу собранія войска Омаръ-Ханомъ на Алазани, надобно было въ Кизикъ оставить довольно сильный деташементъ. Въ сіе время получилъ Г.-М. Лазаревъ повелѣніе проектировать раздѣленіе Грузіи на провинціи. Царевичи Юлонъ, Вахтангъ, Миріанъ, Парнаозъ и Александръ, пробывъ нѣсколько времени въ Мухрани, послѣ неудачнаго похода ихъ въ Кахетію, рѣшились наконецъ разѣхаться. Вахтангъ и Миріанъ въ Душетъ, а Юлонъ и Александръ въ Белоту. На пути, сіи послѣдніе хотѣли разорить деревню Каралети, въ коей находились Князья Еристовы, но были встрѣчены оружіемъ жителей, какъ непріатели; по сему, потерявъ одного человѣка, не сдѣлавъ деревнѣ никакого вреда, пріѣхали спокойно въ Белоту, а оттуда написали къ Г.-М. Лазареву, что предметъ ихъ похода въ Кахетію былъ единственно тотъ, чтобъ съ нимъ, Г.-М. Лазаревымъ, видѣться въ селѣ Маркоби; но послѣдую они были преслѣдуемы Россійскаго войска отрядами, купно съ Грузинскими, то и рѣшились удалиться въ Кизакъ, изъ опасенія.

какихъ-либо съ ними неблаговидныхъ поступковъ отъ соединенныхъ тѣхъ отрядовъ.

Г.-М. Лазаревъ долженъ былъ имъ на сіе отвѣчать, что если бѣ имѣли они надобность съ нимъ видѣться и изъясниться, то стоило бы имъ токмо о томъ ему дать знать и назначить мѣсто, на которое онъ бы прибылъ, по ихъ приглашенію. Что свиданіе могло бы быть и безъ собранія вооруженной толпы въ такое еще время, когда Грузія ни съ которой стороны непріятелемъ угрожаема не была и пр.

Въ самое то время Царевичъ Иванъ доставилъ Г.-М. Лазареву одно Армянское письмо, въ коемъ было показано, что Царевичи отправили къ Баба-Хану посланца, который уже достигъ до Тавриса, съ просьбой о поданіи имъ помощи. Г.-М. Лазаревъ между тѣмъ получилъ письмо отъ Князей Карталинскихъ, коимъ они приглашали сего Генерала къ нимъ пріѣхать съ Царевичемъ Давыдомъ въ Гори, для принятія отъ нихъ подписокъ о ихъ желаніи быть въ подданствѣ Россійской Державы, объявляя при томъ, что они намѣрены были съ сими предметами сами пріѣхать въ Тифлисъ, но опасались, что въ отсутствіи ихъ Царевичи разорятъ ихъ имѣнія. Царица Дарія, провѣдавъ о намѣреніи Г.-М. Лазарева удовлетворить желаніе Князей Карталинскихъ, просила Г.-М. Гулякова его отъ поѣздки въ Гори отклонить. Г.-М. Лазаревъ счелъ за лучшее лично съ ней о томъ объясниться, и для того; пригласивъ съ собой Царевича Давыда, пошелъ онъ къ Ея Высочеству.

Она начала ихъ обоихъ увѣрять, что походъ Царевичей, ея сыновей, въ Кахетію ничего въ предметѣ другого не заключалъ, кромѣ свиданія ихъ съ Г.-М. Лазаревымъ, но что ихъ злодѣи о томъ растолковали въ худую сторону; что же касается до собраннаго ими вооруженія, то что она къ нимъ напишетъ, чтобъ они оное распустили; въ заключеніе же сего просила она Г.-М. Лазарева и Царевича Давыда не ѣздить въ Гори, по приглашенію Князей Карталинскихъ.

Г.-М. Лазаревъ Ея Высочеству отвѣчалъ, что онъ готовъ ея желаніе исполнить, если ей угодно будетъ, во взаимности того, съ своей стороны, удовлетворить его просьбу, состоящую въ томъ, чтобъ она изволила къ сыновьямъ своимъ написать слѣдующее:

1. Чтобъ они въ Карталиніи селеній не разоряли, къ присягѣ своевольно никого бы не приводили, и безчинствъ, званіямъ и достоинству ихъ неприличныхъ, не дѣлали.

2. Чтобъ Царевичи, ея сыновья, безъ повелѣнія Наслѣдника, Царевича Давыда, вооруженія никакого не собирали.

3. Чтобъ Царевичъ Юлонъ не присвоивалъ себѣ титула Наслѣдника.

4. Чтобъ Царевичи прибыли въ Тифлисъ.

Ея Высочество весьма рѣшительно на предвоженіе сіе Г.-М. Лазареву отвѣчала: что 1-е, 2-е и 3-е, есть ложь, имъ выдуманная, а къ послѣднему ихъ никто принудить не можетъ; что она поѣдетъ къ Высочайшему Двору, для принесенія на него жалобъ; а наконецъ, оставя съ нимъ свой разговоръ, обратилась съ ругательствами къ Царевичу Давыду, который, на нее прогнѣваясь, началъ ей отвѣчать по Русски, чрезъ переводчика, что онъ, будучи Россійскимъ Генералъ-Лейтенантомъ и въ Грузіи Управляющимъ, долженъ пещись о сохраненіи благоденствія, народу дарованнаго Его Императорскимъ Величествомъ, и о истребленіи всего, общую тишину и спокойствіе нарушающаго.

Послѣ сего приведенъ былъ къ Г.-М. Лазареву пойманный дворянинъ, бывшій съ Царевичами во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, который въ допросѣ показалъ, что Царевичи пробирались въ Кахетію, съ намѣреніемъ привести тамошнихъ жителей къ присягѣ въ вѣрности къ Царевичу Юлону, подобно какъ то уже они сдѣлали въ Карталинѣ. Царевичъ Давыдъ, въ то же время получилъ изъ Гори отъ Царевича Таймураза письмо, коимъ сей его уведомлялъ, что его дядя, Царевичъ Александръ, чрезъ письмо просилъ Омаръ-Хана Аварскаго вспомоцествовать ему войскомъ, для освобожденія его отечества отъ Россіянъ; а между тѣмъ разносились слухи о намѣреніи Царевичей Александра и Миріана ѣхать въ Россію.

Въ теченіи сихъ обстоятельствъ Царевичъ Вахтангъ, опасаясь Г.-М. Лазарева, что онъ будетъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ рапортовать Инспектору, написалъ къ послѣднему жалобу, что будто Казаки, ѣздившіе отъ Г.-М. Лазарева въ Россію курьерами, дѣлають разныя притѣсненія жителямъ Душетскимъ. Инспекторъ предписалъ Г.-М. Лазареву, по жалобамъ Царевича Вахтанга изслѣдовать; но Царевичъ ни на одного изъ проѣзжавшихъ курьеровъ ясныхъ доказательствъ представить не могъ, а, напротивъ, давно уже Его Свѣтлость изволилъ заниматься остановленіемъ въ Душетѣ курьеровъ, отобраніемъ и распечатываніемъ депешъ, у нихъ находящихся, въ каковомъ видѣ оныя однажды къ Г.-М.

Лазареву привезены были обратно; а въ другой разъ курьеръ принужденъ былъ изъ Душета ити болѣе 35 верстъ пѣшкомъ до мѣста, въ которомъ квартировала команда Казачья, по тому что Царевичъ запретилъ курьерамъ давать лошадей и за плату. По изслѣдованіи всего того, Г.-М. Лазаревъ донесъ въ подробности Инспектору; но его донесенія были сочтены нападками на Царевича Вахтанга.

Въ сіе время Хойской Ханъ, въ присланномъ къ Г.-М. Лазареву письмѣ, изъявилъ желаніе свое быть подъ покровительствомъ Высочайшаго Двора Россійскаго съ тѣмъ, что онъ не требуетъ ни жалованья, ни войска, для защиты своей, но единственно желаетъ имѣть счастье пользоваться титуломъ покровительствуемаго Россіей; о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Инспектору.

Въ то же самое время прибылъ въ Тифлисъ одинъ Лезгинецъ, бывшій всегда преданнымъ Царю Грузинскимъ, привезшій слѣдующее достовѣрное извѣстіе, что Аварскій Омаръ-Ханъ находится въ Белоканахъ и намѣревается весной паки сражаться съ войсками, въ Грузіи находящимися, но что, не надѣясь на собственную свою силу, просилъ подкрѣпленія у властвующаго въ Персіи Баба-Хана и у Ахалцихскаго Шерифъ-Паши. Что отъ обоихъ Омаръ-Ханъ получилъ удовлетворительныя увѣренія, а отъ Баба-Хана подарокъ, состоящій въ богатомъ ружьѣ.

Вскорѣ послѣ сего прибылъ въ Тифлисъ Армянскій Патріархъ Іосифъ, весьма много способствовавшій къ преклоненію народа своего къ повиновенію скиптру Всероссійскому. Царевичъ Юлонъ, Александръ и Парнаозъ, всевозможное испытавшіе къ нарушенію спокойствія народнаго и къ постановленію на Царство старшаго изъ своихъ братьевъ, но ни въ чемъ успѣховъ не имѣвшіе, вознамѣрились наконецъ удалиться въ Имеретію и отправили уже туда вьюки съ большей частію имущества своего.

Г.-М. Лазаревъ, получивши о томъ извѣстіе, и соображая сіе ихъ намѣреніе съ прежними ихъ поступками и свѣдѣніями, съ границы полученными, о намѣреніи Омаръ-Хана, заключилъ, что они имѣютъ какое ни будь новое предпріятіе, достигнувъ въ Имеретію, набрать тамъ войско и съ помощью Ахалцихскаго Шерифъ-Паши и Омаръ-Хана, тѣмъ сильнѣе учинить нападеніе на Грузію, и вознамѣрился было имъ воспрепятствовать къ побѣгу въ Имеретію, расположивъ воинскіе отряды на границѣ, такъ чтобъ

имъ пресѣчь путь; но Патріархъ Іосифъ отсодѣтовавъ Г.-М. Лазареву произведеніе въ дѣйство предположеннаго имъ плана, обѣщалъ обратить ихъ на истинный путь другимъ способомъ. Царевичи же между тѣмъ, не довольствуясь рѣшеніемъ, на ложную ихъ жалобу о курьерахъ, сдѣланнымъ, отправили къ Инспектору другую, наполненную также ложью, что будто войска Россійскія, въ преслѣдованіи ихъ въ Кахетіи, разграбили ихъ людей.

При сихъ обстоятельствахъ получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Инспектора письма ко всѣмъ Царевичамъ, заключавшія приглашеніе ихъ въ Россію, а къ Царевичу Александру приказано было Г.-М. Лазареву написать увѣренія о милосердіи Государя Императора, если онъ принесетъ раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, и что въ такомъ случаѣ онъ надѣяться можетъ не только на Всемилостивѣйшее прощеніе, но и на всякое отличіе и почести, его особѣ приличествующія.

Царевичамъ, въ Тифлисѣ находящимся, Г.-М. Лазаревъ вручилъ письма сіи, каждому лично, а отсутствующимъ отправилъ съ нарочнымъ. Въ то же самое время Г.-М. Лазаревъ получилъ нарочнаго отъ Царевича Юлона съ письмомъ, со вложеніемъ въ ономъ таковаго же отъ Инспектора къ сему Царевичу, содержащаго въ себѣ его совѣтъ, чтобъ о Царствѣ они не беспокоились, и что Царемъ никто избранъ не будетъ.

Курьеръ, отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичамъ отправленный, ихъ уже не нашелъ въ Белотѣ; ибо они всѣ трое, кромѣ Царевича Миріана, съ семействами своими и со свитой, до 300 душъ обо-его пола, удалились въ Имеретію.

Вскорѣ послѣ полученъ въ Тифлисѣ и Высочайшій Манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, который приличнымъ образомъ былъ повсюду обнародованъ. Народъ принялъ оный съ знаками благодарности, и съ мольбами о здравіи Его Императорскаго Величества.

Послѣ побѣга Царевичей въ Имеретію, Князья и дворяне, съ ними въ единомысліи бывшіе, стали мало по малу на путь истинный возвращаться. Г.-М. Лазаревъ, получивши обратно письма отъ курьера, не нашедшаго Царевичей, отправилъ оныя къ нимъ въ Имеретію; а между тѣмъ прилагалъ стараніе выпроводить изъ Грузіи, вознамѣрившихся ѣхать въ Россію, Царевичей Миріана, Ивана, Баграта и Михаила.

Главнѣйшее же обстоятельство, начальство воинское на то время занимавшее, касалось до принятія мѣръ къ охраненію со всѣхъ сторонъ границъ Грузіи, безопасность коихъ, однако же, не совсѣмъ была сомнительна въ разсужденіи неспокойствъ, существовавшихъ въ сосѣдственныхъ съ оной областяхъ.

Со стороны Ахалциха очевидной опасности не было, хотя и ожидаемъ былъ туда Омаръ-Ханъ, для содѣйствія съ силами Шерифъ-Паши къ освобожденію Грузіи отъ Россіянъ; но Шерифъ-Паша самъ еще не былъ безопасенъ въ похищенномъ достоинствѣ.

Карской паша былъ въ опасеніи отъ гнѣва Баталъ-Паши, за убіеніе во владѣніяхъ своихъ нѣкоего Мулы. Ханъ Ереванскій оказывалъ приверженность свою къ Россіи, какъ по тому, что сносилъ гоненія отъ Баба-Хана, такъ и по вліянію надъ нимъ Армянскаго Патріарха Іосифа, способствовавшего къ убѣжденію Хана на искательство себѣ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго.

Хойскій, Шамахинскій, Нухинскій, Ганжинскій Ханы и Егисуйскій Султанъ, искавшіе покровительства Россіи, опасны для Грузіи быть не могли.

Оставались неблагонамѣренными къ Россіи: Шушинскій Ибрагимъ-Ханъ и Аварскій Омаръ-Ханъ, защищавшіе Царевича Александра: безъ сильной помощи Церсіянъ, Дезгинъ и прочихъ сосѣдей, собственными силами своими не могли устроить малаго количества войска Россійскаго въ Грузіи.

Внутреннее же положеніе въ Грузіи было благополучное. Народъ уже не опасался мести Багратионовъ, будучи охраняемъ оружіемъ храбрыхъ Россіянъ, наслаждался спокойствіемъ и тишиною.

Одно тайное безпокойство питалось токмо въ умахъ, а именно: неизвѣстность будущаго ихъ существованія.

Царь Имеретинскій не весьма, однако же, былъ доволенъ посѣщеніемъ своихъ дядюшекъ со столь многочисленной свитой, долженствовавшей отяготить бѣдный его народъ; извѣстно при томъ было, что вспомоществованіе войсками Царь имъ дѣлать не хотѣлъ, или не могъ.

Помянутый уже выше сего Князь Омаръ Амилахваровъ, общникъ Царевичей, будучи зятемъ Царевича Юлона, пыталъ еще надежду, что сего Царевича можно будетъ возвести на Царство, но пребывалъ спокоенъ до объявленія Высочайшаго Манифеста

о при соединеніи Грузіи къ Имперіи Всероссійской, а послѣ того началъ было паки возмущать народъ, который, однако же, не могъ поколебаться; ибо надѣялся на защиту роты, въ Гори столвшейся. Царевичъ Давыдъ, проповѣдавшій о подвигахъ Князя Отара Амилахварова, сообщилъ о томъ Г.-М. Лазареву, который отрядилъ въ Гори Казачью команду для поимки его. Въ допросѣ, съ него взятомъ, сдѣлалъ онъ показанія о операціонномъ планѣ Царевичей въ ихъ походѣ въ Кахетію. Они писали къ Царевичу Александру, чтобъ онъ прибылъ къ нимъ на помощь съ вооруженными Казахскими Татарами и о томъ же просили Омаръ-Хана. Положено было у нихъ на мѣрѣ, что коль скоро Царевичъ Александръ къ нимъ бы прибылъ, то, оставивъ при себѣ сикурсъ, имъ приведенный, его самого отправить въ Шушу, для требованія и оттуда подкрѣпленія. По прибытіи сего послѣдняго располагались они, Юлонъ, Вахтангъ и Александръ, соединенными силами учинить нападеніе Тифлисъ, а Парнаозъ долженствовалъ съ Имеретинцами впасть въ Карталинію.

По окончаніи же удачномъ сего плана, то есть, по истребленіи Россіянъ, располагались всѣ вмѣстѣ слѣдовать въ Мцхетъ, для коронованія Юлона; но когда они узнали, что ихъ преслѣдуютъ повсюду Россіяне, то, не дождавшись Царевича Александра, двое изъ нихъ отправились въ Карталинію, написавъ при томъ и къ Парнаозу, чтобъ онъ поспѣшалъ къ нимъ въ Мухранъ; что Царевичи, услышавъ, что Князья Еристовы вошли въ ихъ владѣнія, писали къ Горцамъ, чтобъ они имъ дали помощь, на что Горцы было и покусились, но, бывъ встрѣчены Князьями Еристовыми и потерявъ нѣсколько человѣкъ, ретировались; Царевичи же, находясь въ отчаяніи и видя себя лишенными имуществъ, предприняли побѣгъ въ Имеретію.

4-го Марта отправились изъ Тифлиса въ Россію Царевичи Иванъ, Багратъ и Михаилъ.

Вахтангъ и Миріанъ объявили Г.-М. Лазареву подобное же желаніе, съ требованіемъ денегъ на путешествіе, о чемъ Г.-М. Лазаревъ представилъ Инспектору и по его предписанію имъ выдалъ по 150 червонцевъ каждому. Царевичъ Миріанъ отправился въ путь, но Вахтангъ перемѣнилъ мысль и, взявъ данные ему 150, остался въ своемъ Душетѣ.

Сіе время Ханъ-Ганжинскій счелъ удобнѣйшимъ къ завоеваніямъ, хотя и показывалъ онъ видъ искательства Высочай-

шаго покровительства Россіи, однако же началъ дѣлать набѣги на Шамшадилы и перевозить къ себѣ цѣлыми ватагами Татаръ. Г.-М. Лазаревъ дѣлалъ о томъ неоднократно представленія Инспектору, но ни какой резолюціи не получалъ, самъ же ни дѣйствовать оружіемъ, ниже входить съ Ханомъ въ переписку, не имѣлъ, по тому что сдѣлано ему о томъ было отъ Инспектора сапрещеніе.

Въ теченіи сего времени скончался въ Тифлисѣ Армянскій Патріархъ Іосифъ. Сему честному мужу отдають справедливость, что онъ, бывъ истинно приверженъ къ интересамъ Россіи, немало, въ краткое свое пребываніе въ Грузіи, способствовалъ къ приведенію на путь истинный заблуждавшихся. Князья Тархановы, до нынѣ усердствующіе Россіянамъ, поймали одного посланца отъ Царевича Александра, изъ Имеретіи къ Баба-Хану посланнаго и оттуда уже возвращавшагося и, отобравъ у него до 20 писемъ изъ Персіи къ Царевичамъ, въ Имеретіи живущимъ, представили сего человѣка Г.-М. Лазареву. Содержаніе сихъ писемъ заключало отказъ Баба-Хана вспомоцествовать имъ на сей годъ оружіемъ и обѣщаніе желаніе ихъ исполнить на будущій 1802 годъ. Посланный же отъ Г.-М. Лазарева въ Имеретію къ Царевичамъ Грузинскій Князь Мачабеловъ съ письмами, содержащими приглашеніе ихъ въ Россію, возвратившись оттуда, привезъ Г.-М. Лазареву письмо отъ Царевича Юлона, коимъ сей ему отвѣтствуетъ, что походъ въ Кахетію онъ предпринималъ по просьбѣ Князей Кахетинскихъ, объявившихъ ему желаніе послѣдовать примѣру Карталинцевъ, учинивши присягу на избраніе Царемъ его, Юлона, и просить Государя Императора о утвержденіи насѣдственнаго въ Царствѣ Грузинскомъ порядка, Царемъ Иракліемъ постановленнаго; что удаленіе его въ Имеретію было яко бы отъ страха, по тому что онъ повсюду былъ преслѣдуемъ отрядами Россійскаго войска, и что онъ всегда пребывалъ вѣрнымъ къ Его Императорскому Величеству.

Сіе (письмо) Царевича Юлона кажется весьма явно противорѣчить прежнимъ его Г.-М. Лазареву отвѣтамъ, наполненнымъ увѣреніями, что въ походъ своемъ въ Кахетію онъ имѣлъ цѣлю свиданіе въ Маркоби съ Г.-М. Лазаревымъ.

Князь же Мачабеловъ, письмо отъ Царевича Юлона привезшій, объявилъ, что Царевичи, въ Имеретію бѣжавшіе, ни малѣйшаго намѣренія быть въ Россіи не имѣють, что подтверждалось

письмомъ отъ Царя Имеретинскаго къ Царевичу Давыду, симъ же Княземъ Мачабеловымъ привезеннымъ, въ коемъ Царь его увѣрялъ, что онъ всѣ силы употреблялъ, чтобъ ихъ уговорить ѣхать въ Россію, но что они совѣтамъ его не внимаютъ.

Князь Мачабеловъ сообщилъ еще извѣстія, имъ въ Имеретіи прибрѣтенныя, что Царевичъ Александръ намѣревается ѣхать, но не извѣстно куда, къ Баба-Хану ли, или къ Омаръ-Хану, но что дожидается возвращенія челоѣка, имъ посланнаго къ Баба-Хану (который уже содержался подъ арестомъ въ Тифлисѣ, бывъ пойманъ Князьями Тархановыми). Царевичъ Давыдъ, носившій токмо званіе Правителя, отчаявшись, по обнародованіи Высочайшаго Манифеста о присоединеніи Грузіи къ Россіи, видѣтъ себя когда либо на Царствѣ, занялся новыми проектами: началъ преклонять лучшихъ Князей къ себѣ и ихъ уговаривать, чтобъ они обществомъ написали Государю Императору просьбу о утвержденіи Его на Царствѣ, вознамѣрившись тайно при томъ бѣжать въ горы, въ случаѣ томъ, когда бы его потребовали въ Россію. При всякомъ случаѣ отзывался съ неудовольствіемъ, что ничего того не выполнено, о чемъ просилъ покойный Царь, его родитель. Для достиженія же своей цѣли надъ слабыми разсудками соотечественниковъ своихъ, управляя Царствомъ, одарялъ онъ ихъ имѣніями, незаконно лишая тѣхъ, кто не хотѣлъ ему повиноваться и кто еще имѣлъ привязанность къ бѣжавшимъ въ Имеретію его дядямъ.

По силѣ же Высочайшаго Манифеста, Царевичъ Давыдъ лишился и титула Правителя, а управленіе Грузіи поручалось Г.-Л. Кноррингу, съ званіемъ Генераль-Губернатора.

Жительствующіе въ Тифлисѣ Армяне восхотѣли отъ себя отправить депутацію для принесенія благодареній Государю Императору, и просили на то дозволеніе у Г.-М. Лазарева, котораго о томъ Генералу-Губернатору хотя и представлялъ, но резолюціи не получилъ.

Въ Тифлисѣ между тѣмъ начало открываться моровое повѣтріе, происшедшее отъ начавшихся многихъ строеній и отъ разрытія развалинъ сего города, въ коихъ, по разоренію онаго Ага-Магометомъ-Ханомъ, сохранялось множество труповъ. Г.-М. Лазаревъ, въ отвращеніе опасности отъ повѣтрія произойти могущей, счелъ за нужное запретить въ городѣ производить строенія до тѣхъ поръ, доколѣ жары будутъ менѣе, а при томъ и отне-

стись къ Католикосу Царевичу Антонію, дабы онъ приказалъ духовенству отдавать отчетъ еженедѣльный о числѣ умершихъ въ городѣ, съ означеніемъ отъ продолжительной ли болѣзни, или скоропостижно.

Войско Россійское въ Грузіи увеличилось въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ прибытіемъ 2-хъ баталіоновъ Кавказскаго гренадерскаго полка и одного Казачьяго полка, а въ то же время получено въ Тифлисѣ извѣстіе о востшествіи на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора Александра I-го.

Народъ во всей Грузіи пришелъ отъ сего извѣстія въ колебаніе, вообразивъ, что Царство сіе получитъ первобытное образованіе, но успокоился, однако же, коль скоро помянутые баталіоны и Казаки пришли.

Бѣжавшіе же въ Имеретію Царевичи вздумали было употребить и сей случай въ пользу, начавъ распространять слухи о повелѣніи Россійскимъ войскамъ, въ Грузію посланнымъ, чтобъ они возвращались въ Россію, и просили у Царя Имеретинскаго войска для впаденія въ отечество свое; но пришествіе воинскихъ командъ въ разныя части Грузіи успокоило народъ и устрашало внутреннѣхъ мятежниковъ и Царевичей въ Имеретіи. Въ теченіе сихъ обстоятельствъ внутри Грузіи, внѣшнее оной положеніе было такъ же смутно: въ Белоканахъ скончался Аварскій Омаръ-Ханъ; племянникъ его, подражающій ему храбростію, собравъ до 4000 Дагестанскихъ хищниковъ, располагался ити къ Ахалциху для вспоможенія Сабудъ-Пашѣ, изгнанному Шерифъ-Пашей. Царевичи, въ Грузіи оставшіеся и въ Имеретіи укрывшіеся, вздумали волновать Горскихъ народѣвъ, которые дѣлали хищничества. Г.-М. Лазаревъ и о семъ сдѣлалъ представленіе Генералъ-Губернатору, но никакимъ повелѣніемъ на оное не удостоенъ.

Ганъ Ганжинскій, чиня набѣги на Шамшидилы, перегналъ въ свою область нѣсколько Татаръ. Генералъ-Губернаторъ причиталъ потерю сего въ оплошность командующему войсками въ Грузіи, Г.-М. Лазареву, и по видимому запятовалъ, что сей послѣдній неоднократно ему по сему предмету дѣлалъ донесенія, не получая никакой резолюціи. Изгнанный изъ Ахалцихи Сабудъ-Паша въ сіе время прислалъ къ Г.-М. Лазареву, чрезъ чиновника, Селимъ-Ага, изъявляя свою просьбу, чтобъ онъ взялъ осторожныя мѣры, дабы Лезгинцевъ не пропускать чрезъ Грузію, что совершенно согласовалось съ намѣреніемъ нашего воинскаго въ Гру-

зій Начальства; а въ то же время хищники сіи изъявили свое желаніе быть подъ Высочайшимъ покровительствомъ Россіи, о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Генералъ-Губернатору.

Селимъ-Ага, чиновникъ Сабудъ-Паши, имѣлъ еще отъ него просьбу къ Главнокомандующему о подаііи ему вспомошествованій войскомъ, для истребленія бунтующаго Шерифъ-Паши въ Ахалцихѣ. Какъ въ началѣ Мая мѣсяца получено уже было въ Тифлисъ офиціальное извѣстіе о намѣреніи Главнокомандующаго прибыть въ Грузію, то Г.-М. Лазаревъ и оставилъ сего чиновника прибытія его ожидать въ Тифлисъ.

Г.-М. Лазаревъ разослалъ повсюду обвѣщенія о путешествіи Главнокомандующаго въ Грузію, съ приглашеніемъ Дворянства и духовенства прибыть въ столицу для встрѣчи Генералъ-Губернатора, который въ Тифлисъ вѣхалъ Мая 22-го, 1801 года. Главнокомандующій извѣстенъ уже былъ о дѣяніяхъ Царевича Давыда, но, по прибытіи его въ Тифлисъ, нѣкоторые изъ Князей, по видимому, хотя ему подслужиться, донесли ему о томъ подтвердительно. Главнокомандующій, по видимому, хотѣлъ испытать симъ случаемъ вѣроломство и трусость умовъ Грузинскихъ. Выслушавъ ихъ, спросилъ, будутъ ли они въ состояніи сказать то же самое лицу, о которомъ доносятъ? Единогласное «Діахъ-Каръ,» хотя бы и могло Главнокомандующаго заставить имѣть вѣру къ ихъ показаніямъ, однако же онъ поручилъ Г.-М. Лазареву ити съ ними къ Царевичу, чтобъ быть того свидѣтелемъ. Въ слѣдующее утро, когда Г.-М. Лазаревъ собирався съ ними ити, то они стали отказываться отъ даннаго ими слова, говоря, что, по ихъ обыкновенію, подобныхъ истинъ бывшему ихъ Властителю говорить некстати.

Главнокомандующій, подѣзжая къ столицѣ, былъ встрѣченъ всѣми степенями Грузинъ и Армянъ, исключая Агаларовъ Татаръ Бамбацкихъ; въ то время еще, когда Г.-М. Лазаревъ рассылалъ циркуляры о пріѣздѣ Главнокомандующаго, съ приглашеніемъ всѣхъ званій для его встрѣчи, то намѣстникъ Моурава ихъ, Князь Арсланъ Орбеліановъ, Г.-М. Лазареву далъ на замѣчаніе о своемъ сомнѣніи, чтобъ Бамбацкіе Агалары тому повиновались, говоря, что они подучаемы Ханомъ Ереванскимъ на переселеніе въ его области. Г.-М. Лазаревъ, будучи извѣстенъ однако же, что Агалары Бамбацкіе сего Князя Орбеліанова не терпятъ и Моуравомъ у себя имѣть не желаютъ, полагалъ, что Князь

сей желать доносомъ своимъ на нихъ имъ отомстить. Въ бытность же Главнокомандующаго въ Тифлисѣ Князь Арсланъ повторилъ Г.-М. Лазареву свое донесеніе о неповиновеніи Агаларовъ, съ присовокупленіемъ, что войска Хана Ереванскаго приближаются къ области Бамбацкой. Главнокомандующій, получивъ о томъ донесеніе Г.-М. Лазарева, приказалъ ему написать къ Хану Ереванскому и его спросить о предметѣ движеній войска его къ границамъ Грузіи.

За симъ же изгнанный изъ Ахалциха Сабудъ-Паша просилъ чрезъ письмо Главнокомандующаго, чтобъ удержалъ Хана Ереванскаго и Татаръ, въ Грузіи обитающихъ, отъ намѣренія въспомоществовать похитителю его достоинства, Шерифъ-Пашѣ.

Пребываніе Главнокомандующаго въ Грузіи было весьма кратковременно, по той причинѣ, что онъ поспѣшалъ въ С.-Петербургъ по повелѣнію, на то имъ полученному.

Къ обозрѣнію сей области, къ Имперіи присоединенной, онъ времени ни сколько не имѣлъ, проживъ все то время въ Тифлисѣ. Поелику же безпрестанно до него доходили ропоты на правленіе Царя Давыда, то Главнокомандующій рѣшился Царевичу отъ управленія отказать и постановить временное Правительство, состоящее изъ 4-хъ Князей Грузинскихъ, надъ коими предсѣдательство имѣлъ Г.-М. Лазаревъ.

Къ преподаванію же правилъ, по коимъ поступать долженствовало временное сіе Правительство, принято за основаніе Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобъ все оставалось впредъ до учрежденія въ Царѣ Грузинскомъ образа Правленія въ томъ положеніи, какъ было при послѣднемъ часѣ до кончины Царя Георгія.

Постановивъ сіе Правленіе данными инструкціями Г.-М. Лазареву, Главнокомандующій отправился изъ Тифлиса въ Россію.

До прибытія еще Главнокомандующаго въ Грузію вдовствующая Царица Имеретинская, Анна (коей супругъ, Царь Давыдъ лишился Имеретинскаго Царства происками Царицы Даріи, супруги покойнаго Царя Грузинскаго, Ираклія, восхотѣвшей воззвать на оное своего внука, нынѣшняго Царя Саломона, и коей сынъ, Царевичъ Константинъ, содержится въ крѣпости Мухури), писала Г.-М. Лазареву и просила вспомоствованій для предохраненія ея отъ поданныхъ Царя Имеретинскаго, покушавшихся, по его повелѣнію, на ея жизнь и на лишеніе ея

деревень Хепишъ-Хсобской области, жалованной ей покойнымъ Царемъ Иракліемъ, на границѣ Имеретинской лежащей.

Нѣкто Князь Пишея-Швили Абашидзе, подданный Царя Имеретинскаго, живущій въ деревняхъ своихъ въ Имеретіи, смежныхъ съ Хепишъ-Хсобью, по повелѣнію Царя, не токмо дѣлалъ набѣги на сію область, присвоая оную себѣ, но и неоднократно покушался Царицу убить.

Г.-М. Лазаревъ дѣлалъ о томъ представленіи Главнокомандующему, но оставался безъ резолюціи. Въ бытность же его въ Тифлисѣ докладывалъ ему о томъ же повторительно, но Главнокомандующій молчалъ. Г.-М. Лазаревъ считалъ, однако же, долгомъ своимъ дать предписаніе стоящему въ Сурамѣ Кавказскаго гренадерскаго полка съ ротой Капитану Бартеневу, чтобъ онъ наблюдалъ осторожность и дѣлалъ бы преграду на бѣгамъ Имеретинскаго Князя Абашидзе на область Хепишъ-Хсобскую, въ границѣ Грузіи лежащую. Вскорѣ по отбытіи Главнокомандующаго изъ Тифлиса въ Россію, дошли до Г.-М. Лазарева письмо отъ Царицы Анны и рапортъ Капитана Бартенева.

Первая писала, что она, бывъ въ домѣ своемъ атакована Княземъ Абашидзе и, потерявъ въ оборотѣ 2-хъ человекъ убитыми а 3-хъ ранеными, спаслась въ лѣсъ, съ 2-мя служительницами и съ Священникомъ, гдѣ, отдохнувъ, прибѣгла въ Сурамъ подъ защиту войскъ Россійскихъ и вскорѣ намѣрена бытъ въ Тифлисѣ.

Капитанъ же рапортовалъ, что посланная отъ него патрульная команда изъ 24-хъ человекъ гренадеръ при Офицерѣ, по дорогамъ, коими прокрадываются хищническія партіи Лезгинъ, нашла въ лѣсу на Царицу Анну, съ нѣсколькими, ее сопровождающими, въ жалостнѣйшемъ положеніи, спасавшуюся изъ дома своего, и что Ея Высочество съ нѣсколькими гренадерами препровождена, по желанію ея, въ Сурамъ.

Вскорѣ же по отбытіи Главнокомандующаго изъ Тифлиса получилъ Г.-М. Лазаревъ письмо съ чиновникомъ отъ Сабудъ-Паши, коимъ сей Паша извѣщалъ о своемъ прибытіи къ границамъ Грузіи, для свиданія съ Г.-М. Лазаревымъ, въ которомъ заключаться будутъ предметы важнѣйшіе, до интересовъ Государства относящіеся. Г.-М. Лазаревъ отправилъ сего чиновника обратно къ Пашѣ, написавъ къ нему, что онъ весьма удивленъ внезапнымъ прибытіемъ его въ границы Грузіи, не бывъ предварительно о томъ извѣщенъ; что хотя безъ соизволенія Главнокомандующаго

свиданіе съ нимъ имѣть онъ и не можетъ, но, будучи къ тому убѣжденъ важностью предметовъ, до интересовъ Государственныхъ относящихся, назначаетъ онъ для свиданія съ Пашей безъ отлагательности урочище Саганлу, въ 15 верстахъ отъ Тифлиса лежащее. Въ назначенный день съѣхался Г.-М. Лазаревъ въ упомянутомъ урочищѣ съ Сабудъ-Пашей, коего сообщенія состояли въ увѣреніяхъ его преданности къ Россіи, въ показаніи Г.-М. Лазареву фирмана Султанскаго, коимъ ему предписывалось собрать войско для изгнанія бунтующаго Шерифъ-Паши въ Ахалцихъ и его свергнувшаго, и чтобъ онъ, по истребленіи сего бунтовщика, прислалъ къ Султану его голову; что онъ, будучи не въ силахъ, съ малымъ числомъ преданныхъ ему Магометанъ, того исполнить, просить Г.-М. Лазарева, чтобъ онъ, до полученія отъ Главнокомандующаго повелѣнія о вспоможеніи войскомъ Россійскимъ, дозволилъ Грузинскимъ войскамъ съ нимъ соединиться для прогнанія изъ Ахалциха Шерифъ-Паши. Отвѣтъ Г.-М. Лазарева состоялъ въ томъ, что онъ, Паша, долженъ быть извѣстенъ отъ чиновника своего, Селимъ-Ага, объ отвѣтѣ Главнокомандующаго о невозможности ему вспоможеніи войсками Россійскими; что Грузинскихъ онъ, Г.-М. Лазаревъ, на то употребить равнымъ образомъ не имѣетъ власти безъ позволенія Главнокомандующаго, по что о всемъ не оставитъ ему донести, а его, Пашу, просить, оставя Грузію, ѣхать къ пріятелю своему, Карскому Пашѣ, ожидать его, Г. Лазарева, отвѣта, каковой въ состояніи онъ будетъ ему дать по полученіи отъ Главнокомандующаго разрѣшеній.

На другой день послѣ сего свиданія получилъ Г.-М. Лазаревъ извѣстіе о присланномъ отъ Хана Ереванскаго Есаулъ въ область Бамбацкую для требованія подати; что Агалары сихъ Татаръ, вмѣсто собранія податей, отправились сами къ Хану, для поднесенія подарковъ, и что нѣкоторые изъ нихъ, по повелѣнію Хана, посажены въ крѣпость.

Г.-М. Лазаревъ собирался уже объѣзжать границы Грузіи, а по тому оставилъ отношенія свои по сему предмету съ Ханомъ Ереванскимъ до тѣхъ поръ, когда самъ будетъ въ Бомбакахъ.

Въ то же время Царь Давыдъ сообщилъ Г.-М. Лазареву полученное имъ отъ родственника своего, владѣтельнаго Князя Дадіана, письмо съ просьбой о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества покровительствѣ и защитѣ отъ нападенія на его владѣнія Царя Имеретинскаго. Г.-М. Лазаревъ, будучи обремененъ въ

въ Тифлисѣ дѣлами всякаго рода, долженъ былъ на нѣсколько дней отложить путешествіе свое для обозрѣнія границъ; а изъ Бамбакъ безпрестанно доходили до него свѣдѣнія о насильствахъ, Татарамъ дѣлаемыхъ Ханомъ Ереванскимъ, то и счелъ онъ за лучшее отправить къ нимъ Князя Арслана Орбеліанова, намѣстника Моуравскаго, для успокоенія ихъ и для увѣренія, чтобы они полагались на защиту Россіянъ, Князь Орбеліановъ, по видимому, устрася того, что они его не терпятъ, приказанію Г.-М. Лазарева не повиновался, отвѣчавъ, что онъ безъ оружія ни въ чемъ не уснѣетъ.

Царевичъ Давыдъ, питая въ душѣ огорченіе на то, что онъ ни когда уже участія въ правленіи Грузіи не имѣетъ, началъ выдумывать себѣ упражненія. Занимала его иногда переписка съ Царемъ Иваномъ. Но, по видимому, Царевичъ Давыдъ опасался, чтобъ его письма какимъ ни будь образомъ не терялись въ Моздокѣ, то, для обезпеченія корреспонденціи своей, отправилъ онъ на жительство въ Моздокъ Грузинскаго Князя, Беглара Орбеліанова, котораго снабдилъ цифернымъ ключомъ.

Уже подъ рукою было извѣстно Г.-М. Лазареву о секретной сей перепискѣ, но надобно было что ни будь изловить, что и дѣйствительно удалось. Перехвачено было письмо, содержавшее въ себѣ слѣдующее цифирями:

«Четыре плута и одинъ дуракъ правятъ всей здѣшной землей; сей дуракъ, поймавъ 2-хъ Лезгинскихъ мальчиковъ изъ Чаръ, прогналъ ихъ сквозь строй; за то Лезгинцы поймали одного солдата, отрубили ему обѣ руки, отрѣзали носъ и такъ отпустили. Сіе Лазаревъ скрываетъ. Сверхъ же сего Русскіе обижаютъ, на базарѣ воруютъ, Князей бьютъ. Князя валяются по улицамъ. Учреждены какіе-то билеты: у кого билета нѣтъ, того къ себѣ не пускаютъ. Ивану напиши, что если будетъ у нихъ такъ до Сентября, и послѣ остановится Губернія, дѣла испортятся навсегда непремѣнно. Напиши чтобъ смѣнили отъ насъ собачьяго сына.»

Г Р У З І Я.

1802 годъ.

Годъ сей начался разглашеніемъ повсемѣстно, по тайному повелѣнію Главнокомандующаго, что войска Россійскія знатнымъ числомъ умножатся; предметъ разглашенія сего былъ тотъ, чтобъ оно достигло до Баба-Хана и устрасило Дагестанцевъ. Стоящій съ detachmentомъ Кавказскаго гренадерскаго полка Подполковникъ Симоновичъ въ Гори сообщилъ извѣстіе, что его переводчикъ, былъ посланъ къ Шерифъ-Пашѣ, и по возвращеніи своемъ отъ него донесъ, что онъ, находясь тамъ, слышалъ, что Царевичъ Александръ присылалъ къ Пашѣ двухъ Грузинскихъ канонеровъ для исправленія Пашинской артиллеріи; что у Паши собрано тысячъ 12 войска Турецкаго и Лезгинскаго, что Паша посылалъ къ Царевичу Александру 10 тысячъ денегъ на поимку Сабудъ-Паши; что Паша съ Царевичемъ Александромъ, а сей съ Ханомъ Ереванскимъ состоятъ въ непрерывной перепискѣ; что Ханъ Ереванскій, за сдѣланную обиду Грузинскимъ Княземъ Саломономъ Меликовымъ одному Шурагельскому Татарину, арестовалъ всѣхъ Грузинъ, для торгу въ Ереванѣ бывшихъ, и требовалъ съ ихъ каравана 1200 р. Г.-М. Лазаревъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, требовалъ отъ Хана освобожденія арестованныхъ, въ чемъ Ханъ и не противился. Осетинцы, живущіе по рѣкамъ Псы и Мяхвѣ, подданные Князей Грузинскихъ, вознамѣрились не повиноваться законной власти, бывъ къ тому подстрекаемы Грузинскими Царевичами, въ Имеретію удалившимися. Вскорѣ народъ сей, однако же усмирень былъ силою оружія.

Но вскорѣ послѣ сего усмиренія открылась тайная переписка Царицы Даріи и Царевичей, ея дѣтей и внуковъ, съ сыновьями ея, въ Имеретіи укрывающимися. Корреспонденція сія имѣла въ предметъ твердое намѣреніе удержать достоинство Царское въ фамиліи Багратионовъ, а Царемъ избрать того изъ Царевичей, коего достойнымъ въ санъ сей признаетъ Царица Дарія. Къ содѣйствію въ семъ намѣреніи приглашалось все Дворянство, которое, однако же, въ сіе время, чувствуя свое благополучіе въ новомъ образѣ правленія власти Россійской, осталось не поколебимо, исключая нѣкоторыхъ изъ Князей, которыхъ цѣль клонилась

болѣе къ грабежу въ смутное время, нежели къ ревностному содѣйствію замысламъ Багратіоновъ. Окрестные владѣльцы всѣ оказывали свою готовность Багратіонамъ вспомоществовать, исключая одного Карскаго Паши, который всегда являлъ виды сосѣда благонамѣреннаго къ Россіи.

Осетинцы, въ горахъ живущіе, по дорогѣ изъ Россіи въ Грузію, были подкуплены Багратіонами, съ тѣмъ, чтобы они препятствовали проходу войскъ изъ Россіи въ Грузію. Они имѣли намѣреніе просить Главнокомандующаго, чтобъ одного изъ Царевичей, въ Тифлисѣ находящихся, сдѣлать участникомъ въ управленіи Грузіей, дабы тѣмъ удобнѣе, мало по малу, производить въ дѣйство замыслы свои.

Царевичъ Вахтангъ, живучи въ Тифлисѣ, привлекалъ народъ къ участію въ замыслахъ Царицы Даріи, и по успѣхамъ, которые начали уже оглашаться, Царевичъ сей обратилъ на себя вниманіе и побудилъ командующаго Г.-М. Лазарева приниматься за осторожность, для предваренія опасныхъ слѣдствій. Подполковникъ Симоновичъ, при рапортѣ своемъ, представилъ Грузинское письмо, къ нѣкому Князю Георгію Амилахварову писанное, коего содержаніе было: что Имеретинскій Князь Палавандовъ проѣхалъ къ Царевичамъ въ Имеретію съ письмами изъ Тифлиса, коими подавалось имъ извѣстіе о повелѣніи Россійскимъ войскамъ посланномъ, слѣдовать изъ Грузіи, въ Россію; что Главнокомандующій и Правитель потребованы также обратно въ С.-Петербургъ, и что Россійскаго въ Грузіи правленія уже не будетъ. Слухи таковыя разглашались уже во всей Грузіи и народъ легко могъ что либо предпринять неблаговидное. Царевичъ Александръ, по полученіи изъ Тифлиса сихъ писемъ, отправилъ ко всѣмъ окрестнымъ владѣльцамъ письма о подкрѣпленіи ихъ намѣреній, а къ Баба-Хану посланца. Г.-М. Лазаревъ прилагалъ стараніе перехватить переписку Тифлиса съ Царевичами въ Имеретіи и съ сосѣдственными, но не было въ томъ возможности; ибо Грузинцы, которые бы то и выполнили, не имѣли смѣлости, отъ неизвѣстности, къ какой партіи переклониться, и отъ страха, чтобъ впредь не понести на себѣ какого либо мщенія.

Меликъ Дирчи Бебутовъ, исправлявшій при Царѣ и во временномъ Правленіи должность Полицейстера, доставилъ, однако же, къ Г.-М. Лазареву одно перехваченное письмо, въ коемъ упоминалось о приготовленіи войскъ Персидскихъ учинить впаденіе

въ Грузію. По поводу извѣстій, дошедшихъ до Г.-М. Лазарева о моровомъ повѣтріи, въ Имеретіи открывшемся, учредилъ онъ на границѣ Имеретинской карантинъ. Царевичъ Имеретинскій весьма на то вознегодовалъ, видѣвши, что карантинъ преграждаетъ ему способность сноситься съ Тифлисомъ, и чрезъ письмо просилъ Г.-М. Лазарева ѣдущихъ изъ Имеретіи въ Грузію на карантинахъ не удерживать и не осматривать, а Лазаревъ Его Высочеству весьма учтиво отвѣтствовалъ, что того сдѣлать самъ собою не можетъ безъ нарушенія законовъ, а между тѣмъ чрезъ лазутчиковъ получилъ свѣдѣнія Г.-М. Лазаревъ, что въ Кутансѣ были разговоры о способахъ, какими бы можно было вытѣснить Россіянъ изъ Грузіи, и положено, что не иначе, какъ впусценіемъ мороваго повѣтрія. Послѣ сего пойманъ былъ на границѣ одянь чиновникъ Царевича Александра съ письмами къ разнымъ особамъ, и въ томъ числѣ было письмо къ Царевичу Давыду, который, однако же, никогда переписки съ Царевичемъ Александромъ не имѣлъ.

Чиновнику сему было поручено отъ Царевича Александра объявить Царицѣ Даріи, чтобъ она не вдавалась въ обманъ Россіянамъ; Царевичу Давыду, чтобъ онъ не унывалъ и въ Грузіи старался работать. Сей же чиновникъ объявилъ, что Царевичъ Александръ часто пишетъ къ Шерифъ-Пашѣ Ахалцихскому который его уже извѣстилъ о готовности для него въ Персіи войска, и что Царевичъ Александръ намѣревается ѣхать въ Ереванъ; что Царевичи, въ Имеретіи живущіе, получаютъ отъ племянника ихъ, Царевича Давыда, весьма почтительныя письма, которыми онъ ихъ увѣряетъ о преданности содѣйствовать въ ихъ намѣреніяхъ, а въ послѣднихъ Царевичъ Давыдъ требуетъ у нихъ наставленія, какъ ему при обстоятельствахъ, въ отечествѣ ихъ существующихъ, поступать.

Посланный отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичу Имеретинскому съ письмомъ о невозможности уничтожить карантинъ, возвратясь изъ Кутанса, извѣстія о перепискѣ сей подтвердилъ и добавилъ еще слѣдующимъ: что Шерифъ-Паша требуетъ у Царя Имеретинскаго головы Сабудъ-Паши, прибѣгнувшаго, по потеряннѣ достоинства своего, и по изгнаніи изъ Ахалциха Шерифъ-Пашей подъ защиту къ Его Высочеству и другой чиновника Сабудъ-Паши, Селимъ-Аги, Химшія-Швили, обѣщая Царю за первую 60, а за вторую 40, кисъ денегъ; что Царевичъ Имеретинскій имѣетъ весьма злыя намѣренія противъ войска Россійскаго въ Грузіи, вспо-

моществуя, по возможности, Царевичу Юлону, Парнаозу и Александру, но что Имеретинскій Салтхуцесъ Князь Зурабъ Церетель, любящій Россіянъ, часто Царя удерживаетъ и изъ заблужденія выводитъ. Въ исходѣ Генваря мѣсяца прибылъ въ Грузію чиновникъ Сабудъ-Паши, Селимъ-Ага, Химшія-Швили, и донесъ Г.-М. Лазареву, что Сабудъ-Паша находится въ Имеретіи подъ присмотромъ въ крѣпости Кваре, и что проситъ Г.-М. Лазарева его оттуда освободить; что Сабудъ-Паша намѣревается ѣхать чрезъ Тифлисъ въ Карсъ, а оттуда въ Константинополь, для донесенія Портѣ о поступкахъ Шерифъ-Паши.

Г.-М. Лазаревъ могъ ему токмо отвѣчать, что донесетъ о томъ Главнокомандующему и будетъ ожидать повелѣній. Потомъ, получивъ извѣстія отъ Г.-М. Гулякова изъ Кахетіи, что посланный отъ Царевича Александра чиновникъ къ владѣльцамъ Азіятскимъ, доѣхавъ до границы, сдалъ тамъ письма Князю Бебурову, для рассылки ихъ по назначенію. Г.-М. Лазаревъ, почитая всегда Князя Бебулова усерднѣйшимъ, однако же послалъ за нимъ, но онъ, пріѣхавъ, подъ присягой отъ того отнерся.

Капитанъ Сизаревъ, посланный отъ Г.-М. Лазарева къ Царевичу Имеретинскому, по возвращеніи своемъ изъ Кутаиса, привезъ слѣдующія извѣстія: что въ Кутаисѣ носится слухъ о движеніи 20,000 Турецкаго корпуса къ Ахалциху, что, однако же, въ послѣдствіи оказалось ложнымъ. Хаизъ Ереванскій увѣдомилъ Г.-М. Лазарева, что отъ Царевича Александра проѣхалъ къ Баба-Хану человекъ съ письмами и съ общими подписями Царицы Даріи, Царевичей Вахтанга, Юлона, Парнаоза, Александра и Давыда, коими они просили его покровительства и вспомошествованія войсками. Въ то же самое время пріѣхалъ въ Тифлисъ изъ Имеретіи Священникъ Царевича Юлона, подъ видомъ свиданія съ родственниками, но, вмѣсто того, онъ имѣлъ секретныя препорученія отъ Царевичей къ участвующимъ изъ дворянъ Грузинскихъ въ ихъ предпріятіяхъ; а чтобы лучше маскировать предметъ прибытія сего Попа въ Тифлисъ, Царевичъ Юлонъ снабдилъ его письмомъ къ Г.-М. Лазареву, коимъ его увѣдомлялъ о намѣреніи Царевича Александра ѣхать въ Персію, отъ котораго онъ его хотя и старался отклонять, но что яко бы его совѣтамъ Царевичъ Александръ не послѣдуетъ, то что онъ счелъ долгомъ Г.-М. Лазарева о томъ извѣстить, дабы тѣмъ доказать, что онъ усердствуетъ Государю Императору.

Лазутчикъ, посыланный въ Ганжу, привезъ оттуда извѣстіе,

что изъ Карабаха къ Ганжинскому Хану прибылъ человѣкъ отъ Нухинскаго Хана съ письмами, коими Ганжинскому Хану доставлялись свѣдѣнія о прибывшемъ къ Баба-Хану посланецъ отъ Царевича Александра съ письмами того точно содержанія, какъ увѣдомлялъ Г.-М. Лазарева Ханъ Ереванскій; что Баба-Ханъ, согласно съ ихъ желаніемъ, приказалъ изготовить до 50 тыс. войска, изъ коихъ 40 тыс. имѣли назначеніе въ Грузію, а 10 тыс. на Ереванскую область, въ разсужденіи того, что Баба-Ханъ полагалъ малую вѣру въ Ханъ Ереванскомъ. Операционный же планъ движеніямъ сей арміи былъ тотъ, что, по занятіи Еревана, учинить впаденіе въ Бамбаки (граница Грузіи между Еревана и Карса), а по покореніи Татаръ, на семь пространствъ обитающихъ; отправить посланца къ Начальнику войскъ Россійскихъ съ требованіемъ выступленія съ оными изъ Грузіи; въ случаѣ же невыполненія имъ сего требованія, вести наступательную войну.

За симъ прибылъ посланный для развѣдыванія въ Тегеранъ, который донесъ, что вооруженіе Баба-Хана имѣетъ въ предметъ Хорасанскаго Хана.

Изъ Ахалциха доходили подтвердительные слухи о маршѣ 20 тыс. Турецкаго корпуса, съ прибавленіемъ извѣстій о безпокойствѣ Шерифъ-Паши, о собирающемся у него войскѣ и о укрѣпленіяхъ Ахалцихской крѣпости. Въ Тифлисѣ между тѣмъ разнесся слухъ, что Султанъ Турецкій пожаловалъ Царевичу Александру 250 тыс. пенсіи изъ Арзрумскихъ таможенныхъ доходовъ. Самухскіе Агалары, въ присланномъ Г.-М. Лазареву прошеніи, съ изъявленіемъ желанія быть подъ покровительствомъ Державы Россійской, просили защиты отъ притѣсненій, Ганжинскимъ Ханомъ имъ дѣлаемыхъ; о чемъ Г.-М. Лазаревъ сдѣлалъ представленіе Главнокомандующему. Ханъ Ереванскій, удостовѣрившись о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, хотѣлъ оказать свое въ томъ удовольствіе и желаніе быть во всегдашнихъ съ симъ краемъ сношеніяхъ, сбавилъ нѣкоторую часть пошлины, въ его область взимаемой съ кушцовъ Грузинскихъ, пріѣзжающихъ въ Ереванъ для покупокъ товаровъ, а потомъ прислалъ къ Г.-М. Лазареву чиновника съ увѣреніемъ, что онъ въ непремѣнномъ пребываетъ расположеніи быть достойнымъ покровительства Высочайшаго Двора Россійскаго, и съ просьбою о взаимной къ нему присылкѣ чиновника, въ присутствіи коего онъ желаетъ учинить въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству присягу, и съ обѣщаніемъ чинить Персіянамъ сильное отраженіе,

буде бы они вознамѣрились напасть на его владѣнія, или на границы Грузіи. Къ чему Ханъ уже и принималъ мѣры запасеніемъ всего, что могло поставить въ возможность Ереванскую крѣпость къ выдержанію долговременной осады.

Крѣпость Ереванская, сколько извѣстно, по положенію своему, Азіятскимъ войскамъ во всякое время противустоять можетъ, имѣя порядочное внутреннее вооруженіе.

Лазутчикъ, посланный на границу Турецкую, къ сторонѣ Ахалциха и въ Имеретію, привезъ извѣстіе, подтвердившее приближеніе 20 тыс. Турецкаго корпуса къ Ахалциху; также, что, по просьбѣ Шерифъ-Паши, прибѣгнувшій подъ защиту Царя Имеретинскаго, Сабудъ-Паша, по повелѣнію Царскому, лишенъ жизни съ 6-ю своими чиновниками; что всѣ ихъ готовы отправлены отъ Царя, съ чиновникомъ Царевича Александра Тавберомъ, къ Шерифъ-Пашѣ, за что сей Паша прислалъ къ Царю, въ знакъ признательности, 10 кистъ, а Царевичу Александру 5 кистъ, Царицѣ, супругѣ Царской, образъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, и разные подарки нѣсколькимъ изъ Князей Имеретинскихъ.

Въ сіе время получены были извѣстія изъ Имеретіи, что Царь весьма недоволенъ посланникомъ своимъ, Княземъ Джипаридзе, безуспѣшно съ Линіи возвратившимся.

Что Царь весьма былъ озабоченъ походомъ Россійскаго detachementa для усмиренія, полагая, что движеніе сіе токмо отводъ, а что главной цѣлю своей detachementъ сей имѣетъ Имеретію, для наблюденія чего Царь поставилъ по всей границѣ своей кордонъ.

Въ сіе время Царевичу Давыду вздумалось разстаться на короткое время съ своей политикой. Его Свѣтлость, по видимому, соскучился отъ бездѣйствія, и для того выдумалъ новое, не сказавши никому, и не спрося дозволенія у Временнаго Правительства, послалъ въ Сурамъ Есауловъ, ком, по древнему обычаю сего народа, начали забирать у жителей все, что можно было съ помощью Сурамскаго Моурава, Князя Абашидзева. Г.-М. Лазаревъ, для усмиренія ихъ наглостей, нашелся принужденнымъ, приказавъ арестовать, къ себѣ доставить. Но Князь Евгений Абашидзевъ, не воздержавъ отъ наглостей, собралъ толпу народа и съ оной приступилъ къ крѣпости Сурамской. Капитанъ, съ detachementомъ въ оной стоящій, послалъ къ нему Казаковъ съ совѣтомъ распустить народную толпу, но Абашидзе, пославъ Капи-

тану, грубый отвѣтъ, продолжалъ осаждать крѣпость, доколѣ не увидѣлъ на встрѣчу къ себѣ ѣдущую пушку.

Въ то же время Шамшадильскіе Агалары присылали отъ себя Г.-М. Лазареву вѣстника съ донесеніемъ, что сынъ Джаванъ-Хана Гапжинскаго отвлекъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ ихъ семей.

Посланный къ сторонѣ Ахалциха для развѣдываній, возвратившись, привезъ извѣстія, что отъ Баба-Хана прибылъ въ Имеретію къ Царевичамъ Грузинскимъ посланецъ, коему было поручено сказать Шерифъ-Пашѣ и Дагестанцамъ въ Ахалцихѣ, чтобъ они Царевичамъ вспомошествовали; что Шерифъ-Паша отвѣчалъ, что онъ явно вспоможенія оказывать не можетъ, но тайно всѣми мѣрами содѣйствовать имъ готовъ; что Царевичъ Александръ рѣшительно уже вознамѣрился путешествовать въ Персію; что Царь Имеретинскій возымѣлъ было намѣреніе лишить жизни, заключеннаго въ крѣпости Мухури, Царевича Константина; сіе послѣднее, однако же, не произведено въ дѣйствіе.

Внутреннія обстоятельства Грузіи до сего времени вообще не были подвержены никакому волненію, исключая тайныхъ намѣреній искателей Царства.

ПРИВѢТІЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ ТИФЛИСѢ. ОТКРЫТІЕ ПРАВЛЕНІЯ.

Апрѣля 9-го: прибыли въ Грузію Главнокомандующій, Правитель и прочіе чиновники, для размѣщенія по штату внутренняго въ Грузіи управленія.

Главнокомандующій имѣлъ съ собою крестъ Святой Нины. Сколько по званію своему, столько и по тому, что онъ имѣлъ при себѣ сей священный крестъ, былъ встрѣченъ народомъ Грузинскимъ и Армянами съ отличными почестями.

За городскими Тифлискими воротами встрѣтили Главнокомандующаго войска, а въ самыхъ воротахъ Грузинскій Католиксъ, Царевичъ Антоній, съ духовенствомъ, и съ церемоніей таковой сопровождался Главнокомандующій до Собора Сіонскаго, въ которомъ, съ приличнымъ священнослуженіемъ, водворенъ крестъ Святой Нины.

Главнокомандующій, отобѣдавъ съ Правителемъ у Г.-М. Лазарева, отправился, послѣ обѣда, въ новопостроенный для него домъ за городскими воротами, Цавкнаскіе именуемая, въ ко-

торомъ онъ былъ встрѣченъ купечествомъ и мѣщанствомъ, которое тутъ же ему подало множество разныхъ прошеній.

Главнокомандующій, принявъ отъ нихъ оныя, отдалъ Г.-М. Лазареву, съ приказаніемъ учинить онымъ разсмотрѣніе и удовлетвореніе и съ примѣчаніемъ, что до открытія новаго Правленія, временное долженъ существовать во всей силѣ.

Г.-М. Лазаревъ, весьма учтивымъ образомъ, представилъ Главнокомандующему на замѣчаніе:

Что онъ находитъ въ томъ великое затрудненіе, чтобъ временное Правительство могло существовать по прежнему до открытія новаго, представивъ тому причины: что одинъ изъ Диванбековъ, Князь Игнатій Тумановъ, по общимъ слухамъ о прибытіи въ границы Грузіи Г. Коваленскаго въ званіи Правителя, тайно скрылся изъ Правительства и уѣхалъ на встрѣчу къ Г. Коваленскому, и что, по поводу сего, онъ не надѣется, чтобъ прочіе Члены Правительства могли оказать довольно твердости и не стали бы искать протекціи у новаго Правителя, съ забвеніемъ при томъ обязанностей своихъ по служенію въ Правительствѣ. Главнокомандующій, однако же, сего не принявъ и подтвердивъ свое приказаніе, Г.-М. Лазареву уже данное, который, оному повинаясь, сталъ продолжать засѣданія свои въ Правительствѣ, но безъ всякаго дѣла; ибо просиживалъ въ ономъ часу до 12 одинъ, въ ожиданіи собранія членовъ онаго, Князей Грузинскихъ, которые, не помышляя болѣе о своихъ должностяхъ, убивали утро въ передней у Правителя.

Правитель же, ни мало не медля по прибытіи своемъ въ Тифлисъ, вступилъ въ дѣла, но ни чуть не въ тѣ, которыя бы касались до устроенія Правительства, постановленія онаго надлежащимъ образомъ; хотя онъ чудеса свои и прикрывалъ сей маской, но токмо въ такія, которыя приносили пользу и выгоду его личности.

Главнокомандующій, безпрестанно получая прошенія отъ гражданъ, препровождалъ оныя къ рѣшенію къ Г.-М. Лазареву, который, оныя принимая, не могъ никакого по нимъ дѣлать разбирательства, по тому что члены Правительства въ оное болѣе не являлись. А Правитель принялся за рѣшеніе дѣлъ въ своемъ кабинетѣ и за ходатайства у Главнокомандующаго освобожденія многимъ дворянамъ Грузинскимъ, по разнымъ буйственнымъ поступкамъ и подозрѣніямъ подъ арестомъ содержавшимся, начавъ

имъ оказывать особенное покровительство; а при томъ снискивать дружество фамиліи Царской, руководителствуясь яко бы политическимъ поведеніемъ.

На канунъ праздника Воскресенія Христова, весь народъ въ Грузіи обитающій, былъ приведенъ къ присягѣ.

Казанскаго мушкетерскаго полку Попъ Алексѣй, употребляемый у Главнокомандующаго за переводчика на Грузинскомъ языкѣ, преданный, или, лучше сказать, подкупленный фамиліей Царской, а именно: супругой и дѣтьми покойнаго Царя Ираклія, въ сей день основалъ первое начало своимъ пакостямъ.

По окончаніи церемоніи приведенія къ присягѣ народа въ Тифлисъ, сей Попъ началъ дѣлать внушенія, что самое для нихъ было то благопріятное время для ходатайства о избраніи Царя.

По открытіи Правительства въ Грузіи, Главнокомандующій вознамѣрился обозрѣть границы Грузіи относительно къ Еривану и Ганжѣ, и пригласилъ въ сіе путешествіе съ собой Г.-М. Лазарева. Между тѣмъ, когда занималось новое въ Грузіи начальство приведеніемъ къ присягѣ въ вѣрности всѣхъ народовъ, въ Грузіи обитающихъ, то Правитель настаивалъ у Главнокомандующаго, чтобъ Агаларовъ или старшинъ Казахскихъ Татаръ вызвать для приведенія къ присягѣ въ Тифлисъ; Алагары же, провъдавъ о намѣреніи Главнокомандующаго путешествовать на границѣ, предпочли его ожидать въ своихъ кочевьяхъ, и не прежде присягу учинить, какъ когда онъ ихъ посѣтитъ.

Правитель, обративъ таковое ихъ намѣреніе имъ въ преступленіе, употребилъ сей случай въ свою пользу, сдѣлать внушенія Главнокомандующему неблагопріятныя на счетъ Князя Гарсеана Чавчавадзева, сихъ Татаръ Моурава (по нѣкоторымъ прежнимъ на него злобамъ).

Главнокомандующій отправился изъ Тифлиса въ предназначенное путешествіе въ полномъ удостовѣреніи, что Казахскіе Алагары, по внушеніямъ Князя Гарсевана Чавчавадзева, будучи къ нему привержены, не хотятъ учинить присяги вовсе, а токмо дѣлаютъ хитрый отводъ ожиданіемъ его посѣщенія ихъ кочевья на границѣ.

Главнокомандующій до такой степени былъ предвараенъ въ худую сторону о Князѣ Чавчавадзевѣ, что не могъ скрыть него-

дованія къ нему своего и въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, чему да послужить доводомъ слѣдующее:

Достигнувъ до деревни Кумыбы, въ коей назначенъ былъ путешественникамъ обѣдъ, Главнокомандующій былъ прогнѣванъ недостаткомъ къ столу вина.

Г.-М. Лазаревъ, имѣвшій съ собой онаго въ запасъ, вызвался къ угощенію Главнокомандующаго, который у него спросилъ: «Откуда онъ имѣетъ?» Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ, что оно лучшее: ибо изъ винъ Князя Чавчавадзева.

Сего уже было достаточно, чтобъ Главнокомандующаго прогнѣвать. Его Превосходительство не могъ удержаться, чтобъ не обнаружить внушеній, на счетъ сего Князя ему сдѣланныхъ. Сказавъ, чтобъ ему не поминали о Князѣ Чавчавадзевѣ, что онъ и супруга его столько вредны, что его надобно на всегда оставить въ Россіи, а ее отправить изъ Грузіи въ кибиткѣ къ мужу.

Г.-М. Лазаревъ на сіе отвѣтствовалъ Главнокомандующему тѣмъ, что, по его мнѣнію, они оба заслуживаютъ противнаго и чего ни будь лучше; но Главнокомандующій, отозвавшись гнѣвно, что онъ все знаетъ, тѣмъ прервалъ сей разговоръ.

На другой день, когда Главнокомандующій достигъ до деревни Сарвани, явился къ нему князь Саломонъ Тархановъ, зять Сардаря, Князя Ивана Орбелиanova, съ письмомъ отъ Правителя, коимъ онъ рекомендовалъ Князя Тарханова, какъ весьма уважаемаго Казахскими Агалами, и того, который въ состояніи, быть можетъ, ихъ склонить къ учиненію присяги.

Главнокомандующій, согласуясь съ представленіемъ Правителя, отправилъ сего Князя къ Казахамъ, дабы вызвать Агаларовъ къ тому мѣсту, гдѣ Главнокомандующій въ тотъ день располагался обѣдать.

Главнокомандующій, отправившись изъ деревни Сарвани въ путь, въ той надеждѣ, что найдетъ Казахскихъ Агаларовъ въ назначенномъ мѣстѣ съ Княземъ Тархановымъ, объять былъ удивленіемъ, отъѣхавъ не болѣе 10 верстъ отъ показанной деревни, встрѣтивши Князя Тарханова, возвращающагося одного безъ Агаларовъ въ великомъ смущеніи.

На вопросъ, Г.-М. Лазаревымъ ему сдѣланный, что съ нимъ случилось, сей Князь отвѣчалъ, что Агалары ему отозвались

нехотѣніемъ и видѣть Главнокомандующаго, а о присягѣ и слышать не хотѣтъ. Сколь же велико было удивленіе Главнокомандующаго, когда онъ, приближаясь къ мѣсту для обѣда назначенному, былъ встрѣченъ собраніемъ Агаларовъ всѣхъ Татаръ: Казахскихъ, Борчалинскихъ, Бамбацкихъ и Шамшадильскихъ!

Главнокомандующій, окончивъ съ ними свиданіе, признавался, что онъ ихъ находитъ благоразумнѣйшими, нежели того ожидать могъ, бывъ весьма дурно о нихъ предваренъ.

Путешественники продолжали потомъ путь свой далѣе до рѣки Джелаль-Оглу, чрезъ которую, по быстротѣ оной, опасаясь Главнокомандующій въ бродъ переправляться, откомандировавъ одного Офицера для приведенія къ себѣ Бамбацкихъ Агаларовъ, которые, прибывъ съ нимъ на другой день, ни мало не затруднились учинить присягу по выслушаніи Манифеста.

Отсюда путешествіе продолжалось въ Борчалы, а по приведеніи безъ малѣйшаго затрудненія и тамошнихъ Агаларовъ къ присягѣ, слѣдовали обратно въ Казахи, коихъ старшинъ приказалъ Главнокомандующій Г.-М. Лазареву привести къ присягѣ.

Старшины, не отказываясь отъ того, объявили токмо, что они имѣютъ къ Главнокомандующему просьбу, которая имъ и была принята. По долгомъ съ ними разговорѣ наединѣ, Главнокомандующій ихъ отпустилъ и имъ приказалъ пріѣхать къ себѣ въ Тифлисъ. Къ пріѣзду Главнокомандующаго въ Тифлисъ все уже было изготовлено къ открытію новаго Правительства.

Послѣ открытія Правительства Казахскіе Агалары, памятуя приглашеніе Главнокомандующаго, явились къ нему въ Тифлисъ.

Предметы ихъ просьбы состояли въ слѣдующемъ:

1. Подтвержденіе ихъ правъ.
2. Оставленіе на всегда Моуравомъ Князя Гарсевана Чавчадзева при Казахскихъ и опредѣленіе его же къ Шамшадильскимъ Татарамъ въ томъ же званіи.
3. Чтобъ помощникъ Моуравскій Мирабовъ въ семъ званіи у нихъ не былъ.

Главнокомандующій на все то согласился и далъ имъ обѣщаніе сей просьбѣ ихъ удовлетворить; они требовали, однако же письменнаго отъ него обѣщанія; Главнокомандующій и отъ сего не отрекался, но токмо не выполнилъ.

По приведеніи въ дѣйство устроенія новаго Правительства Главнокомандующій изъ Тифлиса отправился въ Кахетію.

По приѣздѣ его въ Кизикъ, въ крѣпость Сигнахскую отправленъ былъ отъ Главнокомандующаго Грузинскій Князь Адамъ Бебуровъ къ Джарскимъ и Белоканскимъ Лезгинцамъ съ увѣщаніемъ, чтобъ они жили спокойно и набѣговъ на границы Грузіи не чинили; но народъ сей, къ увѣщаніямъ никогда не приобыкшій, отъ оныхъ начисто отказался.

Съ сими успѣхами отправились путешественники изъ Сигнахской крѣпости въ Телаву.

На пути, достигнувъ селенія Цинандали, получилъ Главнокомандующій извѣстіе, что Ганжинскій Ханъ перегналъ къ себѣ 500 семей изъ Шамшадильскаго округа, которое было причиной возвращенія путешественниковъ въ Тифлисъ, откуда отряженъ былъ Г.-М. Лазаревъ съ двумя батальонами своего полку, для преслѣдованія уведенныхъ семей.

На походѣ семъ получилъ Г.-М. Лазаревъ въ Бамбакахъ извѣстіе, что Царевичъ Александръ, поѣхавъ изъ Имеретіи въ Персію и достигнувъ Еривана, удержанъ тамъ Ханомъ, яко бы изъ преданности сего къ Россіянамъ, что, однако же, оказалось ложнымъ; что мать Баба-Хана Персидскаго яко бы запрещала сыну своему предпринимать что либо противъ войскъ Россійскихъ.

Прибытіе въ Шамшадилы Г.-М. Лазарева съ детаментомъ весьма обрадовало тамошняго Султана, въ уныніе впавшаго и уstraшеннаго успѣхами Хана Ганжинскаго.

Народу ни въ Шамшадилахъ, ни въ Казахахъ, Г.-М. Лазаревъ не нашелъ; ибо весь оный, по обыкновенію своему, отъ жаровъ перекочевалъ на лѣтнее пребываніе въ горы.

Расположившись лагеремъ на рѣчкѣ Тоузѣ, получили были симъ Генераломъ извѣстія о движеніи Шамахинскаго Мустафы-Хана съ войскомъ на Ганжу.

Шамшадильская область на разныхъ рѣкахъ, 33 деревни, большею частію Татарами населенныя, а нѣкоторыя Армянами.

Въ прежнія времена Шамшадилы повиновались владѣтелю, носившему званіе Султана; по смерти послѣдняго ихъ Султана, владѣли ими его племянники, за дары Царямъ Грузинскимъ подносимые; въ послѣдствіи же одинъ изъ нихъ, бывъ оскорбленъ послѣднимъ Царемъ Грузинскимъ, Георгіемъ, передался къ Ганжинскому Хану. Сей же исходатайствовалъ себѣ отъ Персидскаго Ага-Магмета-Хана фирманъ на утвержденіе за собой сей области, и съ тѣхъ поръ, считая оную себѣ подвластною, и имѣя при себѣ

передавагося Султана, дѣлаетъ на оную набѣги, въ коихъ предводительствуетъ всегда сей Султанъ. Такимъ образомъ перегналъ Ганжинскій Ханъ изъ Шамшадилъ въ свои владѣнія, мало по малу, 29 деревень и стремился уже на остальные 4, но поелику жители оныхъ уже откочевали въ горы на лѣтнее пребываніе, то Г.-М. Лазаревъ, не предвидя для нихъ никакой болѣе опасности, рапортовалъ о томъ Главнокомандующему, и получилъ отъ него повелѣніе слѣдовать обратно съ деташементомъ въ Тифлисъ.

Въ сіе же самое время Полковникъ 17 егерскаго полку, сдѣлавъ движеніе деташементомъ своимъ къ Карсу, для вспоможенія Пашѣ Карскому противъ нападенія на него Нахичеванскаго Калъ-Балы-Хана, и его совершенно разбилъ.

Между тѣмъ Главнокомандующій, собираясь къ отъѣзду изъ Грузіи на Линію, и приведши въ надлежащее теченіе вновь поставленное Правительство, занимался распредѣленіемъ дѣлъ заграничныхъ.

Здѣсь должно на нѣсколько прервать нить сихъ записокъ, дабы новаго Правителя показать въ блистательной сценѣ.

Какъ выше уже упомянуто о началѣ его упражненій, клонившихся къ доставленію личныхъ себѣ выгодъ расположеніемъ къ себѣ умовъ народа, оказаніемъ милосердія освобожденіемъ отъ стражи, содержавшихся подъ оной, и пріобрѣтеніемъ тѣснѣйшихъ связей дружества съ домомъ покойнаго Царя Ираклія, что, конечно, подать можетъ поводъ къ заключеніямъ, что онъ поведеніе свое расположилъ по стезямъ тонкой политики; но сіи его подвиги и прочія интриги ни чести ему не сдѣлали, ни пользы въ дѣлахъ не принесли.

Первый его политическій шагъ состоялъ въ томъ, чтобъ какъ можно заочно поссорить Главнокомандующаго съ Княземъ Гарсеваномъ Чавчавадзевымъ, къ которому онъ питаетъ ненависть съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ въ Грузіи въ качествѣ Министра, котораго онъ лишился вліяніемъ и настояніемъ о томъ Князя Чавчавадзева у Царя; то, чтобъ отыскать за то ему, и супругѣ его за то, что она не соглашалась на его предложеніе немалой суммы денегъ, въ то время, когда онъ получилъ уже свой отзывъ изъ Грузіи, ходатайствовать у Царя, чтобъ Его Высочество у Государя Императора просилъ оставленія его по прежнему Министромъ, новый Правитель счелъ за удобнѣйшее пылѣ къ тому время.

Внушагь Главнокомандующему, яко бы Князь Чавчавадзе, посылаетъ въ Кахетію возмутительныя письма чрезъ супругу свою.

Невѣроятно кажется, чтобъ быть то отъ Князя Чавчавадзе могло, по тому что въ теченіи времени, въ которое, до открытія нынѣшняго въ Грузіи Правительства, существовало въ разныхъ видахъ временное, съ 20 Августа 1800 г., по приѣздъ Главнокомандующаго въ Тифлисъ, Апрѣля 9-го, 1802, о подобныхъ письмахъ, его въ Кахетію никогда не было слышно, но, напротивъ, Командующій войсками въ Грузіи, Г.-М. Лазаревъ, во Временномъ Правительствѣ Предсѣдательствовавшій, отдастъ сему делу справедливость въ томъ, что оный наиболѣе всегда способствовалъ къ преклоненію умовъ къ повиновенію скиптру Россійскому, и по часту разрушалъ тайныя намѣренія неблагомыслящихъ, за благовременнымъ открытіемъ оныхъ и сообщеніемъ Г.-М. Лазареву.

Чтобъ подать видъ истинны и правдоподобія внушеніямъ своимъ, Правитель опредѣлилъ къ Казахскимъ Татарамъ помощникомъ при Приставѣ или Моуравѣ покровительствуемаго ими нѣкоего Мирабова, во всѣхъ отношеніяхъ человека недостойнаго, вооружаясь мнимой несклонностью сихъ Татаръ учинить въ вѣрности присягу, подкрѣпляя въ мысляхъ Главнокомандующаго свои внушенія доводами, что Татары сіи отрекаются отъ присяги по наущенію Князя Чавчавадзе, о коемъ они Главнокомандующаго просили, чтобъ его оставить при нихъ на всегда Моуравомъ. Казахскіе Татары дѣйствительно преданы Князю Чавчавадзе за его всегдашнее ими хорошее управленіе, и можно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ ихъ всегда удерживалъ, и нынѣ удерживать еще не перестаетъ, отъ намѣренія перекочевать въ Персію, особенно по открытіи въ Грузіи нынѣшняго Правительства, по штату котораго къ нимъ назначенъ помощникъ Моуравскій Мирабовъ, коего они не терпятъ.

Правитель въ сей интригѣ имѣлъ сильнаго вспомошествователя, бывшаго Грузинскаго Сардаря, Князя Ивана Орбеліанова. Сей домъ, знаменитѣйшій изъ Картаинскаго Дворянства, зная о ненависти Правителя къ Князю Чавчавадзе, восхотѣлъ употребить случай сей въ свою пользу, чтобъ имѣть Моуравство надъ Казахскими Татарами, въ которое званіе прочилъ Князь Орбеліановъ зятя своего, Князя Тарханова, котораго Правитель посылалъ въ слѣдъ за Главнокомандующимъ во время его путешествія для обозрѣнія границъ съ сильной рекомендаціей, что онъ, имѣя въ

нихъ довѣренность, можетъ ихъ склонить къ присягѣ; но выше сего уже изъяснено о успѣхѣ, каковой имѣло такое порученіе Князя Тарханова, отъ Главнокомандующаго сдѣланное.

Въ продолженіи всего того времени, въ которое Главнокомандующій пребываніе свое имѣлъ въ Тифлисѣ, для приведенія въ надлежащее теченіе дѣлъ по внутреннему управленію, дѣла заграничныя естественно состояли въ полномъ его управленіи; но, какъ оныя въ отсутствіи Главнокомандующаго изъ Грузіи должныствовали быть кѣмъ ни будь управляемы, то Правитель всѣ силы свои употреблялъ къ тому, чтобъ завѣдывать ему непосредственно всѣми дѣлами заграничными и по части политической, и однимъ изъ первыхъ почерковъ его тщеславія и честолюбія ознаменовался тѣмъ, что онъ токмо что съ Главнокомандующимъ въ Тифлисѣ прибылъ, то ко всѣмъ сосѣдственнымъ съ Грузіей владѣльцамъ отправилъ циркуляры, съ увѣдомленіемъ ихъ, что онъ въ Грузіи Правитель всѣхъ дѣлъ.

Главнокомандующій, однако же, не счелъ приличнымъ такое его желаніе удовлетворить, а при отъѣздѣ своемъ изъ Тифлиса поручилъ оныя по части политической, въ управленіе командующему въ его отсутствіи войсками въ Грузіи, Г-М. Лазареву, предоставивъ Правителю тѣ, которыя относились до взаимныхъ сношеній жителей Грузіи съ жителями сосѣдственныхъ областей, по дѣламъ торговымъ, или какимъ либо респективнымъ взысканіямъ по части земскаго управленія.

NB. Нынѣ дѣла политическія весьма въ дурномъ положеніи въ Грузіи и, по видимому, сосѣдственные владѣльцы, привыкшіе всегда почитать военныхъ Начальниковъ, и за достовѣрное извѣстно, что они неоднократно отъ Правителя получали подтвержденія, что онъ Правитель всѣхъ дѣлъ и что имъ обо всѣхъ предметахъ слѣдуетъ относиться къ нему, или найдутся въ заблужденіи, не зная точно, съ кѣмъ сноситься, или же, если всѣ такъ Правителемъ огорчены, какъ Ханъ Ериванскій, совсѣмъ отклониться вознамѣрились отъ Двора Россійскаго, какъ то можно заключить изъ подвиговъ Хана Ериванскаго, по его неповиновенію въ признаніи Патріарха Даніила и по изъясненіямъ его съ Титулярнымъ Совѣтникомъ Глищауровымъ, ей посланнымъ къ нему отъ Главнокомандующаго съ предложеніемъ о принятіи Высочайшей Его Императорскаго Величества грамоты о Патріархѣ Даніилѣ, Ганжинскаго,

давшего у себя убѣжище и знатное содержаніе Царевичу Александру, со вспомоцествованіями ему при томъ къ нарушенію спокойствія въ Грузіи; Царя Имеретинскаго, вооружившагося противъ Владѣтельнаго Князя Дадіана, для того единственно, чтобъ покореніемъ его своей власти отторгнуть его отъ Россіи, коей покровительства онъ ищетъ.

Неисполненіе Царемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества требованія объ освобожденіи Царевича Константина изъ заключенія, и содѣйствіе его съ искателями Царства Грузинскаго дарованіемъ убѣжища бѣжавшимъ изъ отечества и отъ повиновенія законной Его Императорскаго Величества власти уклонившимся Царевичамъ Грузинскимъ, Юлону и Парнаозу, суть подвиги, явно неблагонамѣренность сихъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ къ Россіи доказывающіе.

Главнѣйшія же интриги Правителя, облеченныя завѣсой непроницаемой тайны, какъ здѣсь нѣкоторымъ образомъ и немногимъ извѣстно, суть еще слѣдующія:

Изъ числа людей, вліяніе имѣвшихъ при существованіи Царства Грузинскаго, есть нѣкоторые, которые, оказывая усердіе къ власти Высочайшей, поставленной надъ Грузіей, нынѣ пребываютъ еще соучастниками въ интересахъ и замыслахъ искателей Царства, и симъ-то особамъ извѣстны всѣ интриги Правителя съ особами фамиліи Царской.

По ихъ сказаніямъ, Правитель, подъ предлогомъ оказанія должнаго уваженія и почтенія особамъ Царскаго поколѣнія подлежащаго, основалъ съ ними связи тѣсной дружбы съ тѣмъ, чтобы со временемъ удовлетворить ихъ замысламъ о избраніи паки Царя; что онъ яко бы Царицѣ Даріи далъ клятву о томъ стараться, но съ тѣмъ, чтобъ, за произведеніемъ удачно того въ дѣйство, ему было дано 100 тысячъ, и чтобъ тогда отъ той особы, которая избрана будетъ Царемъ, было употреблено къ Высочайшему Двору сильное ходатайство объ оставленіи его въ Грузіи Министромъ.

Нѣкоторое явное вѣроподобіе тайна сія имѣетъ то, что Правитель распродалъ большую часть мѣстъ въ экспедиціяхъ Верховнаго Правительства Грузинскимъ Князьямъ, родственникамъ Дому Царя Ираклія и единомышленнымъ съ особами онаго, претендующими на Царство, и даже весьма явно Правитель дѣлаетъ гоненія всѣмъ тѣмъ, которые особамъ симъ не привержены,

употребляя въ сей интригѣ съ успѣхомъ Попа Алексѣя, при Главнокомандующемъ за переводчика бывшаго, для вредныхъ внушеній Главнокомандующему въ пагубу тѣмъ, на коихъ Пратель имѣлъ злобу.

Если можно сіе назвать расколомъ, то онѣй началъ уже ознаменовываться въ бытность еще Главнокомандующаго въ Тифлисѣ, по открытіи Правленія; ибо примѣтнымъ образомъ начали составляться партіи отъ раздѣленія умовъ, и нѣкоторые, то видѣвши, отретировались за границы Грузіи, къ Царевичу Александру.

Попъ Алексѣй, подкупленный Царицей Даріей и Царевичемъ Вахтангомъ, употреблялъ разныя хитрости къ увѣренію Главнокомандующаго въ томъ, что Правителю для выгодъ своихъ нужно было, выдумывать разныя чудеса и анекдоты, на примѣръ, что однимъ вечеромъ Царевичъ Александръ яко бы къ нему прѣхалъ переодѣтый для развѣданія о мѣстѣ, гдѣ хранится Царская Корона.

А Царица Дарія подсылала, съ помощью сего Попа, къ Главнокомандующему съ предложеніемъ ему уступить большой брильянтъ изъ сокровищъ Шаха Надира, покойнымъ ея супругомъ похищенный и у нея хранящійся, ежели его Превосходительство у Государя Императора исходатайствуетъ возстановленіе Царства и возведеніе на оное сына ея, Царевича Юліона.

Царица сія располагала уже, по видимому, планъ для произведенія возмущенія, считая случай сей удобнѣйшимъ по тому, что предлогъ неудовольствія народнаго на Правительство, какъ кажется, ей подавалъ надежду въ успѣхахъ.

Она чрезъ Правителя ходатайствовала у Главнокомандующаго о позволеніи Дивану Царя Имеретинскаго, Князю Леонидзе, прибыть изъ Имеретіи въ Тифлисъ, для свиданія съ родственниками, и она же настаивала тайнымъ образомъ у Правителя, чтобъ начать сборъ махты (поборы съ купечества). Сей вымыселъ ея заключалъ величайшую хитрость въ томъ, чтобъ Правительство новое употребить на озлобленіе народа; ибо махта сія не собиралась съ купечества въ Тифлисѣ со времени разоренія столицы сей Персидскимъ Ага-Махметъ-Ханомъ, и Царь Ираклій, а потомъ и Царь Георгій, имѣли тѣмъ въ виду поправленіе состоянія разореннаго народа.

Леонидзе же, конфидентъ какъ ея, такъ и Царевичей, сыновей ея, въ Имеретіи укрывающихся, былъ ей нуженъ для

произведенія въ дѣйство революціи, ею же предположенной. Къ стыду нашему и къ сожалѣнію, должно, однако же, признаться, сколь великое ослабленіе интересъ и лихва сдѣлали въ Правителѣ, что онъ, хвалясь всегда познаніемъ народа Грузинскаго, не проникалъ того, что Царица Дарія сими способами его самого дѣлаетъ инструментомъ для удачнаго въ дѣйство приведенія своихъ замысловъ.

Съ одной стороны сіе мудрое управленіе Правителя, а съ другой по разнымъ мѣстамъ Грузіи Исправниковъ или вообще Земскихъ Начальствъ, въ должности вступившихъ, способствовали къ огорченію всего народа, весьма еще непросвѣщеннаго, со всѣхъ сторонъ при томъ получавшаго внушенія отъ единомышленниковъ съ Царицей Даріей противъ новаго Правительства и властвованія Россіянъ. Все сіе угрожало слѣдствіями неблагоприятными.

За нѣсколько дней еще до отъѣзда Главнокомандующаго заводились въ разныхъ мѣстахъ тайныя собранія Князей Грузинскихъ, отправлялись отъ оныхъ письма возмутительныя по всей Грузіи, слышны были разглашенія, что чрезъ мѣсяцъ Россіяне въ Грузіи должны быть искоренены.

Нѣкто Потреловъ былъ употребленъ къ распущенію подобныхъ слуховъ. Въ бытность Г.-М. Лазарева въ Бамбакахъ, на походѣ въ Шамшадилы, получилъ онъ увѣдомленіе отъ Хана Эриванскаго, что сей Потреловъ былъ къ нему присланъ отъ Царевича Давыда съ письмами, изъяснявшими Царевича сего просьбу о вспоможеніи ему силами для пораженія войскъ Россійскихъ въ Грузіи. Потреловъ былъ наконецъ приличенъ въ возмутительныхъ разглашеніяхъ и содержался подъ арестомъ по повелѣнію Главнокомандующаго.

Попъ Алексѣй не преставаъ увѣрять народъ, что благопріятнѣйшее для нихъ то было бы время, если восхотятъ выбрать себѣ Царя, говоря, «что онъ въ сновидѣніи получилъ увѣренія отъ Св. Георгія и Евстафія, что возстановленіе въ Грузіи Царства необходимо нужно.» Сей же Попъ въ послѣдствіи, по отъѣздѣ съ Главнокомандующимъ на Линію, велъ переписку съ нѣкимъ Глахой Джинадзевымъ, фаворитомъ Царевича Вахтанга.

Въ самый день отъѣзда Главнокомандующаго изъ Тифлиса на Линію, былъ онъ окруженъ купечествомъ сего города, кото-

рое его неотступно просило о уничтоженіи сбора съ нихъ махты, убѣждая его тѣмъ, что, по Высочайшему Манифесту блаженныя памяти Государя Императора Павла I-го о присоединеніи Грузіи къ Имперіи Россійской, всему народу обѣщана льгота на 10 лѣтъ.

Но, не получивъ отъ него удовлетворенія на сію просьбу и тѣмъ огорчась, купцы заперли всѣ лавки, и въ сей день какъ войска, такъ и жители, не могли доставать ничего и для пищи. Комендантъ употребилъ было принужденіе, чтобъ лавки были отперты, но купцы твердо въ своемъ устоявали, и лавки не прежде отперли, какъ когда Комендантъ согласился на то, чтобъ имъ дать обѣщаніе о увольненіи ихъ отъ взиманія махты.

Между тѣмъ до отъѣзда еще изъ Тифлиса Главнокомандующаго, войска въ столицѣ сей на непремѣнныхъ квартирахъ расположенныя, выступили уже въ лагерь.

Два баталіона 17-го егерскаго полка расположились съ Г.-М. Лазаревымъ на рѣчкѣ Алгеттѣ, верстахъ въ 40 отъ Тифлиса.

До выступленія еще въ лагерь Г.-М. Лазаревъ имѣлъ частую переписку съ Ахалцхскимъ Шерифъ-Пашей о томъ, чтобъ сей Паша не впускалъ въ свои владѣнія Дагестанскихъ хищниковъ, но онъ всегда отягтствовалъ увѣреніями, что ихъ никогда къ себѣ не принимаетъ, но что также и отразить ихъ не въ силахъ, когда они, въ преимущественныхъ противъ него силахъ, чрезъ его владѣнія проходятъ для хищничества на границахъ Грузіи, а по тому просилъ, чтобъ Начальникъ войскъ Россійскихъ отрядилъ часть оныхъ къ Ахалциху для ихъ отраженія соединенными силами, что по повелѣнію Главнокомандующаго и было исполнено откомандированіемъ съ Алгеттскаго лагеря 2-хъ егерскихъ ротъ съ нѣсколькими вооруженными Грузинами, который отрядъ, однако же, стоявъ на виду Ахалциха близъ мѣсяца, дѣйствія предназначеннаго не имѣлъ.

А Лезгинцы между тѣмъ чинили набѣги въ весьма близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, доѣзжая до самаго предмѣстія Авлабарскаго.

Записка о возмущеніи въ Грузіи въ Іюнѣ 1802 года.

Въ концѣ Іюня мѣсяца дошло до свѣдѣнія Командующаго въ Грузіи Г.-М. Лазарева, что дворянинъ Царевича Александра, Заалъ Нацухри-Швили и съ нимъ одинъ чиновникъ Хана Ереванскаго прибыли въ Имеретію съ письмами къ Царю Имеретинскому и къ Царевичу Юлону, и что Царь собираетъ войско свое, не извѣстно для какихъ точно предпріятій, а подъ предлогомъ вести оное противъ Владѣльца, Князя Дадіана; что въ Таврисѣ находился яко бы Сардаръ Баба-Хановъ для собранія Азербиджанскихъ войскъ, дабы съ оными, свергнувъ Нухинскаго Магометъ-Ассанъ-Хана, возвести на его мѣсто брата его, Селимъ-Хана, находящагося у Шушинскаго Ибрагимъ-Хана, при которомъ находился яко бы человекъ Царевича Александра съ фирманомъ Баба-Хана неизвѣстнаго содержанія, къ Царевичу Юлону отправленный; и наконецъ, что всѣ сіи окрестные Ханы имѣютъ въ предпріятіи сдѣлать впаденіе въ границы Грузіи, по поводу чего Баба-Ханъ и вознамѣрился Нухинскаго Магметъ-Ассанъ-Хана, ему всегда противность оказывавшаго, свергнуть, а на его мѣсто возвестъ помянутого Селимъ-Хана, къ предпріятіямъ его склоннаго.

Между тѣмъ какъ сіи заграничныя свѣдѣнія доходили до Г.-М. Лазарева, и какъ онъ былъ въ сіе время въ лагерь, то одинъ изъ преданнѣйшихъ къ Россіи Грузинъ, бывшій Сардаръ и Салтхуцель, Князь Иванъ Орбеліановъ, чрезъ Графа Пушкина просилъ Г.-М. Лазарева о наискорѣйшемъ прибытіи въ Тифлисъ, для донесенія ему о важнѣйшихъ предметахъ.

Г.-М. Лазаревъ немедленно то исполнилъ, а Сардаръ Князь Иванъ Орбеліановъ встрѣтилъ его тѣмъ, что и Грузія, и войска Россійскія, въ оной находящіяся, въ неизбежной опасности, если не будутъ взяты строжайшія мѣры къ утушенію заговора, въ дѣйство производимаго; что Царица Дарія, и Царевичи Вахтангъ и Давыдъ, совокупно съ отсутствующими изъ Тифлиса Царевичами, имѣютъ тайное соглашеніе возвести на Царство Царевича Юлона, стараясь при томъ привлечь къ содѣйствію весь народъ; что помянутая Царица таковое же сдѣлала предложеніе и ему, Князю Орбеліанову, какъ первѣйшему чиновнику въ Грузіи по прежнимъ его званіямъ, обѣщая ему, за его содѣйствіе въ ихъ предпріятіяхъ, возратить ему достоинства Сардарское и Салтхуцельское. Князь Орбеліановъ, съ видомъ соглашенія, требовалъ отъ

Царицы письменнаго увѣренія въ ея обѣщаніяхъ съ тѣмъ, чтобъ такое представить Г.-М. Лазареву, но Царица же ему и того не отказывала, но требовала отъ него присяги въ томъ, что онъ ей будетъ вспомоцествовать; но Сардаръ ей отозвался, что единожды присягнувъ въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству, оной нарушить не можетъ. Въ то же время Тифлискій Митрополитъ Швилесъ явился у Правителя Грузіи съ подобнымъ ему донесеніемъ, а потомъ о томъ же донесъ и Г.-М. Лазареву. Сей послѣдній безъ упущенія изъяснялся о сихъ обстоятельствахъ съ Правителемъ, который ему отвѣчалъ, что быть ничего не можетъ, и что, напротивъ, если въ самомъ дѣлѣ то произойдетъ, то ему надобно почестъ за благопріятнѣйшій случай къ полученію щедрыхъ награжденій отъ Его Императорскаго Величества за подвиги войскъ и гражданскихъ начальниковъ къ укрощенію неспокойствій. Возраженіе на сіе Г.-М. Лазарева было то, что сколь ни лестно заслуживать милости Императорскія, но что онъ не забываетъ обязанностей своихъ и въ томъ, что лучше заранѣе предпринимать мѣры осторожности, нежели, пропустивъ время, дѣйствовать оружіемъ, и войско тѣмъ изнурять, которое и безъ того весьма изнурено. По мѣрѣ подтвержденія извѣстія о намѣреніи содѣйственныхъ Хановъ учинить соединенными силами, подъ предводительствомъ Царевича Александра, нападеніе на Грузію, Г.-М. Лазаревъ за нужное счелъ отнестись къ Правителю Грузіи, чтобъ къ отрядамъ войскъ Россійскихъ, на границѣ расположеннымъ, присоединены были караулы Грузинскіе; а при томъ и новыя получены извѣстія, что 2,700 Лезгинъ, разными партіями, къ Ахалцихскому Шерифъ-Пашѣ пришедшіе, и въ его владѣніяхъ провіантомъ запасшіеся, хотятъ учинить нападеніе на границы, подъ предводительствомъ Царевича Парнаоза.

Царевичъ же Теймуразъ, находясь въ Сурамѣ, началъ дѣлать сборы и разныя угнетенія какъ тамошнимъ, такъ и окрестнымъ жителямъ; Священниковъ принуждалъ въ церквахъ поминать особъ Царскаго поклѣнія, запрещая имъ приносить моленія о здравіи Его Императорскаго Величества и Свѣтлѣйшей Императорской Фамиліи; съ Имеретією и Ахалцихомъ началъ переписку и заводилъ тайныя сходбища Сурамскихъ Князей и Дворянъ.

Въ самомъ Тифлисѣ ознаменовалось явное волненіе. Все дворянство Грузинское изъявляло явное неудовольствіе на нынѣшнее Правленіе. Въ Кахетіи не хотѣли повиноваться судамъ, и мно-

гіе Князья начали удаляться въ Еривань къ Царевичу Александру. Изъ Карталинѣи тѣ же получены извѣстія. Татары до-наѣбрились бѣжать. Царица Дарія, которая всегда на бѣдность свою ропщетъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправила къ Царевичу Александру, въ Еривань, новый кафтанъ и 1000 р., а при томъ писала къ нему, что теперь настоящее время вступить въ предѣлы Грузіи.

Царевичъ Вахтангъ, находившійся въ Душетѣ, у самого устья дороги чрезъ Кавказскія горы, возбужденіемъ противъ насъ Осетинцевъ пресѣкъ коммуникацію Россіи съ Грузіей, и съ самаго отъѣзда изъ Грузіи Главнокомандующаго никакихъ отъ него извѣстій въ Тифлисъ не получено; кромѣ того замѣченъ въ перепискѣ съ братьями своими, въ Имеретіи пребывающими, и съ прочими, а равнымъ образомъ и въ побужденіи народа къ волненію.

Царевичъ Давыдъ, подъ предлогомъ заведенія мѣднаго завода, собиралъ рабочихъ людей и о томъ далъ знать Д. Т. Совѣтнику Графу Пушкину, который нарочно старался сколько можно медлить отвѣтомъ своимъ къ нему; а при томъ Царевичъ собрался ѣхать въ Борчалы, гдѣ будто мѣдные рудники отысканы.

Изъ перехваченныхъ писемъ изъ Имеретіи отъ Царевича Парнаоза усмотрѣно, что онъ соотвѣщая своимъ общаетъ вскорѣ прибыть къ границамъ ихъ съ корпусомъ, изъ войскъ Имеретинскихъ и Мезидскихъ составленнымъ; а Царевичъ Александръ готовился тоже учинить изъ Персіи, и къ Казахскимъ Агаларамъ пущено отъ него было письмо, коимъ онъ ихъ уговаривалъ, чтобъ они, когда онъ съ войсками вступить въ Грузію, ничего не опасались, и что онъ то сдѣлаетъ не съ намѣреніемъ имъ нанести вредъ, но для изгнанія Россіянъ. Агалары же Казахскіе, по полученіи отъ него таковаго письма, отправили къ нему депутацію съ подарками и всѣ съ нетерпѣніемъ готовились къ содѣйствію съ нимъ, кромѣ одного старѣйшаго Папы-Ага.

Борчалинскіе Татары, удалившись въ горы, располагались послѣдовать Казахскимъ.

Изъза границы же подтверждались свѣдѣнія, что Персидскій корпусъ, подъ начальствомъ Пиръ-Кулы-Хана, прибылъ къ границамъ Ериванскимъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ требовать отъ Хана поселившихся въ его области выходцевъ Нахичеванскихъ, для обращенія на прежнюю ихъ землю и собранія съ нихъ контрибуціи, а между тѣмъ стараться возвестъ на Ханство Нахичеванское,

на мѣсто слѣпаго Калъ-Байы Хана, Аббасъ-Кулы-Хана, его брата. Въ случаѣ несогласія Ериванскаго Хана отпустить отъ себя Нахичеванскихъ переселенцевъ, Пиръ-Кулы-Ханъ Сардаръ намѣренъ былъ, въ замѣну того, взыскать съ него 80,000 р. и силою оружія; а буде бы Ханъ согласился на одно, или на другое, то тогда Пиръ-Кулы-Ханъ замѣревался, присоединивъ къ себѣ и Ериванское войско, слѣдовать въ Шушу, для дальнѣйшихъ предпріятій, выше изъясненныхъ, и на Грузію.

Ханъ Ериванскій, находившись въ столь критическомъ положеніи, прислалъ въ Тифлисъ посланца своего, Енваръ-Султана, съ изъясненіемъ желанія и просьбы о принятіи его въ покровительство и о вспоможеніи ему войскомъ Россійскимъ, обѣщая тѣмъ, которыя даны бы ему были для охраненія его владѣній, сверхъ его продовольствія ежегодно по 10,000 р., а посланецъ съ своей стороны довольствовался и числомъ 300 человекъ, съ коими надѣялся отразить Пиръ-Кулы-Хана и, во взаимство того, выдать Царевича Александра, отзываясь, что онъ имъ весьма дорого стоитъ. Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ Хану, что о его желаніи и просьбѣ донесетъ Главнокомандующему и съ симъ отвѣтомъ отправилъ обратно посланца.

Въ продолженіи сихъ смутныхъ обстоятельствъ появился въ Тифлисъ, въ первыхъ числахъ мѣсяца Іюля, пріѣхавшій изъ Имеретіи для свиданія съ родственниками, Диванъ Царя Имеретинскаго, Князь С. Леонидзе.

Какъ уже выше сего пояснено о ходатайствѣ Царицы Даріи чрезъ Правителя у Главнокомандующаго о дозволеніи сеѣ плуту пріѣхать подъ симъ предлогомъ въ Тифлисъ, и о причинахъ, для которыхъ онъ Ея Высочеству могъ быть нуженъ, то предметы, имъ изъ Имеретіи привезенные, явно доказали.

Онъ привезъ съ собою два фирмана, яко бы отъ Баба-Хана Царю Имеретинскому и Царевичу Юлону посланные; первымъ сей Владѣтель Персидскій Царю повелѣвалъ оказывать всевозможныя вспоможенія Царевичу Юлону, для возведенія на Царство, а вторымъ прокламировалъ Баба-Ханъ Юлона Царемъ Грузіи. Фирманы сіи вручены были Княземъ Леонидзе Правителю Грузіи въ томъ видѣ, что Царь и Царевичъ Юлонъ, будучи усердны и благонамѣренны къ Его Императорскому Величеству, не хотятъ фирмановъ сихъ употреблять съ свою пользу безъ утвержденія Государя Императора.

По смыслу сихъ фирмановъ и по стилю оныхъ, нельзя не узнать сочинителя оныхъ, самого Князя Леонидзе.

Но главнѣйшее препорученіе сего Леонидзева состояло въ томъ, чтобъ, по содержанію сихъ ложныхъ фирмановъ, сдѣлать революцію и внушить народу, чтобъ приступать къ выбору Царемъ Юлона; а для подкрѣпленія умовъ въ производствѣ того въ дѣйство, Князь Леонидзе имѣлъ при себѣ открытый фирманъ отъ Царя Имеритинскаго къ Тавадамъ, коимъ Царь ихъ убѣждалъ не отлагать предпринятаго ими намѣренія, обѣщавъ имъ вспомоствовать по силѣ фирмана, ему отъ Баба-Хана посланнаго. *

Правитель, почитающій измѣнника сего искреннимъ пріятелемъ, въ минуту его въ Тифлисъ пріѣзда, послалъ къ нему одного изъ своихъ подчиненныхъ съ поздравленіемъ благополучнаго достиженія до Тифлиса и съ извиненіемъ, что головная боль ему препятствуетъ самому лично явиться у Леонидзе.

Лезгинцы же и хищничества ихъ примѣтнымъ образомъ начали усиливаться, даже до того, что, не смотря на всѣ предосторожности кордоновъ къ недопущенію ихъ причинять вредъ на границахъ, покушались они дѣлать набѣги и на близъ лежащія къ Тифлису селенія, что побудило Командующаго въ Грузіи Г.-М. Лазарева, къ подозрѣнію о участіи въ томъ самихъ жителей Грузіи изъ числа неблагонамѣренныхъ, а особенно приверженныхъ къ Царской фамиліи, по поводу чего и были усугублены всѣ мѣры осторожности со стороны войскъ, а за жителями бдительнѣйшее замѣчаніе. Въ то же время рапорты кордонныхъ воинскихъ начальниковъ подтверждали, что Царевичъ Теймуразъ съ Княземъ Евгеніемъ Абашидзе близъ Сурама, на границѣ Имеритинской владѣнія свои имѣющіе, въ томъ имѣли участіе.

Въ самыхъ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ получилъ Г.-М. Лазаревъ секретное повелѣніе отъ Главнокомандующаго о подаваніи всѣхъ охранительныхъ вспомоствованій Государства Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Коллежскому Сов. Соколову, отправлявшемуся съ особыми порученіями Государи Императора съ Линіи въ Имеретію.

Г.-М. Лазаревъ изъяснялся съ Правителемъ о неистовствахъ Царевича Теймураза и Князя Евгенія Абашидзе, на границахъ дѣлаемыхъ, и ему предлагалъ ихъ оттуда вызвать въ Тифлисъ;

* Смотри Исторію Леонидзева.

но Правитель съ самого начала, по видимому, потерялъ духъ; ибо ни на одно изъ сношеній Г.-М. Лазарева ни отвѣта не давалъ, ниже исполненія не чинилъ. Ему было сообщено, что жители на границахъ дѣлаютъ сопредѣльнымъ обиды, то чтобъ Земскія власти имѣли въ томъ наблюденіе и отъ того ихъ удерживали, но, вмѣсто того, жители селеній, Мелику-Абову принадлежащихъ, покровительствуемому Правителемъ, не преставали отгонять скотъ у Татаръ Ахалцихскихъ, каковыя необузданности, конечно, всегда Шерифъ-Пашѣ подавали справедливую причину руководствовать Лезгинцамъ къ набѣгамъ на границы Грузіи. Такимъ же точно образомъ предано было молчанію Правителемъ отношеніе Г.-М. Лазарева о необходимости отдалить изъ Сурама Царевича Теймураза и Князя Абашидзе.

По чему Г.-М. Лазаревъ, сколь ни нужно было его присутствіе въ Тифлисъ, рѣшился ѣхать въ Сурамъ, подъ предлогомъ распоряженій для усиленія Сурамскаго поста, по предмету выше изъясненному о вспомоствованіяхъ въ Имеретію отправившемуся К. С. Соколову; куда и отправился, истребовавъ отъ Правителя предписаніе къ Горійскому Исправнику о поданіи себѣ всѣхъ вспомоствованій, каковыя нужны ему быть могутъ отъ начальства Земскаго.

13-го Іюля, Г.-М. Лазаревъ, пріѣхавъ въ Сурамъ, получилъ тамъ, какъ отъ Капитана Бартенева, съ ротой тамъ стоящаго, такъ и отъ самихъ жителей, личное того подтвержденіе на счетъ Князя Абашидзева; а при томъ и отъ Горійскаго Исправника жалобу, что Князь Абашидзе ослушался предъ Горійскимъ Нижнимъ Земскимъ Судомъ, по зову онаго для отвѣта по нѣкоторому дѣлу, до него касающемуся въ Гори; по чему Г.-М. Лазаревъ Князя Абашидзе, пригласивъ къ себѣ, спрашивалъ у него о причинахъ, его побудившихъ поступать противъ присяги, коей онъ обязанъ въ вѣрности Всемиловѣйшему Государю Императору, и по чему онъ не являлся къ Суду по требованію того?

Князь Абашидзе, отъ всего отпираясь, отвѣчалъ съ грубостью, что мы теперь всѣ сравнены съ мужиками. По чему Г.-М. Лазаревъ, не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ всего, ему о Князѣ Абашизде донесеннаго, приказалъ его и единомышленныхъ съ нимъ Князей Хадербекова, Чхеидзе-Абазадзева, Дворянина Вахташгова, и находившагося при Царевичѣ Теймуразѣ за Сек-

ретаря, дворянина Лорадзе, употребляемаго въ перепискѣ Царевича съ Имеретіей, арестовать.

Г.-М. Лазаревъ, оставивъ Князя Абашидзе подъ присмотромъ въ Гори, гдѣ ему надлежало явиться къ Суду, и тамъ же Царевича Теймураза, добровольно изъ Сурама туда переѣхавшаго, возвратился въ Тифлисъ, гдѣ, получивъ разныя извѣстія о внутреннихъ и вѣшнихъ обстоятельствахъ Грузіи, донесъ объ оныхъ Главнокомандующему 20-го Іюля, и сдѣлалъ нужныя распоряженія въ войскахъ, для предохраненія Грузіи отъ угрожающихъ ей опасностей. Не было возможности никакой курьеру изъ Тифлиса проѣхать на Линію обыкновенной дорогой, которая была заперта Горцами со стороны Грузіи, по старательству Царевича Вахтанга.

Преданные съ давнихъ временъ Россіи Князя Еристовы предложили Г.-М. Лазареву свои услуги, обѣщавъ другой дорогой, съ надежнымъ изъ людей своихъ депеши его на Линію отправить, что Г.-М. Лазаревъ и употребилъ въ пользу. Изъ послѣдствія видно будетъ, что курьеръ сей благополучно на Линію доѣхалъ и съ повелѣніями отъ Главнокомандующаго возвратился.

Они состояли въ слѣдующемъ: что назначенный къ предпріятіямъ противъ Россійскихъ войскъ, Сардаръ-Пиръ-Кулы-Ханъ находившійся съ 10-ю тыс. войскъ своихъ въ Нахичевани, отправился съ оными къ Шушѣ, какъ казалось, для исполненія повелѣній Баба-Хана, чтобъ Нухинскаго Магметъ-Асанъ-Хана, Россіянамъ приверженнаго, свергнуть, а на его мѣсто возвести Селимъ-Хана, въ Шушѣ пребывающаго; а потомъ, умноживъ силы свои, ити съ оными обратнымъ путемъ чрезъ Шушу въ Белоканъ и, присоединивъ къ себѣ Лезгинцевъ изъ Дагестана, тамъ въ большихъ партіяхъ находящихся, продолжать свой путь въ Кахетію, для произведенія въ дѣйство своихъ предпріятій изгнаніемъ войскъ Россійскихъ.

Къ Царевичу Александру и чиновникамъ, при немъ находящимся, между тѣмъ отправлено было письмо отъ Царицы Даріи, заключавшее просьбу ея, чтобъ они всѣми мѣрами старались выполнить предпріятое ими уже дѣло, увѣряя ихъ, что, по малочисленности и въ самомъ Тифлисѣ Россійскихъ войскъ, удобнѣйшее то было время ко впаденію съ толпой Пиръ-Кулы-Хана и Белоканскихъ Лезгинцевъ въ Кахетію, гдѣ найдетъ всѣхъ Князей и Дворянъ въ готовности ему вспомоществовать.

Что Царь Имеретинскій вмѣстѣ съ Царевичами Юлономъ и Парнаозомъ также состоитъ въ готовности къ содѣйствию съ Царевичемъ Александромъ; что Ахалхецскій Паша, по связи своей съ Царемъ Имеретинскимъ и помянутыми Царевичами, равнымъ образомъ къ нимъ присоединить до 3,000 Лезгинъ, и что Царь и Паша ожидаютъ токмо того, чтобъ Пиръ-Кули-Ханъ и Царевичъ Александръ переправились черезъ рѣку Алазань.

Съ сими неблагопріятными обстоятельствами увеличивались и внутреннія неспокойства отъ безпрестанныхъ въ разныхъ мѣстахъ набѣговъ Лезгинъ, приводимыхъ самими жителями, въ заговорѣ съ фамиліей Царской участвовавшими, какъ казалось съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ какъ можно болѣе развлечь наши войска.

Царская же фамилія, въ коей главнѣйшую роль играетъ Царица Дарія, всѣми мѣрами старалась народъ привести въ волненіе, убѣждая ихъ къ тому доказательствами, что онъ, въ исканіи подданства своего къ Россіи, самъ себя обманываетъ и, вмѣсто защиты отъ Правительства, сносить токмо притѣсненія.

Со стороны же Кавказа Царевичъ Вахтангъ, пребывая въ Душетѣ, подъ предлогомъ опасенія отъ Лезгинцевъ, которые никогда до его владѣнія не достигали, набиралъ войска и возмущалъ Осетинцевъ и Тагаурцевъ, въ горахъ живущихъ по дорогѣ изъ Грузіи къ Моздоку, для пресѣченія комунікаціи.

Царевичъ Давыдъ въ самое то время, подъ предлогомъ нездоровья и для лучшаго воздуха, уѣхалъ изъ Тифлиса къ Борчалинскимъ Татарамъ, для возбужденія сихъ къ содѣйствию въ общемъ заговорѣ.

Царица Дарія, главнѣйшая начальница всѣхъ предосудительныхъ замысловъ, безпрестанную имѣя переписку съ Царевичемъ Александромъ и съ Царевичами, въ Имеретіи находившимися, имѣя пребываніе свое въ предмѣстіи Тифлиса, Авлабаръ называемомъ, завела у себя тайныя сходбища единомышленниковъ и посредствомъ ихъ разсѣвала въ народѣ разные слухи и подавала надежду, что вскорѣ они будутъ избавлены отъ Русскихъ.

Мостъ, соединяющій Тифлисъ съ Авлабаромъ, былъ зажженъ по ея повелѣнію. Предосторожность сія со стороны возмутителей была одна изъ лучшихъ, и такова, что если бъ наше войско не спасло моста, то, безъ всякаго сомнѣнія, предпріятія ея были бы удачнѣйшія: ибо сокрушеніемъ моста сего прекратили бы они вовсе путь въ Кахетію для нашихъ войскъ, туда ити изъ

готовившихся; переправиться же черезъ Куру не было возможности за поволодіемъ и быстротой. Единственный бы тогда способъ оставался тотъ, чтобъ войскамъ ити по теченію Куры верстъ за 40 къ лѣсамъ, и тамъ бы развѣ строить мосты, что бы стоило не малой потери времени.

Изъ числа Князей и Дворянъ Тифлискихъ малѣйшая часть пребыла непоколебима въ вѣрности своей къ Россіи и оною предводительствуетъ усерднѣйшій бывшій Сардаръ, Князь Иванъ Орбеліановъ; но и они начинали колебаться и высматривали, на которой сторонѣ будетъ перевѣсъ.

Татары всѣ вообще пристали къ бунтовщикамъ и, при малѣйшемъ лучѣ надежды, готовы были первые оружіе обратить на Россіянъ.

Стеченіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ производило сильное вліяніе въ народѣ, испытанномъ уже въ легковѣріи и безразсудности, съ присовокупленіемъ къ тому всеобщаго ропота на нынѣшнее Правительство, на медленность въ рѣшеніи дѣлъ и на притѣсненія, повсюду гражданскими начальниками дѣлаемая, произвело въ ономъ не менѣе того и трепетъ отъ нападенія, которое готовились сдѣлать на ихъ отечество Царевичъ Александръ съ Пиръ-Кули-Ханомъ и съ Царевичами, въ Имеретіи живущими; произвело сильное волненіе въ самомъ Тифлисѣ; кромѣ того что подобное уже происходило въ Кахетіи и Казахѣ; разнесшіеся же слухи, посредствомъ неблагонамѣренныхъ, о отступленіи войскъ нашихъ въ Россію и о намѣреніи Царевича Вахтанга, съ помощью Горскихъ жителей, не пропустить чрезъ горы полковъ, для подкрѣпленія войскъ нашихъ въ Грузіи съ Линіи назначенныхъ, вовлекло весь народъ въ совершенное уныніе.

Г.-М. Лазаревъ, по начальству своему въ Грузіи, за отсутствіемъ Главнокомандующаго, недремлющимъ окомъ все внутреннее положеніе созерцая, съ своей стороны не упустилъ ничего къ принятію всѣхъ мѣръ, осторожностей, для возстановленія повсюду тишины и спокойствія.

Всѣмъ воинскимъ начальникамъ, въ разныхъ мѣстахъ Грузіи съ отрядами войскъ находящимся, послалъ предписанія, чтобъ они съ наблюденіемъ дѣйствъ непріятельскихъ, всячески старались успокоить жителей, обращая неблагонамѣренныхъ на путь истинный, противниковъ же, не покоряющихся и нарушающихъ

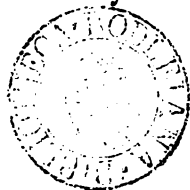
присягу, чтобъ за карауломъ присылали въ Тифлисъ. Для успокоенія же Тифлискихъ жителей и для приведенія непокорныхъ въ повиновеніе, ввелъ онъ въ сію столицу изъ лагеря баталіонъ егерей, и оный расположилъ въ предмѣстіи.

Въ мѣсто пребыванія Царевича Вахтанга, Душетъ, послалъ, при надежномъ Офицерѣ, отрядъ изъ 50 человекъ состоявшій, который при укрѣпленіи важнаго поста въ урочищѣ Гартискаръ долженствовалъ имѣть наблюденіе и на Карталинію и не допускать Царевича Вахтанга замыслы свои производить въ дѣйство.

За симъ равнымъ образомъ сдѣланы Г.-М. Лазаревымъ нужныя распоряженія для отраженія непріятеля въ случаѣ впаденія онаго въ Кахетію, какъ главнѣйшее сборное мѣсто всѣхъ мятежниковъ, того ожидавшихъ

Послѣ сего, Іюля 24-го, Г.-М. Лазаревъ получилъ рапортъ отъ находившагося въ Телавѣ Г.-М. Гулякова о томъ, что онъ, провѣдавъ о нѣкоторыхъ Князьяхъ, въ мятежѣ участвовавшихъ, ихъ арестовалъ, а именно: двухъ Князей Семена и Давыда Кобуловыхъ, Князя Іосифа Чавчавадзе и Протоіерея Елемперія, изъ коихъ первый разсылалъ возмутительныя письма по Кахетіи и бумагу къ подпискѣ о избраніи Царя, а послѣдніе съ нимъ въ сочиненіи того участвовали. На другой же день получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ него же рапортъ, что еще имъ арестованы единомышленники, а именно: Князя Тамоза Кобулова, сына Князя Семена, дворянина Алексѣева, сына Протоіерея Николая и Армянина Назара, открывшаго о перепискѣ Князя Семена Кобулова съ Царемъ Александромъ, и что живущіе въ селеніи Кварели Князя Григорій и Вата Чавчавадзе, не извѣстно куда бѣжали.

27-го донесъ онъ же Г.-М. Лазареву, что Князья Кахетинскіе покушались силой освободить изъ подъ ареста помянутыхъ Князей и дворянъ и склоняли народъ къ исполненію того, но что, по истолкованію его, Г.-М. Гулякова, народу о дурныхъ отъ того слѣдствіяхъ для нихъ самихъ, Князья еи въ томъ не успѣли, а что послѣ сего, раздѣлясь на партіи, съ своими крестьянами скрывались днемъ въ лѣсахъ, а ночью приходили въ селенія; а поелику Г.-М. Гуляковъ испрашивалъ повелѣнія, продолжать ли арестовать явно тѣхъ, которые въ заговорѣ окажутся, то Г.-М. Лазаревъ ему предписалъ, что арестъ произведенъ быть непременно долженъ, но что въ томъ слѣдуетъ ему поступать съ величайшей

осмотрительностію, дабы, подъ видомъ мятежниковъ, не были взяты невинные.

Вскорѣ послѣ сихъ рапортовъ явился къ Г.-М. Лазареву Князь Луарсабъ Орбелиановъ, бывшій въ собраніи Князей Кахетинскихъ, привезшій отъ нихъ письмо, содержаніе коего неоспоримо подтвердило явное возмущеніе Кахетинскихъ Князей. Въ то же самое время сообщено ему и отъ Правителя Грузіи отношеніе жителей Гурчанскаго селенія Капитанъ-Исправнику Сигнахскому о томъ же, что они Россіи повиноваться не хотятъ, а требуютъ Царя. Князь Луарсабъ Орбелиановъ, при подаіи того письма, донесъ Г.-М. Лазареву словесно, что мятежники писали къ Царевичу Вахтангу просьбу о непускѣ войскъ Россійскихъ въ Грузію, буде таковыя отряжены будутъ съ Линіи, о приказаніи сломать мосты на рѣкѣ Терекѣ по дорогѣ черезъ горы и, однимъ словомъ, чтобъ онъ всячески старался пресѣчь комунікацію нашихъ начальниковъ съ Россіей; что сіи же мятежники намѣревались писать къ Царевичу Александру для подаіи извѣстія, что они находятся въ ожиданіи его прибытія съ войсками.

Съ самаго уже отъѣзда изъ Тифлиса Главнокомандующаго на Линію, Начальства въ Грузіи не получали отъ него никакихъ повелѣній по той причинѣ, что, какъ уже часто упомянуто, Горцы, возбужденные Царевичемъ Вахтангомъ, не пропускали никого ни изъ Россіи въ Грузію, ни обратно; по чему Г.-М. Лазаревъ, соображая критическое положеніе внутри Грузіи съ опасностями, извнѣшную угрожавшими отъ непріятелей, со всѣхъ сторонъ стремившихся на истребленіе войскъ, ему вѣранныхъ, рѣшился составить совѣтъ для положенія мѣръ общими разсужденіями къ возстановленію внутренняго устройства, когда, между тѣмъ, съ его стороны сдѣланы уже были распоряженія къ отраженію непріятеля оружіемъ.

На совѣтъ сей приглашены были Кавказскаго гренадерскаго полку шефъ Г.-М. Тучковъ, Правитель Грузіи, Т. С. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, и нѣсколько изъ благонамѣренныхъ Князей: Орбелиановъ, Тархановъ и Макаевъ.

Разсужденія совѣта сего воспріяли только свое начало и рѣшенія никакого еще положено не было, какъ возвратился отъ Главнокомандующаго курьеръ съ повелѣніями о укрощеніи мятежа, на его о томъ донесенія первоначальныя отъ 20 Іюля, по чему и совѣтъ уже рушился. Въ то же время получилъ Г.-М. Лазаревъ

рапортъ отъ Полковника Солениуса, что, по извѣстіямъ, къ нему дошедшимъ, о сборищѣ Князей Кахетинскихъ, отправился онъ для разрушенія ихъ сходбища съ двумя мушкетерскими ротами, но что, когда онъ къ нимъ приближался, то они угрожали его застрѣлить, если не отступить, и что онъ (по видимому, отъ излишней храбрости) отступилъ; по чему, разославъ подтвердительныя повелѣнія какъ о мѣрахъ къ отраженію непріятеля, такъ и о удержаніи въ повиновеніи народа, рѣшился Г.-М. Лазаревъ, съ баталіономъ егерей, нѣсколькими Казаками и однимъ орудіемъ, самъ выступить въ Кахетію, какъ главнѣйшее мѣсто сборища мятежниковъ, такъ и то, на которое располагался сильнѣйшій ударъ отъ непріятелей, съ тѣмъ намѣреніемъ, что если не подѣйствуютъ убѣжденіе и ласки, то чтобъ усмирить коварныхъ силой орудія.

Усматривая же необходимость въ удержаніи спокойствія въ самомъ Тифлисѣ, въ предмѣстіи коего и корень всего мятежа, Царица Дарія, находилась, предписалъ Г.-М. Лазаревъ егерскому баталіону, въ лагерь на рѣкѣ Алгеттѣ расположенному, по выступленіи своемъ расположиться на квартирахъ въ предмѣстіи Авлабарскомъ, гдѣ дворецъ Царицы, а къ Ея Высочеству отрядить караулъ изъ 12-ти егерей съ однимъ Унтеръ-Офицеромъ для наблюденія, подъ предлогомъ ея охраненія отъ опасности, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ.

Столь же необходимо было вызвать Царевича Вахтанга изъ Душета. То, для исполненія того благовиднымъ образомъ, написано было къ нему письмо отъ Правителя, Г. Коваленскаго, въ тѣхъ выраженіяхъ, что, по обстоятельствамъ, его пребываніе въ Тифлисѣ необходимо; что прибытіемъ своимъ тула безъ отлагательства докажетъ онъ ревность и усердіе свое къ Государю Императору, которымъ онъ всегда предъ прочими отличался. Письмо сіе отправлено было съ Грузинскимъ Княземъ.... на коего можно было надѣяться, но какъ весьма мало надежды предвидѣлось, чтобъ Царевичъ Вахтангъ на приглашеніе склонился, то и былъ командированъ Г.-М. Тучковъ, съ немалымъ числомъ оружія, для приглашенія лично Его Свѣтлости, а при томъ, если бъ не было и въ томъ успѣха, то чтобъ тогда, подъ присмотромъ воинской команды, его въ Тифлисъ препроводить, а довѣреннѣйшаго его дворянина, Глаха Джибалзе, участвовавшаго съ Царевичемъ въ возмущеніи Горцевъ, съ нимъ же доставить арестованнаго.

Іюля 30-го, на канунъ же выступленія Г.-М. Лазарева въ пред-

положенный походъ, уже въ полночь пришелъ къ нему ефрейторъ секретнаго бекета отъ Авлабарскихъ воротъ съ рапортомъ о пріѣхавшей толпѣ изъ Кахетіи. Посланъ былъ Комендантъ для развѣданія о лицахъ, который скоро возвратился и съ'собою привелъ Митрополита Бодбельскаго, который объявилъ, что имѣетъ письма къ Г.-М. Лазареву и къ Правителю «отъ общества Князей Кахетинскихъ, недовольнаго Правительствомъ,» содержаніе коихъ было, что они избрали себѣ Царемъ Царевича Юлона, и собравъ отъ всѣхъ единомышленныхъ о томъ подписки, учинили, въ присутствіи сего же Митрополита, въ томъ присягу. Хотя Г.-М. Лазаревъ и представилъ ему о нецѣпости сего выбора и что поступокъ ихъ противенъ общему спокойствію, и что тѣмъ они нарушили присягу предъ престоломъ Божиимъ въ вѣрности Государю Императору, ими запечатлѣнную, но Митрополитъ съ твердостью то опровергалъ, говоря, что выборъ сдѣланъ съ намѣреніемъ просить утвержденія онаго Государемъ Императоромъ. Не входя въ дальнія съ Митрополитомъ симъ объясненія, Г.-М. Лазаревъ, оставивъ его въ своемъ домѣ, подъ приличнымъ присмотромъ, а находившагося при немъ Священника препоручилъ въ наблюденіе Тифлискому Коменданту, который, учинивъ ему формальный допросъ о всемъ происходившемъ въ Кахетіи, представилъ оный къ Г.-М. Лазареву, а сей Главнокомандующему, съ подробнѣйшимъ донесеніемъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ въ Грузіи обстоятельствъ.

На другой день Князь Орбеліановъ, Тархановъ и Макаевъ просили у Г.-М. Лазарева дозволенія видѣться съ симъ Митрополитомъ: Какъ онъ не заключалъ въ томъ никакого подозрѣнія въ разсужденіи того, что сіи три osoby наиболѣе ему вспомоществовали къ приведенію въ порядокъ разрушившагося и въ спокойствіе водновавшагося ихъ отечества, то онъ имъ въ томъ не воспрепятствовалъ.

Окончивъ съ нимъ свое свиданіе, они возвратились къ Г.-М. Лазареву и ему объявили о раскаяніи Митрополита въ проступкѣ, имъ сдѣланномъ, и желаніи его путешествовать съ Г.-М. Лазаревымъ въ Кахетію, чтобъ быть орудіемъ въ обращеніи на путь истинны съ онаго совратившихся. Съ общаго съ Правителемъ согласія Г.-М. Лазаревъ взялъ съ собой Бодбеля.

Внѣшнія же обстоятельства, между тѣмъ какъ въ Кахетіи про-

исходило выше писанное, нѣкоторымъ образомъ получили другой видъ.

Пиръ-Кули-Ханъ, по извѣстіямъ, о томъ полученнымъ, пошелъ отъ Шуши обратно и расположился съ войсками, имѣя при себѣ и сына Шушинскаго Хана, верстахъ въ 60-ти отъ Нахичевана, продолжая при томъ настоятельное требованіе отъ Хана Ериванскаго выше показанной суммы; Ханъ же, отчаявшись получить подкрѣпленіе своимъ силамъ войсками Россійскими изъ Грузіи, рѣшился сумму Пиръ-Кули-Хану выплатить, сдѣлавъ съ нимъ положеніе о взаимныхъ вспомоствованіяхъ Царевичу Александру, котораго Ханъ препроводилъ уже въ Ганжу для способствованія.

Царь Имеретинскій и Паша Ахалцихскій пребывали въ прежнихъ между собою соотношеніяхъ, а Царевичи Юломъ и Парнаозъ, оставя Кутансъ, жили въ Схери, верстъ за 40 отъ границы Грузинской, въ ожиданіи успѣшнаго совершенія предпріятій, въ Кахетіи ознаменовавшихся. Лезгинцы изъ Дагестана безпрестанно въ Белоканѣ умножались; о Царевичѣ же Александрѣ въ тотъ же день получено извѣстіе, что онъ, съ многочисленной партіей Лезгинъ, находится въ Белоканѣ и хочетъ оттуда учинить съ ними нападеніе на Грузію.

1-го Августа Г. Тучковъ прибылъ въ Душетъ, а по троекратной пересылкѣ его къ Царевичу Вахтангу о желаніи съ нимъ видѣться, Царевичъ сей, подъ разными предлогами, отъ того отклонялся; по чему Г. Тучковъ и приказалъ стоявшимъ въ отдаленіи отъ его замка Казакамъ имѣть наблюденіе за выходящими изъ замка, и если въ числѣ таковыхъ примѣчены будутъ вооруженные, приводить ихъ къ нему. По второй Г. Тучкова посылкѣ къ Царевичу выѣхалъ изъ воротъ одинъ конно-вооруженный Грузинъ, который, не соглашаясь на приглашеніе Казаковъ явиться къ Г.-М. Тучкову, обратился въ бѣгство, но Казаками былъ пойманъ и къ Тучкову приведенъ. Сей же, препоручивъ его правящему въ Душетѣ должностъ Коменданта Маіору Гудиму, и приказавъ ему арестанту учинить допросъ, самъ поспѣшилъ къ Царевичу.

Въ слѣдъ за симъ донесено ему было, что изъ задней калитки замка выбрались 2 Грузина. Приказавъ ихъ схватить, Г. Тучковъ продолжалъ ити къ Царевичу; но едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ встрѣченъ Грузинскимъ Княземъ Бертвелемъ Тумановымъ, донесшимъ ему съ торопливостію, что Царевичъ ушелъ тайно изъ своего замка, скрылся на гору въ таковой, при-

надлежащей дворянину Глахѣ Джипадзеву. Ту же минуту Г.-М. Тучковъ, сѣвъ на лошадь, устремился съ нѣсколькими Казаками къ упомянутому замку, а находящимся въ Душетѣ гренадерамъ приказалъ замокъ Царевича занять караулами. Поднявшись къ замку Глахи, и окруживъ оный Казаками, тщетно Г.-М. Тучковъ въ ономъ искалъ Царевича, нашедъ при томъ всѣ онаго двери запертыми. Оставя при ономъ караулъ, сдѣлавъ онъ поискъ въ лѣсу, но безъ успѣха; по чему, возвратясь въ Душетъ, предпріялъ онъ ити къ Царевнѣ, супругѣ бѣжавшаго Царевича, для узнанія отъ нея, куда супругъ ея укрывся; но, вмѣсто супруги Царевича, нашелъ тутъ Г.-М. Тучковъ Царевну Катевану, супругу покойнаго Царевича Вахтанга, сего Царевича тетку, которая, сдѣлавъ множество ужоризнъ Г.-М. Тучкову на счетъ неблагодарности Россіянъ къ заслугамъ Царевича Вахтанга, ничего ему о томъ не объявила. Возвращаясь отъ нея, Г.-М. Тучковъ увидалъ нѣсколько человекъ, скачущихъ по горамъ съ ужаснымъ крикомъ. На вопросъ его, что сіе значитъ? объявлено ему было, что сіи люди скликаютъ Душетскихъ жителей къ вооруженію, которые, совокупно съ многими изъ окрестныхъ селеній, дѣйствительно съ оружіемъ выбирались въ лѣса.

Съ Г.-М. Тучковымъ находились въ Душетѣ токмо 60 гренадеръ, до 50-ти Казаковъ, которыхъ большая часть прибыла съ ними изъ Тифлиса, и отъ поисковъ въ лѣсѣ Царевича весьма были утомлены. Однако же онъ, выбравъ надежнѣйшихъ изъ нихъ, имъ приказалъ, если не можно будетъ переловить скачущихъ по горамъ скликальщиковъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ не допускать до деревень; а между тѣмъ, взявъ всѣ воинскія осторожности, послалъ онъ на постъ Гарискарской, чтобъ стоящая тамъ рота егерей съ орудіемъ немедленно прибыла къ нему въ Душетъ.

Скликальщики были разогнаны: и одинъ токмо изъ нихъ, Моуравъ Тіухетской, Беракъ Кобіевъ, бывъ въ лѣсу настигнуть Казакомъ и никой его угрожаемъ, сдался ему, и въ видѣ плѣнника былъ приведенъ къ Г.-М. Тучкову. Помянутая же Царевна Катевана, не довольствуясь неистовыми изреченіями Г.-М. Тучкову, выбѣгала на башню и убѣждала крикомъ своимъ народъ къ подъятію оружія противъ Россіянъ, называя ихъ измѣнниками, для защищенія Царевича Вахтанга.

Г.-М. Тучковъ между тѣмъ всевозможное производилъ въ дѣй-

ство къ удержанію волнующагося народа и къ отвращенію междоусобія, которое, по преданности многихъ Карталинскихъ Князей къ Царевичу Вахтангу, легко возникнуть бы могло, и на сей конецъ издалъ тотчасъ объявленіе, что кто осмѣлится приставать къ мятежникамъ и злымъ намѣреніямъ Царевича Вахтанга вспомоществовать, съ таковымъ и съ его семействомъ поступлено будетъ найстрожайше, присоединивъ къ тому и словесное, въ сильныхъ выраженіяхъ, увѣщаніе къ народу. Въ окрестныя же деревни посланъ былъ отъ Г.-М. Тучкова съ подобнымъ объявленіемъ Земскій Исправникъ Переяславцевъ съ командой, а при томъ часто упоминаемый Г.-М. послалъ и въ Гори, къ начальствующему тамъ Подполковнику Симоновичу, приказаніе о принятіяхъ мѣръ осторожности въ Карталиніи и объ отряженіи въ Душетъ 2-хъ гренадерскихъ ротъ.

О всѣхъ же сихъ подвигахъ своихъ и о бѣгствѣ Царевича Вахтанга, Г.-М. Тучковъ безъ упущенія сообщилъ Г. Правителю Грузіи, который, по поводу такового нарушенія Царевичемъ присяги, въ силу Высочайшаго Манифеста, выслалъ объявленіе, что всѣ помѣстья, ему принадлежащія, должны поступить въ казенное вѣдомство; что Земскими начальниками тогда же и исполнено.

Г.-М. Тучковъ между тѣмъ, тщательнѣйше занимаясь изысканіемъ мѣстопребыванія укрывшагося Царевича, старался заградить ему всѣ пути къ дальнѣйшему его уходу, и для того счелъ за нужное собрать нѣсколько вѣрныхъ и надежныхъ Грузинъ, которые бы имѣли познаніе о мѣстахъ, чрезъ кои Царевичъ пробраться можетъ, или въ Кахетію, или же за границу, къ Дагестану; по чему и послалъ къ Князьямъ Еристовымъ, извѣстнымъ своимъ усердіемъ и ревностью, чтобъ они наипоспѣшнѣйше собрали сколько возможно своихъ вооруженныхъ людей, что ими и было исполнено.

Въ то же время нужно было взять предосторожности, чтобъ Царевичъ не успѣлъ возмутить Пшавской, Хевсурской и Тушинской народы. Г.-М. Тучковъ и сіе исполнилъ, отправивъ къ нимъ отъ себя увѣщанія на письмѣ чрезъ ихъ же Моурава, Г.-М. Челокаева, которыхъ со стараніемъ его получили желанный успѣхъ.

Изъ числа преданныхъ Царевичу Вахтангу единомышленниковъ находился въ Душетѣ нѣкто дворянинъ*....., о которомъ Г.-М. Туч-

* Пропускъ въ подлинникѣ. О. Б.

кову донесено, что ему не можетъ не быть извѣстно о мѣстѣ нахожденія Царевича. Г.-М. Тучковъ, призвавъ его къ себѣ, посылалъ его къ Царевичу, поручая ему доставить письмо отъ Г. Коваленскаго, но Дворянинъ отговаривался незнаніемъ; когда же Г.-М. Тучковъ къ побужденію его употребилъ строгость, изъяснивъ ему, что противнымъ поступкомъ онъ будетъ сочтенъ измѣнникомъ, и за то со всѣмъ своимъ семействомъ пострадаетъ, тогда дворянинъ, взявъ письмо, обѣщалъ Царевича отыскать и чрезъ 24 часа съ отвѣтомъ возвратиться, что дѣйствительно и исполнилъ. На вопросъ же, Г.-М. Тучковымъ ему сдѣланный, гдѣ Царевичъ находится, онъ объявилъ, что нашелъ его въ лѣсу, верстахъ въ 30 отъ Душета, но что онъ болѣе 2-хъ часовъ на одномъ мѣстѣ не остается, переѣзжая безпрестанно съ мѣста на мѣсто.

Довольствуясь тѣмъ, что могъ съ Царевичемъ, Г.-М. Тучковъ открыть переписку, посылалъ онъ неоднократно того же дворянина съ увѣщательными письмами къ Царевичу, убѣждая его возвратиться изъ лѣсу и съ нимъ видѣться; но Царевичъ, отъ того отклоняясь, присылалъ отвѣты, наподенные разными несообразностями.

Между тѣмъ какъ сія переписка продолжалась, то Г.-М. Тучковъ получилъ отъ Душетскаго Коменданта, Маіора Гудима, нарочнаго съ перехваченными имъ письмами, отъ Царевича Вахтанга въ Россію отправленными. Письмо Царевича было къ Главнокомандующему съ изъясненіемъ горести и что ему, какъ молодцу, постыдно казалось такъ отдаться въ руки войскамъ.

Записка къ Попу Алексѣю, доказывающая ясно вліяніе Попа Алексѣя въ интригахъ Царской Фамиліи и его ходатайство у Главнокомандующаго за Царевича Вахтанга. Она была сего содержанія: «Почтеннѣйшій отецъ Алексѣй! Не жалѣете ли? Какое счастье ожидалъ я себѣ, и какое несчастье постигаетъ меня! Знаю я, какъ вы будете сожалѣть обо мнѣ, и какъ вы будете трудиться для меня.»

Какъ же скоро отрядъ Г.-М. Тучкова усилился прибывшими изъ Гори и изъ Гартискари ротами, тогда онъ отправилъ въ Казбекъ Князя Шепшу Еристова и Земскаго Исправника Переваславцева съ партією изъ 60-ти человекъ Казаковъ и Грузинъ, для воспрепятствованія извѣстнымъ намѣреніямъ Царевича возмутить Горскихъ жителей. Разосланные же въ разныя стороны вооруженные люди бывшихъ въ сихъ дѣйствіяхъ съ Г.-М. Тучковымъ

Грузинскихъ Князей Соломона Тарханова и Еристовыхъ, открыли наконецъ, что Царевичъ укрывается въ ущеліи Гудамарскомъ, не подалеку отъ Паса-Наура, граничащимъ съ Хевсурами, къ которымъ и были отъ него посланы люди, равно какъ и къ Пшавскимъ и Тушинскимъ жителямъ, для соглашенія ихъ на свою сторону, но они, бывъ въ томъ упреждены Г.-М. Тучковымъ, посредствомъ упомянутого Моурава Князя Челакаева, Царевичу не повиновались.

Сдѣлавъ наконецъ преграду умноженіемъ пикетовъ и постовъ во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя опасаться было можно, чтобъ Царевичъ куда ни будь пробрался далѣе, Г.-М. Тучковъ пошелъ самъ съ 2-мя ротами прямо къ Гудамарскому ущелью, а впередъ себя прислалъ къ Царевичу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи и желаніи съ нимъ видѣться, увѣряя его при томъ, что онъ ни малѣйшаго противъ него злаго намѣренія не имѣетъ, если онъ токмо самъ къ тому не захочетъ подать поводъ.

Устрашенный прибытіемъ Г.-М. Тучкова, Царевичъ Вахтангъ, не имѣя при себѣ болѣе 20 человѣкъ, и вѣдая о пресѣченіи всѣхъ путей къ бѣгству, выѣхалъ наконецъ изъ ущелья на встрѣчу къ Г.-М. Тучкову, 10-го Августа, со всѣми своими людьми. Онъ былъ принятъ Г.-М. Тучковымъ со всевозможною учтивостію и уваженіемъ и препровожденъ имъ въ Душетъ.

Царевичъ, стараясь оправдаться и злонамѣренность свою представить въ видѣ невинности и устрашенія отъ приближенія войскъ, долженъ, однако же, былъ признаться въ своемъ проступкѣ, и Г.-М. Тучкову съ раскаяніемъ говорилъ, что за прежнюю его службу сію вину можно бы ему было простить; а при томъ просилъ, чтобы ему было позволено въ Тифлисъ пріѣхать безъ провожденія Казаковъ. Г.-М. Тучковъ, на то согласившись, приказалъ, однако же, конвою ити въ отдаленности, съ строжайшимъ за Царевичемъ наблюденіемъ.

Всѣ сіи подвиги Г.-М. Тучкова, безъ малѣйшаго кровопролитія мятежъ совершенно укротившіе, разрушили при томъ и общія въ Грузіи мятежниковъ предпріятія возмущеніемъ жителей Кавказскихъ горъ прекратить коммуникацію съ Россіей.

Между тѣмъ какъ Г.-М. Тучковъ экспедицію свою въ Душетъ производилъ въ дѣйство, Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Г.-М. Гулякова рапортъ, подтверждавшій о возмущеніи Князей Кахетин-

скихъ и что Царевичъ Александръ готовится вскорѣ съ многочисленнымъ войскомъ прибыть въ Грузію отъ Алазани.

Подполковникъ Солениусъ рапортовалъ Г.-М. Лазареву, что общество Кахетинскихъ мятежниковъ отправило двухъ человекъ къ Царевичу Юлону съ письмами, а именно: Датія-Бата-Швили и Мамука-Джаны-Швили, о чемъ сообщено было Правителю и для поминки ихъ на границахъ взяты мѣры.

А при томъ, какъ на домъ Мухранскій, по связи онаго и родству съ Царицей Даріей, никакъ нельзя было полагаться въ его вѣрности, то Г.-М. Лазаревъ отнесся къ Правителю и о томъ, чтобъ за онымъ былъ присмотръ.

Напослѣдокъ Г.-М. Лазаревъ, по устроеніи въ самомъ Тфелісѣ всего къ опроверженію пагубныхъ дѣйствій мятежниковъ, и сдѣлавъ нужныя распоряженія предписаніями своими повсюду къ начальствамъ частныхъ воинскихъ отрядовъ, выступилъ самъ, Августа 1-го, въ Кахетію, взявъ съ собой данныхъ отъ Правителя Князя Александра Макаева, оказывавшаго во всякомъ случаѣ благонамѣренность свою, Князя Дуарсаба Орбеліанова и Митрополита Бодбельскаго, раскаявшагося въ поступкахъ своихъ, для употребленія ихъ всѣхъ къ обществу мятежниковъ Кахетинскихъ.

Прибывъ 2-го Августа, на рѣку Лакбе, разстояніемъ на 15 верстъ отъ Сигнаха, и узнавъ, что мятежники собираются не далеко отъ сего мѣста, 3-го числа онъ отправилъ къ нимъ, съ Княземъ Макаевымъ и Митрополитомъ, письмо такого содержанія:

Что, усматривая изъ ихъ къ нему писемъ ихъ заблужденія и поступки, вѣрноподданнымъ Его Императорскому Величеству не причисляющіе и нарушающіе общее благо и спокойствіе народа, дарованное оному всецѣльною рукой безпримѣрнаго въ щедростяхъ Монарха, избавленіемъ онаго отъ бѣдствій, въ которыя они, таковыми паки соотчичей своихъ вовлекаютъ, прибылъ онъ къ жилищамъ ихъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ обратить на путь истины, обѣщавъ прощеніе и милосердіе отъ Государя Императора всякому, пожелавшему принести раскаяніе и признаться въ противныхъ поступкахъ, съ требованіемъ при томъ добровольнаго ихъ къ нему прибытія въ Сигнахъ.

Самъ же Лазаревъ того числа приближался съ баталіономъ своимъ къ Сигнаху и расположился квартирами въ селеніи Нукревахъ, для ожиданія отвѣта мятежниковъ, или выполненія ими, по содержанію письма, отъ него къ нимъ отправленнаго.

3-го числа явился къ Г.-М. Лазареву Князь Николаѣ Черказовъ, съ признаніемъ и раскаяніемъ въ поступкахъ своихъ. По учиненіи присяги, просилъ онъ Г.-М. Лазарева о освобожденіи взятыхъ Г.-М. Леонтьевымъ подъ арестъ Князей Нанія и Константина Черказо-Швили, на что Г.-М. Лазаревъ согласился, взявъ отъ него, однако же, обязательство, чтобъ онъ же, по освобожденіи ихъ, привезъ съ собою въ Сигнахъ; что онъ дѣйствительно и исполнилъ.

5-го числа, въ назначенный срокъ съ возвращеніемъ Князя Макаева и Митрополита Бодбея, явились къ Г.-М. Лазареву нѣсколько Князей знатнѣйшихъ Кахетинскихъ фамилій.

По многомъ велерѣчіи ихъ, и по увѣщаніямъ Г.-М. Лазарева, признались они наконецъ, что явились къ нему какъ нарушители присяги, ими въ вѣрности учиненной, съ признаніемъ, что таковой поступокъ къ стыду своему и безчестію сдѣлали и съ обѣщаніемъ, что впредь всячески стараться будутъ оный исправить.

Послѣ всего Г.-М. Лазаревъ имъ объявилъ, чтобъ они, учинивъ подтвердительную присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству, пояснили и причины, къ мятежу ихъ побудившія. Согласившись на то, безъ малѣйшаго затрудненія, объявили они причины слѣдующія:

1-я. Разсѣяніе слуховъ, что будто всѣхъ Князей велѣно переселить въ Россію.

2-я. Разсѣяніе слуховъ, особенно Исправникомъ Телавскаго Уѣзда, что Моуравства ихъ будутъ уничтожены.

3-я. Что они, по незнанію правъ Россійскаго Правленія, не извѣстны и о томъ, какіе предѣлы имѣетъ власть Земскихъ чиновниковъ, ниже не знаютъ и того, до какой степени простирается ихъ власть надъ крестьянами, и зависимость ихъ отъ помѣщиковъ, и наконецъ.

4-я. Что они, видѣвъ искательства фамиліи Царской о возстановленіи Царства Грузинскаго, восхотѣли въ томъ соучаствовать, для содѣянія себѣ основанія къ будущему благополучію.

А при томъ неотступно просили Г.-М. Лазарева, чтобъ онъ имъ изъяснилъ то, о чемъ въ 3-мъ пунктѣ отъ нихъ предложено.

Г.-М. Лазаревъ, сдѣлавъ имъ приличныя опроверженія ихъ заблужденій, и наставленія, какими образомъ они впредь себя вести

долженствуютъ, на повторительное ихъ требованіе по 3-му пункту, имъ обѣщать снестись съ Правителемъ Грузіи по сему предмету.

Они принесли благодарности Г.-М. Лазареву за его наставленія, клялись не оказывать впредь ни чего тому подобнаго къ нарушенію общаго спокойствія.

6-го и 7-го числа собирались къ нему, по приглашенію же его, изъ дальнѣйшихъ мѣстъ Кахетіи мятежники, объявленія которыхъ во всемъ согласовались съ первыми, и съ ними Г.-М. Лазаревъ поступилъ такъ же.

На послѣдокъ общее ихъ признаніе состояло еще въ томъ, что они отправили къ Царевичу Юлону письмо, въ коемъ его приглашали на Царство, и что о томъ же дали знать и Царевичу Вахтангу.

По требованію же Г.-М. Лазарева составили они другое письмо къ Царевичу Юлону, въ противномъ того смыслѣ, которое Г.-М. Лазаревъ отдалъ Правителю для отправленія въ Имеретію.

По окончаніи сего Г.-М. Лазаревъ предписалъ Исправнику Сигнахскаго Уѣзда привести къ присягѣ нѣкоторыхъ старшинъ Кизицкихъ, съ Кахетинцами во всемъ соучаствовавшихъ, по не надежности, чтобъ они впредь пребыли вѣрны въ своихъ званіяхъ, а паче по тому, что они могли бы сдѣлать мщенія народу, который пребылъ твердъ и къ ихъ замысламъ непреклоненъ. По предварительному сношенію съ Правителемъ, Г.-М. Лазаревъ приказалъ избрать по деревнямъ на ихъ мѣста другихъ Старшинъ, кои и избраны самими жителями.

За симъ же Г.-М. Лазаревъ счелъ приличнымъ, для поощренія народа и впредь къ таковому похвальному поведенію, обвѣститъ похвальный листъ въ Сигнахъ чрезъ Коменданта, а въ Уѣздѣ отъ Исправниковъ.

По усмиреніи мятежа Г.-М. Лазаревъ возвратился, и 12-го Августа прибылъ въ Тифлисъ.

Послѣ того, когда Архіепископъ Бадбель, привезшій въ Тифлисъ бумаги о избраніи Царя, былъ арестованъ, и когда въ Кахетіи гласное ознаменовалось неспокойствіемъ, посланы были отъ Правительства чиновники, а именно: Исполнительной Экспедиціи Совѣтникъ Карнѣевъ съ Секретаремъ Лохвицкимъ, для разбирательства на мѣстѣ причинъ, произведшихъ возмущеніе. Сіе разби-

рительство подвержено великому сомнѣнію; ибо за основаніе возмущенія взяты кація-то поддѣльныя письма, яко бы отъ Князя Чавчавадзева писанныя къ его супругѣ, а ею будто въ Кахетіи публикованныя. Истинное же показаніе Князей Кахетинскихъ, какъ утверждаютъ, въ дѣлѣ не употреблено, по тому что въ ономъ весьма много лжы, а онѣ обдѣдали Правителю на его лицо.

Г. М. Лазаревъ, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, уже въ ономъ не засталъ Леонидзе, который, будучи, вызванъ Царемъ Имеретинскимъ, для совѣщанія по предмету, миссіи К. С. (Скокова) въ Имеретіи, туда уѣхалъ; а между тѣмъ отряженные чиновники отъ Правительства для слѣдствія въ Кахетіи возвратились, привезши съ собой Князей, главнѣйшихъ участниковъ возмущенія, которые пребываніе свое въ Тифлисъ имѣли до Октября мѣсяца, а потомъ назадъ уѣхали.

Послѣ уже укрощенія возмущенія сего перехвачено было письмо отъ Царевича Юлонъ, писанное къ Князю Еристову, а въ то же время стало извѣстно, что подобныхъ писемъ возмутительныхъ и во всей Грузіи было довольно въ разныхъ мѣстахъ, и что Царевичъ Юлонъ яко бы находится уже въ Карталинѣ; по чему и приняты были мѣры къ захваченію самаго Царевича и къ доставленію его за карауломъ въ Тифлисъ, чего, однако же, не сбылось. Что же касается до возмутительныхъ его писемъ, то и отъ оныхъ опасаться болѣе ужъ было нечего въ разсужденіи того, что и мятежъ былъ усмирень, и Царевичу Вахтагу пресѣчены были всѣ способы къ содѣйствію въ ономъ.

Изъ Еривани получены достовѣрныя извѣстія, что Ериванскій Ханъ дѣйствительно примирился съ Пиръ-Кули-Ханомъ. Сардаремъ Персидскимъ условія же, на коихъ примиреніе сего послѣдовало, суть слѣдующія:

Ханъ Ериванскій согласился уступить Сардарю, вмѣсто требованныхъ имъ у выходцевъ Нахичеванскихъ, 200 семей изъ селенія Кунгулы.

Что Пиръ-Кули-Ханъ слѣдуетъ съ войскомъ на границу Карабахскую, къ мѣстечку Устабалари, куда прибываетъ Шупимскій. Ибрагимъ-Ханъ съ дѣтьми своими и съ Селимъ-Ханомъ для совѣщанія, на коемъ было предложено, чтобъ всѣмъ соединенно идти для сверженія Нуридзана Магиръ-Ассиль-Хана и возведенія на его достоинство Селимъ-Хана, а потомъ, чтобъ послать изъ Гангъ

жинскому Хану; для приглашенія его къ содѣйствию въ общихъ предпріятіяхъ на Грузію; и, въ случаѣ, если бы Ханъ Ганжнскій не согласился на приглашеніе сіе, то чтобъ его наказали; что въ упомянутомъ же мѣстечкѣ Устабалари у Пиръ-Кулы-Хана пребываетъ и Царевичъ Александръ. Что Пиръ-Кулы-Ханъ отправилъ 2-хъ курьеровъ къ Баба-Хану, съ настоятельными требованіями 4,000 человекъ для слѣдованія съ корпусомъ своимъ на Грузію, для истребленія войскъ Россійскихъ, соединенно съ Шекинскими, Ширванскими и Ериванскими; что Ериванскій Ханъ пребываетъ непоколебимъ въ намѣреніи оказывать съ своей стороны всякое пособіе Царевичу Александру и весьма настаиваетъ, чтобъ предложенныя операци на Грузію скорѣ были произведены въ дѣйство, побуждая къ содѣйствию Царевича Имеретинскаго и Ахалцихскаго Шерифъ-Пашу увѣреніями о достаточномъ числѣ войскъ Персидскихъ.

Что у Ахалцихскаго Паши Дагестанцевъ весьма довольно, и что письма неблагонамѣренныхъ въ Грузіи оттуда къ Царевичу Александру и отъ него къ нимъ отправляются чрезъ сего Пашу.

Что бѣжавшіе изъ Кахетин Князья, въ числѣ 20, находятся въ Еривани и Ханомъ для содержанія поручены нѣкому Киръ-Булаки; что Ханъ писалъ къ Царевичу Александру о ихъ пребываніи въ Еривани и его спрашивалъ, что съ ними сдѣлать: отправлять ли ихъ къ нему, Царевичу, или онъ самъ къ нимъ прибудетъ? А что Нухинскій Ханъ сдѣлалъ данное соглашеніе съ Хойскимъ Джафаръ-Кули Ханомъ къ отраженію соединенными силами Пиръ-Кулы-Хана.

Въ то же время явилось въ Тифлисъ возмутительное письмо изъ С.-Петербурга, писанное Царевичемъ Иваномъ къ Князю Александру Макаеву, который его въ оригиналѣ представилъ Г. М. Лазареву. Оно было отъ слова до слова слѣдующаго содержанія:

«Но чему такъ мы Вами забыты, и своихъ родственниковъ Вы не помните? Что Вы дѣлаете? Всякій, искавшій большаго, остается при маломъ, и Вы такъ же! Столько разуму въ Васъ не стало, чтобъ понять, что для Васъ лучше!»

Есть ли на Васъ какая сила, или принужденіе, то пишите прошеніе Государю тайно, Князьямъ, челоуѣкамъ 4-мъ, или 5-ти, велите приложить свои печати и пришлите ко мнѣ, а я здѣсь подамъ. Такъ же тому подобно пишите и къ Лашкареву; и по оно-

му исполню тайно, чтобъ о томъ никто не былъ извѣстенъ. Если же Вы себѣ желаете большаго, и о томъ пишете, и оное исполнится. Теперь Ваша воля, а то, что Вы теперь видите, послѣ еще будетъ хуже.»

Въ половинѣ Августа мѣсяца начали опять получаться свѣдѣнія, о собирающихся въ Имеретіи, на границѣ Грузинской, войскахъ, яко бы для покушенія ко впаденію въ оныя, по чему, по взятіи воинскихъ предосторожностей, Г.-М. Лазаревъ послалъ къ Царю Имеретинскому запросъ о причинѣ сего собранія войскъ, и о томъ же къ Пашѣ Ахалцихскому, по поводу умноженія въ его области Лезгинцевъ, обезпокоивавшихъ границы Грузіи.

Между тѣмъ Лезгинцы обратились съ просьбой къ Правителю Грузіи о дозволеніи имъ пріѣхать въ Грузію для торга, а Правитель отнесся къ Командующему Генералу съ требованіемъ предписаній на кордоны о безпрепятственномъ ихъ пропускѣ съ товарищами, состоящими единственно изъ бурокъ и суконъ, которыя они не продаютъ за деньги, но вымѣниваютъ на хлѣбъ.

Карскій Паша предъ симъ относился къ Командующему въ Грузіи Генералу въ томъ, что заключить ли ему примиреніе съ Ханомъ Ериванскимъ; на которое Главнокомандующій ему отвѣтствовалъ: «держатъ себя въ настоящемъ оборонительномъ положеніи до нѣкотораго времени, какъ по тому, что искательство Хана Ериванскаго заключаетъ въ себѣ виды полезныя для Шерифъ-Паши, безъ закона властвующаго въ Ахалцихѣ и, сколько извѣстно, во вредъ Грузіи, такъ же по тому, что онъ тайнымъ образомъ согласенъ съ ея злодѣями.»

Между тѣмъ Царь Давыдъ все еще пребывалъ въ Борчалахъ; по чему Г.-М. Лазаревъ опять къ нему писалъ, что лучше бы, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ сдѣлалъ, если бы прибылъ онъ въ Тифлисъ. Отвѣтъ его состоялъ въ томъ:

«Что если служба Государя Императора непремѣнно требуетъ его прибытія, то онъ тотъ же часъ явится, коль скоро о томъ получить увѣдомленіе отъ Его Превосходительства; но если ему службы никакой не предстоитъ, то чтобъ его оставили спокойно въ Борчалахъ, для хозяйственныхъ его дѣлъ.»

Хотя внутреннее въ Грузіи волненіе уже и утихло, но замыслы внѣшнихъ непріятелей все еще продолжались.

Царевичи Грузинскіе, въ Имеретіи пребывающіе, пребывав

въ Суери, отъ границы Грузинской не болѣе разстояніемъ, какъ верстъ на 40, собирали все еще Лезгинъ и Имеретинцевъ для впаденія въ Грузію.

Изъ полученныхъ же рапортовъ отъ Подполковника Симоновича явствовало, что къ супругъ Князя Имеретинскаго, Кайхосро-Абашидзева, Царевнѣ Даріи, пріѣзжали 3 Лезгина съ неизвѣстными препорученіями, и что сія Царевна Княгиня ведетъ переписку съ Царицей Даріей и съ Царевичемъ Давыдомъ.

При одномъ же изъ сихъ рапортовъ прилагалось письмо отъ Царевичевъ Юлона и Парнаоза къ Грузинскому Князю Семену Абашидзе, въ коемъ, по изъясненіи искреннѣйшихъ пріѣзжихъ, было написано и сіе:

«Какъ только сіе письмо получишь, естли есть твоя къ намъ привязанность, то немедленно пріѣзжай къ намъ въ Суери, гдѣ насъ увидишь, а потомъ можешь возвратиться. Намъ къ тебѣ есть великое дѣло; нельзя, чтобъ къ тебѣ къ намъ не пріѣхать. Просимъ тебя, какъ любезнаго пріятеля, безъ упущенія времени къ намъ сюда пріѣхать.» Сіе письмо представлено было Капитану, съ ротой въ Сурамѣ стоящему, Бартеневу, самимъ Княземъ Семеномъ Абашидзе, а отъ Бартенева къ Симоновичу.

Другое же письмо, при рапортѣ сего послѣдняго представленное Г.-М. Лазареву, адресовано было отъ Князя Циціанова, засѣдающаго въ Казенной Экспедиціи, къ Царевичу Юлону, и было слѣдующее:

«Свѣтлѣйшій Царскій сынъ, Милостивый Государь Юлонъ!

Племянникъ Вашъ, Моуравъ Евстафій Циціановъ, лобызаетъ десницу и колѣно Ваше. При томъ же доноситъ, что милостивая грамота Ваша мной получена чрезъ Херхеулидзева, въ которой изъясляете, дабы сдѣлать Вамъ вспомошествованіе. Я же, не успѣвши Вамъ за оную принести благодареніе, получаю уже отъ Васъ другое препорученіе объ оказаніи Вамъ другой услуги, сообщеніемъ свѣдѣній о нашихъ обстоятельствахъ. Нечего объ оныхъ и спрашивать. Хотя мы Ваши, но находимся отъ Васъ въ отдаленіи. Херхеулидзе вступается за своего человѣка, и никто не въ силахъ слова сказать, но Іосифъ Кургановъ, напавши на него, не отдаетъ. Представлена была жалованная грамота отъ Царя Вахтанга, и Его Свѣтлѣйшествомъ, Вашимъ братомъ, Католикосомъ, было разбираемо, и то ничего не помогло, а сей чело-

иные от него не отступают. Увидимъ, чѣмъ кончится свершится. Нокормо! прошу! Васъ, амово! Государя, приказывать мнѣ, что угодно будетъ Вашей Свѣлости. Я почту сіе за великую Волю и милость. Дня 24-го Августа 1851 года.

А также были и другіе казны, чрезъ коихъ велась переписка изъ Тифлиса съ Имеретіей, а именно: Царевна Нателла, супруга Царевича Ивана, и Царевна Княгиня Анастасія Еристави, то Г. М. Лаваревъ, уведомивъ о томъ Правителю, предлагалъ ему, чтобъ нѣтъ приглашать изъ своихъ деревень въ Тифлисъ. При дошедшихъ же свѣдѣніяхъ, что отъ Царевича Юлона отравионъ былъ нѣкто дворянинъ, Паранъ Черкесовъ, съ возмутительными письмами въ Кихетю и Карталинскія провинціи, военнымъ начальникамъ, повсюду въ Грузію, обрѣтающимся, предписано было, отъ Генерала-Маіора Лазарева о строжайшемъ наблюдении и о поимкѣ сего дворянина съ письмами.

А 15-го Августа получены были находящимся въ Тбори Подполковникомъ Симоновичемъ повторительныя извѣстія, что яко бы Царь Имеретинскій, собравъ себе войско, и присвокупивъ къ оному Лезгинцевъ, намѣревается съ числомъ до 3,000, учинить нападеніе на границы Грузинскія, состоя къ выполнѣнію оного въ готовности въ деленіи Чало, разстояніемъ отъ границы Карталинской верстахъ въ 30. Сего оного Царя Лаваревъ, Маіоръ Лазаревъ и Свѣ, однако же, было не во всемъ справедливымъ, по тому что съ всѣмъ своимъ войскомъ съ 10-го Августа уже находится въ Лечхумъ провинціи Дадинна, а были то Царевичи Юлонъ и Парнаовъ, которые, будучи вспомошествоемы Пашей Ахалцихскимъ, хотѣли и не пытать, поведиому, послѣдній, расположившись съ своею отбылою учинить вторженіе въ Карталию, на тобы Шеридъ Паша съ своими Легионами съ другой стороны сдѣлавъ удары пройдя чрезъ Джавалетю. Почему Симоновичъ выступилъ съ отрядомъ гренадеръ и Казакъ, для встрѣчи сего непріятеля на мѣстѣ границы Грузіи, а при томъ нужно было бдительнѣе наблюдать за Осетинцами въ Карталинѣ, но подошвамя горъ Кавказскихъ, жителейвующимъ, коихъ селенія къ упомянутой деревни Имеретинской Чало привлекали дабы ои дикари внутри границъ не вдумали сей случай употребить въ пользу, въ чемъ также нѣмъ отъ начальства воинскаго не упущено! достаточнымъ подкрѣпленіемъ Симоновича въ приличныхъ дистанціяхъ.

Какъ detachmentъ Р. Подполковникъ Симоновичъ не былъ

стали сданы, чтобъ удержаться противъ всякаго удара непріятельскаго, то и было предписано Г. М. Тучкову его подкрѣпить 2-ми ротами и 1-мъ орудіемъ; къ чему же detachmentъ Хвѣжнихъ были присовокупиться еще войска Грузинскія изъ Нарталинъ. Генераль Тучковъ выступилъ къ сему подкрѣпленію изъ Тбилиса Августа 20.

Изъ Ганжи и Бривани извѣстія, приходившія въ сіе время, были сходныя съ послѣдними: Циръ-Кули-Ханъ все находился близъ Карабага и предпріятій не перемѣнилъ; кромѣ того получено было извѣстіе, что Кахетинскій Князь, Адамъ Бабуровъ, возмущенный бѣжавшій къ Царевичу Александру, пріѣзжалъ въ Белоканъ для какихъ-то переговоровъ съ тамошними Лезгинскими старшинами, и съ ними же побѣжалъ къ Шушинскому Хану, но не было извѣстно за чѣмъ.

Съ Имеретинской же границы пришли извѣстія, что яко бы одинъ изъ Царевичей, въ Имерети пребывающихъ, намѣревается пробраться въ Казбекъ, и что Вахтангъ намѣревается куда-то бѣжать, что, однако же, не сбылось.

Правитель Грузіи прислалъ Г. М. Лазареву письмо, имъ посланное отъ Ахалцихскаго Шерифъ-Паши, который просилъ о вспоможеніи ему къ вытѣсненію Лезгинъ, обещая непріятелей Грузіи и Ахалцихской области.

Много уже разъ сей коварный Паша, подобныя обращалъ просьбы, действуя между тѣмъ подъ рукою, чтобъ Лезгинцы не переводились изъ его областей, для чиненія грабежей въ Грузіи; по чему Г. М. Лазаревъ, сдѣлавъ Пашѣ учтивый отвѣтъ съ увѣреніемъ, что содѣйствовать готовъ, рѣшился ити самъ съ батальономъ спустя нѣсколько времени, оставаясь въ ожиданіи рапортовъ отъ Г. М. Тучкова о успѣшности его движеній съ Симонивичемъ.

Въ то же время, получивъ отъ Г. М. Тучкова, стоящаго въ Кахетіи, рапортъ, что нѣкто помянутой бѣжавшій изъ Кахетіи Князь Адамъ Бабуровъ пріѣзжалъ изъ Белоканъ въ селеніе Кавларъ, гдѣ, пробывъ утѣши своей часовъ 7, уѣхалъ ей 14-мъ самъ къ Шушинскаго, Ибраимъ-Хана, отъ Джарскихъ и Белоканскихъ старшинъ, отъ Царевича Аюбсаидра и отъ находящихся при немъ, бѣжавшихъ изъ Кахетіи, Князей съ нѣкоторыми людьми, чтобъ она доставленія оныхъ въ Грузію, до адресованъ, поручила его брату, и тотъ же обратилъ уѣхавъ въ Белоканъ, гдѣ она что-то

полнила въ точности приказаніе; но братъ, получивъ письма, представилъ Военному Начальнику. Содержаніе сихъ писемъ было самое возмутительное, и адресованы оныя были къ Кизицкимъ обывателямъ и къ Кахетинскимъ Князьямъ. Въ оныхъ, между прочимъ, Царевичъ Александръ упоминалъ, что онъ надѣется, что его братъ, Царевичъ Вахтангъ, все исполнилъ по общимъ ихъ соглашеніямъ, и мосты чрезъ Терекъ приказалъ разобрать, для преграды войскамъ нашимъ, если бы вознамѣрились ихъ въ Грузіи подкрѣпить отрядами изъ Россіи.

25-го Августа получены были отъ Г.-М. Тучкова рапорты, что еще до соединенія его съ Подполковникомъ Симоновичемъ, Царевичи, услышавши движеніе сего Подполковника къ границамъ, удалились внутрь Имеретіи, а Лезгинцы уклонились во владѣнія Ахалцихскія. По рапортамъ и разнымъ другимъ свѣдѣніямъ, чрезъ лазутчиковъ полученнымъ, стали извѣстны подробности объ операціонномъ планѣ сего покушенія. Царевичъ Юлонъ и Парнаозъ съ Имеретинцами намѣревались изъ Рачи вступить въ Осетинскія деревни Перангу и Царебисъ, въ Черныхъ Горахъ лежащія, для взволнованія Осетинцевъ, и съ помощью ихъ впасть въ верхнюю Карталинію, а въ то же время и Царь съ своими войсками хотѣлъ впасть изъ Имеретіи въ Карталинію, надѣясь, что Кахетинцы, объ усмиреніи коихъ, по видимому, не были они еще извѣстны, произведутъ подобное въ Кахетіи, будучи (подкрѣплены) Лезгинцами, изъ Ахалциха, со стороны Джевахетіи стремившихся. Планъ сей еще былъ предположенъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда Кахетинское возмущеніе начало ознаменовываться, и по тому Царевичи Юлонъ и Парнаозъ, прибывъ къ урочищу Гамарты, разстоящему отъ Царебисъ верстъ на 10, отправили письмо къ Князьямъ Мачабеловымъ, но посланный съ оными перехваченъ на кордонѣ Подполковникомъ Симоновичемъ, который немедленно занялъ бекетами всѣ проходы изъ Грузіи въ Имеретію, о чемъ Царевичи узнавъ, ретировались въ Рачу, въ урочище Лесхонъ. Симоновичъ же, оставивъ орудіе и обозъ въ селеніи Дарби, пошелъ съ пѣхотой и съ Казаками для встрѣчи непріятеля, но, гнавшись за онымъ до Перанга, на самой чертѣ границы лежащей, нашелъ токмо слѣды Лезгинцевъ и Имеретинцевъ, отступившихъ съ Царевичами въ Имеретинское селеніе Чало. Пойманный же Имеретинецъ въ семъ преслѣдованіи сказывалъ, что и Царь, услышавъ о неудачѣ сей, отступилъ къ областямъ Дадіана. Царевичи же, достигнувъ въ бѣгствѣ до се-

ленія Садчхерети, положили на мѣрѣ другой операціонный планъ, чтобъ пробираться чрезъ Ахалцихъ къ Лезгинцамъ и съ оными дѣйствовать какъ удастся. Г.-М. Тучковъ, возвратившись изъ Карталинѣ, подалъ Г.-М. Лазареву рапортъ, въ коемъ объявлялъ, что въ Карталинцахъ ни малѣйшей не замѣтно наклонности къ возмущенію, кромѣ величайшихъ неудовольствій на Земское Управленіе и лично на Горійскаго Исправника, Енохина.

Въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца Грузинскіе Тавады (Князья), Сардаръ Орбеліановъ, Тархановъ и Макаевъ, собравшись у меня, въ присутствіи Г. Г.-М. Лазарева и Тучкова, мнѣ говорили:

Смотри донесеніе отъ 20-го Сентября.

Г.-М. Лазаревъ, рѣшившись испытать на дѣлѣ пронырство Шерифъ-Паши Ахалцихскаго, просившаго вспоможенія, для вытѣсненія соединенными силами Лезгинцевъ, давая имъ подѣ рукой покровительство и кривательство въ своихъ владѣніяхъ ко вреду Грузіи, изготовивъ баталіонъ егерей, 8-го Сентября отправился съ онымъ въ походъ, истребовавъ отъ Правителя до 200 человекъ Татаръ, подѣ предводительствомъ Сардаря Князя Орбеліанова. Впередъ же себя отправилъ письмо къ Шерифъ-Пашѣ съ увѣдомленіемъ о своемъ къ границамъ Ахалцихскимъ приближеніи и готовности дѣйствовать съ нимъ соединенно для истребленія Лезгинцевъ.

Посланный съ онымъ Татаринъ возвратился на третій день съ донесеніемъ, что, доѣхавъ токмо до Турецкаго селенія Ахалкал къ, усмотрѣлъ подѣ онымъ Лезгинскій лагерь, изъ коего человекъ съ 10, примѣтивъ его, за нимъ погнались, но онъ успѣлъ отъ нихъ уѣхать. Г.-М. Лазаревъ, сіе же письмо отъ Татарина отбравъ, отправилъ оное, съ надежнымъ Казачьимъ урядникомъ, давъ ему для прикрытія 3 Казаковъ, а самъ съ баталіономъ продолжалъ слѣдовать и, достигнувъ до крѣпости Цалкской, на самой границѣ находящейся, расположился у оной лагеремъ.

Вскорѣ по приходѣ на сіе мѣсто, получилъ Г.-М. Лазаревъ письмо отъ посыланнаго прежде къ Шерифъ-Пашѣ Грузинца, Таки Аргутинскаго (съ вопросомъ о причинѣ, Пашу побудившей, умножить на границѣ войско), коимъ онъ увѣдомлялъ Г.-М. Лазаревъ, что Паша, провѣдавъ о его приближеніи, весьма обезпокоился, и посланнаго къ нему урядника Казачьяго, на другой же день по его прибытіи въ Ахалцихъ, отъ себя обратно отправилъ съ своимъ чиновникомъ въ Турецкіе Ахалкалаки, приказавъ сему послѣднему собрать достаточное количество провіанта и ро-

гатовъ скотины для угощенія войска Россійскаго, приказавъ при томъ Лезгинцамъ изъ владѣній своихъ удалиться.

Г.-М. Лазаревъ, стоя на семь мѣстъ лагеремъ и не могли дожидаться возвращенія посланнаго урядника, а при томъ восчувствовавъ недостатокъ въ провіантѣ, отправилъ впередъ въ Грузинскіе Ахалкалаки для заготовленія онаго. Потомъ, получивъ чрезъ лазутчика достовѣрное свѣдѣніе, что Шерифъ-Паша отправилъ всѣхъ Лезгинцевъ въ Имеретію къ Царю, рѣшился слѣдовать по чертѣ границы въ Карталинію весьма трудной дорогой ущеліями и лѣсами, коими обыкновенно Лезгинцы проходятъ и, по 3-хъ дневномъ маршѣ, достигъ до селенія Катыхеви, гдѣ, расположившись лагеремъ, имѣлъ 3-хдневное отдохновеніе, въ теченіе котораго прибылъ обратно изъ Ахалциха Казачій урядникъ съ Такою Аргутинскимъ и съ посланцомъ, Дади-Бекѣмъ, привезшимъ письмо съ изъясненіями всегдашней дружбы и преданности къ Россіянамъ, желанія искоренить Лезгинъ, что уже одна часть пошла въ Имеретію по приглашенію отъ Царя, чрезъ Георгія Церетели слѣланному, а другая къ Карскому Пашѣ, обѣщая при томъ впредь никогда ихъ въ своихъ владѣніяхъ нетерпѣть.

Въ знакъ же своего усердія и дружества просилъ Г.-М. Лазарева принять угощеніе, войску его приготовленное; словесно же Шерифъ Паша посланцу своему поручилъ сказать Г.-М. Лазареву, что Царевичъ Имеретинскій пригласилъ къ себѣ Лезгинцевъ на зимнее пребываніе, что какъ, однако же, онъ не будетъ въ силахъ столь долгое время ихъ самъ собою доводить, то что они будутъ дѣлать набѣги на границы Грузіи, и чтобъ по тому взять предварительныя мѣры къ ихъ отраженію, въ чемъ онъ, Паша, обѣщается содѣйствовать.

Причина, Царя побудившая Лезгинцевъ къ себѣ умножить, та, что Гуріельскій владѣлецъ и Аджарскій Бекъ, Селимъ-Ага-Химшиевъ, заключили между собой намѣреніе отмстить Царю за погубленіе Сабудъ-Паши.

На походъ семь получилъ Г.-М. Лазаревъ отъ Царя отвѣтъ на письмо къ нему отправленное съ Княземъ Діасамадзевымъ, съ вопросомъ о причинѣ набора войска, содержащее въ себѣ увѣренія, что онъ собираетъ противъ владѣльца Дадіана, уклоняющагося отъ повиновенія, а отнюдь не ко вреду Грузіи.

Князь же Діасамадзе въ сообщалъ свѣдѣнія, имъ въ Имеретіи пріобрѣтенныя, которыя состояли въ томъ:

Что Царь, взявши у Дадіана крѣпость Цхывши, подвинулся далѣе до крѣпости Зерисъ-Цихе, въ которой Дадіанъ, однако же, укрѣпился, и что при томъ Царю едва ли будетъ возможность крѣпость сію взять, по тому что къ оной приблизиться не иначе возможно, какъ дефилею, весьма опасной и войсками Дадіана защищаемой, и со всѣхъ сторонъ засѣлками укрѣпленной.

Что Царевичи, Юлонъ и Парнаозъ, намѣревавшіеся учинить впаденіе въ Карталинію и уstraшенные движеніемъ Подполковника Симоновича и Г.-М. Тучкова, ретировались въ самый Кутаисъ, гдѣ получили увѣдомленіе отъ Царевича Александра, что онъ имѣетъ надежду собрать Адербижанскаго войска до 12,000.

Вскорѣ за симъ получено Г.-М. Лазаревымъ извѣстіе, что Царевичъ Александръ, сопутствовавшій въ экспедиціи Пиръ-Кули-Хана, пріѣхалъ со свитою, изъ 150 человѣкъ состоящей, въ Ганжу и немедленно отправилъ въ Джары, Белоканы и въ Кахетію съ увѣдомленіемъ, что онъ, будучи снабженъ отъ Баба-Хана фирманомъ къ Дагестанцамъ, для приглашенія ихъ къ содѣйствію въ своихъ предпріятіяхъ, предлагаетъ каждому, участвовать въ томъ желающему, по 100 серебромъ, и что, равнымъ образомъ, Царевичъ Имеретинскій подобнымъ же фирманомъ снабженъ отъ Порты.

Правитель сообщилъ Командующему Г.-М. Лазареву полученное имъ свѣдѣніе, что Царевичъ Александръ намѣревается сдѣлать нападеніе на Шамшадилы; по чему, послѣ многихъ возраженій и подтвержденій, Г.-М. Лазаревъ командировать туда, однако же, баталіонъ егерей.

Стоящій на кордонѣ Кахетіи, Подполковникъ Солениусъ, доносомъ въ сіе же время рапортовалъ, что бѣжавшій прежде сего изъ Кахетіи къ Царевичу Александру Юзбаша-Соломонъ-Солдата-швили, въ письмѣ своемъ къ нему, Подполковнику, просилъ о присылкѣ къ себѣ 6-ти Кизицкихъ жителей на назначенное урочище, намѣреваясь съ оными возвратиться въ отечество; что Солениусъ и исполнилъ немедленно; онъ же, Солдата-Швили, вмѣсто исполненія обѣщанія своего, присланнымъ къ нему роздалъ восемь возмутительныхъ писемъ къ разнымъ Князьямъ Кахетинскимъ. Четыре письма получившими ихъ были представлены Подполковнику;

но Юзъ-баша-Бизина-Бочета-Швили и Грузинъ деревни Мирзанъ, Попугонъ, имѣвшіе другія четыре, долго не признавались; но, наконецъ, бывъ въ томъ уличены и обысканы, повиновались и письма отдали.

Карскій Паша извѣщалъ, что онъ, хотя и получилъ отъ Султана фирманъ о истребленіи Шерифъ-Паши, Ахалцихомъ завладѣвшаго, но что, по обстоятельствамъ, исполненіе того отлагаетъ до нѣкотораго времени, и по тому проситъ, чтобъ войска Россійскія, для вспоможенія ему обѣщанныя, не тревожились.

Между тѣмъ доходили свѣдѣнія, что Царевичъ Александръ, не токмо Джарскихъ и Белоканскихъ Лезгинцевъ къ вспоможенію себѣ приглашаетъ, но что оныхъ выписываетъ и изъ Дагестана, съ обѣщаніемъ по 50 руб. на человѣка. Также, что Царевичъ Александръ и Ханъ Ганжинскій писали къ Шамшадильскому Султану, Наси-Беку, чтобъ онъ, съ повинующимися ему Татарами, присягнувъ Царевичу Александру и прибывъ къ нему въ Ганжу, страдая при томъ, что, если того не выполнить, то будетъ оружіемъ Ганжинскаго войска наказанъ. Послѣ уже сего извѣстія, отправлены въ Шамшадилы двѣ егерскія роты.

Царица же Дарія тайно не преставала дѣйствовать къ питанію пламени возмутительнаго; ибо, въ концѣ Сентября, отправила къ Царевичу Александру человѣка съ письмомъ, коимъ его убѣждала поспѣшать выполненіемъ предпринятаго, увѣдомляя, что Кахетинскіе Князья всѣ къ содѣйствію готовы, а Царевичи Юлонъ и Парнаозъ въ Имеретіи только того и выжидаютъ, чтобъ онъ началъ.

Въ сіе же время извѣстно стало, что властвующій въ Персіи Баба-Ханъ писалъ къ Дагестанскому Владѣльцу, Ахметъ-Хану-Султану, чтобъ они имѣли въ готовности вспомогательное войско, для соединенія онаго съ Персидскимъ, въ Грузію назначеннымъ.

Имеретинскій Царь посылалъ къ Шерифъ-Пашѣ съ просьбою о присылкѣ къ нему еще Лезгинцевъ, что Паша и обѣщалъ выполнить, ожидавши къ себѣ оныхъ до 600 человѣкъ.

Гуріельскій Владѣлецъ къ сему же послѣ прибѣгалъ съ подобной просьбой; но Паша ему въ томъ отказалъ, отозвавшись, что обѣщалъ ихъ Царю Соломону.

Въ началѣ Октября получены извѣстія отъ Подполковника Симоновича.

Смотря отъ 3-го Октября донесеніе.

Въ теченіе сего времени располагался внѣшними врагами Грузіи операціонный планъ къ нападенію на оную соединенными силами, но который, однако же, по строжайшему развѣдыванію, сталъ извѣстенъ, а именно:

Царевичъ Имеретинскій, съ Царевичами Юлономъ и Парнаозомъ, располагался напасть, съ помощью Шериѣ-Паши, на Карталинію; Ханъ Ериванскій на Бамбаки; Ганжинскій, съ Царевичемъ Александромъ, на Шамшадилы; Дагестантскіе и Джарскіе и Бедоканскіе Лезгинцы на Кахетію; по чему и приняты были въ войскахъ всѣ нужныя мѣры осторожности; а въ то же время пришли въ Тифлисъ съ Кавказской Линіи 6 ротъ гренадеръ, 600 егерей и 2 артиллерійскія орудія, каковое умноженіе нѣкоторымъ образомъ могло и утратить неблагонамѣренныхъ.

Когда всѣ таковыя извѣстія получались, и когда деташементъ предпринималъ мѣры осторожности, въ то самое время Правитель изволилъ отнестись къ Командующему съ потребованіемъ повелѣнія на кордонъ о впускѣ чрезъ оный идущихъ въ Тифлисъ для торговли Лезгинцевъ.

Въ одинъ день ихъ въѣхало 102 человекъ, а въ послѣдствіи прибавлялось и было всего 158 человекъ, которые, конечно, не оставляли развѣдать все, что нужно имъ было. Правителю хотя и было сдѣлано отъ Г. М. Лазарева примѣчаніе на счетъ несообразнаго количества оныхъ, которое впущено, но Правитель отзывался, что онъ дозволеніе такъ далъ на основаніи повелѣнія Главнокомандующаго, и что они мирны и неопасны.

Но, вмѣсто того, они-то и опасны были; ибо одинъ, возвратившійся изъ плѣна, вольнослужащій, пришедъ ко мнѣ, сказывалъ:

Что онъ, находившись долгое время у Лезгинъ, ихъ всѣхъ знаетъ: что, когда онъ прослышалъ о ихъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, то пошелъ къ ихъ каравану, но не токмо что онъ ихъ, но и они его узнали; однако же, сколько онъ ни старался съ ними зачинать разговора, они его отъ себя отклоняли. Сін Лезгины были въ Тифлисъ отнюдь не мирны, а посланные, подъ видомъ торговли, изъ большаго селенія близъ Дагестана, Карака, въ коемъ до 400 дворовъ и которое отстоятъ отъ Белоканъ на 7 дней верховой ѣзды. Въ семь же селеніи содержится у нихъ 40 человекъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ егерскій поручикъ Волковъ.

Въ половинѣ Октября мѣсяца достигли офиціальныя извѣстія,

что Ханъ Ериванскій дѣлаетъ заготовленія провіантомъ для собираемаго войска совсѣхъ мѣстъ въ Еривань; что также въ Нахичевани онаго собралось до 4-хъ тысячъ человѣкъ, и что въ Ечмиадзинѣ укрѣпляется Лжепатріархъ Давыдъ. Всѣ же сіи приготовления дѣлались на случай тотъ, когда бы войска Россійскія возымѣли виды на область Ериванскую.

20-го Октября получены были офиціальныя же извѣстія, что Ханъ Ганжинскій обѣщалъ всю жизнь свою посвятить Царевичу Александру, а имѣніе свое на его услуги. Что Царевича видають всегда въ мечети на богослуженіи и называютъ Мусульманиномъ; что сей Ханъ описывается со всѣми Ханами и ихъ убѣждаетъ себя послѣдовать для возстановленія въ Грузіи дома Царевича Ираклія; что еще послано отъ Ганжинскаго Хана въ Джары и въ Белоканы съ приглашеніемъ 5,000 человѣкъ для сей экспедиціи и съ обѣщаніемъ каждому по 50 руб. Если же не достанетъ у него для заплаты имъ денегъ, то Ханъ обѣщалъ имъ до расплаты отдать въ залогъ дѣтей знаменитѣйшихъ Армянъ, за что сіи на Хана въ такой злобѣ, что намѣреваются, по приближеніи войска Росскаго, связавъ Царевича Александра, къ начальнику онаго прислать. Что Ганжинскій Ханъ ведетъ частую переписку съ Казахскими владѣльцами, и что они его увѣряютъ въ своей готовности къ содѣйствію съ его войскомъ, когда оное соберется. Что Казахскій Агаларъ, Папа-Ага, сносится также съ Ханомъ, и что, яко бы, по прибытіи ротъ егерскихъ въ Шамшадилы, онъ Хана увѣдомлялъ, чтобъ онъ сего войска не страшился, а продолжалъ бы собирать свое. Что сынъ Ханскій также собираетъ вооруженіе, чтобъ съ онымъ слѣдовать на рѣчку Заганъ, гдѣ обитають прежде бѣжавшіе изъ Шамшадилъ Татары, и ихъ помѣстити ближе Ганжѣ, но по видимому имѣетъ онъ, кромѣ сего, или подъ симъ предлогомъ, какое либо другое намѣреніе; наконецъ, что въ Ганжѣ все готовится къ оборонѣ, укрѣпляютъ стѣны пушками и Царевичу строкотъ домъ,

Въ началѣ же Ноября мѣсяца разгласились слухи, что, яко бы, Шерифъ-Паша, Ахалцихомъ завладѣвшій, изъ онаго нѣкоимъ чиновникомъ убитого въ Имеретіи Сабудъ-Паши, Селимъ-Агой, оттуда вытѣсненъ. Слухи сія въ послѣдствіи подтвердились, и вотъ какимъ образомъ сіе случилось:

Послѣ убіенія въ Имеретіи несчастнаго Сабудъ-Паши, чиновникъ его, Селимъ-Ага Химшія-Швили, удалившись изъ

Имеретин, скитался долгое время въ Грузіи, а потомъ уѣхалъ къ Аджарскому владѣльцу Селимъ-Агѣ-Ахеджіани (Апары между Имеретіей и Ахалцихомъ), питая всегда въ сердцѣ мщеніе за Сабудъ-Пашу какъ къ Царю, такъ и къ Шерифъ-Пашѣ.

Въ то время, когда Г.-М. Лазаревъ приближался съ баталіономъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, къ Ахалциху, по прежнему предложенію Шерифъ-Паши, для истребленія общими силами Лезгинцевъ, въ области Ахалцихской укрывающихся, тогда Селимъ-Ага-Химшія-Швили, коего голову неоднократно Шерифъ-Паша просилъ у Царевича Имеретинскаго, написалъ къ Шерифъ-Пашѣ, что хотъ бы ему и слѣдовало сдѣлать мщеніе за своего господина, но что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда войска Россійскія угрожаютъ впаденіемъ яко бы въ Ахалцихъ, то онъ, Химшія-Швили, его въ томъ предваряя, по единовѣрію ему предлагаетъ свои услуги въ томъ, что не токмо самъ собою общается ему въспомоществовать, для удержанія за нимъ Ахалциха, но и склонить къ тому же и Селимъ-Агу Ахеджіани Аджарскаго. Что если онъ, Шерифъ Паша, не отвергнетъ его предложенія, то, въ увѣреніе, чтобъ къ нему въ Адары прислать аманатами брата своего и нѣсколькихъ первѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ своихъ чиновниковъ.

Шерифъ-Паша, дѣйствительно испугавшійся приближенія Г.-М. Лазарева къ своимъ предѣламъ, принявъ предложеніе Селимъ-Аги-Химшія-Швили, прислалъ къ нему и требуемыхъ аманатовъ. Но коль скоро сіи явились, то оба Селимъ-Аги, изготовивши на сей случай впередъ для нихъ угощеніе, заняли ихъ онымъ, а въ продолженіе того, по знаку окружившая ихъ услуга, въ одну минуту кинжалами лишила ихъ головъ.

Истребивши сей хитростью тѣхъ людей, коихъ наиболѣе они опасались, немедленно съ собраннымъ войскомъ и съ нѣсколькими Лезгинцами, отъ Царя отвлеченными, напали въ распахъ на Ахалцихъ, истребивъ въ ономъ до 400 единомышленниковъ Шерифъ-Паши, который спасся бѣгствомъ съ 20-ю человѣками въ крѣпость Турецкую Олету, не подалеку отъ Арзрума.

Извѣстія изъ Имеретіи.

Смотри донесеніе отъ 20-го Ноября. Пожаръ въ Тифлисѣ 17-го.

Стоящій съ отрядомъ въ Бомбакахъ Полковникъ Корягинъ, рапортомъ въ теченіи сего времени Г.-М. Лазареву донесъ о

полученныхъ имъ извѣстій, что Калъ-Балы-Ханъ Нахичеванскій, согласившись съ Баязетскимъ Нашей, вознамѣрился напасть на Карскаго Пашу, для возстановленія въ Ахалцихѣ Шерифъ-Паши, и что у него, Калъ-Балы-Хана, состоитъ къ приведенію того въ дѣйство въ готовности до 10,000 вооруженныхъ.

Что подтверждалъ и Паша Карскій съ просьбой о вспоможеніи ему силами противъ непріятеля; по чему отъ Г.-М. Лазарева и было предписано то исполнить, въ случаѣ движенія Калъ-Балы-Хана.

Вскорѣ послѣ сего Карскій Паша увѣдомлялъ помянутаго Генераль-Маіора, что Шерифъ-Паша, послѣ побѣга своего изъ Ахалциха, собравъ до 600 человекъ конницы, хотѣлъ завладѣть крѣпостью Орданакъ, но нашедъ оную занятою Карскимъ войскомъ, ретировался въ Ольту, но, бывъ преслѣдуемъ Селимъ-Агой-Химшія-Швили и братомъ Карскаго Паши, Кара-Бекѣмъ, растерявъ конницу, скрылся въ Баязетъ къ Пашѣ, своему родственнику, давшему ему потомъ 300 человекъ, съ которыми Шерифъ-Паша ушелъ въ селеніе Алахнара. А Селимъ-Ага-Химшія-Швили, съ своимъ войскомъ, атаковалъ Ольту, принудивъ обратиться изъ оной въ бѣгство всѣхъ, Шерифъ-Пашѣ преданныхъ.

Перваго Декабря получены рапорты съ кордоновъ въ Кахетіи, что Царевичъ Александръ, прибывъ яко бы въ Белоканы, намѣревается съ Лезгинскими войсками учинить нападеніе на крѣпость Сигнахскую; другое же извѣстіе получено, что одинъ изъ Карданагскихъ Князей, бѣжавшій нынѣшней весной къ Царевичу Александру, пріѣзжалъ въ свой домъ, и, въ оную живущую цѣлую недѣлю, отбиралъ отъ Кизицкихъ Князей соглашеніе, куда лучше сдѣлать экспедицію Царевичу Александру: на Сигнахскую ли крѣпость, или на замокъ и селеніе Кварели?

Въ тотъ же день получены Главнокомандующимъ Генераломъ извѣстія съ границы Имеретинской, что къ стоящему съ отрядомъ въ Сурамѣ Капитану Бартеневу пріѣзжали изъ волости Хешишь Хеобы Декапозъ и два Мамасахлисы, съ изъясненіемъ, что они, чрезъ прибывшаго къ нимъ въ селеніе изъ Кутаиса дворянина, извѣщены, что Царевичъ Константинъ вдругъ распухъ и находится въ опасности, и что полагаютъ, что ему, по повелѣнію Царя, данъ въ пищу ядъ.

3-го подтверждалось извѣстіе о покушеніи Царевича на Кахетію рапортомъ Г.-М. Гулякова, въ коемъ означались два Кахет-

скіе Князя: Вачнадзевъ и Мардала-Швили, участвовавшіе и въ прежнемъ бунтѣ. По чему и приняты были мѣры осторожности для отраженія непріятеля.

Послѣ полудня пришелъ къ намъ Армянскій Архіепископъ Іоаннъ съ объявленіемъ, что Патріархъ Даніилъ, будучи приглашенъ въ Баязетъ тамошнимъ Пашею, силой отправленъ въ Ечміадзинъ и измѣнически преданъ Лжепатріарху Давыду.

Смотри донесеніе отъ 4-го Декабря по сему дѣлу.

Того же вечера пріѣхалъ изъ Еривани посланецъ съ письмами къ Правителю Г.-М. Лазареву.

Словесныя препорученія, отъ Хана ему данныя къ Правителю, состояли, какъ увѣряютъ, въ томъ, что Лжепатріархъ Давыдъ обѣщалъ Правителю великую сумму, если онъ его будетъ поддерживать и способствовать къ его утвержденію въ Патріаршествѣ. Къ Г.-М. Лазареву онъ имѣлъ препорученія, изъявленные въ моемъ донесеніи отъ 5-го числа.

4-го Декабря получилъ я письмо отъ Царя Имеретинскаго, заключавшее въ себѣ сообщенія о его движеніяхъ противъ Дадіана и что яко бы Абхазинцы, покусившіеся подать помощь Дадіану, побуждены были обратиться въ бѣгство. Графъ же Мусинъ-Пушкинъ сообщалъ мнѣ письмо, имъ полученное отъ Мдиванъ-Беки Князя Леонидзева, коимъ сей увѣдомляетъ о храбрыхъ подвигахъ Царя, говоря, что онъ, завоевавъ Одиши, Лечхумъ, Суанети, Гурію, и Абхазы, распространилъ предѣлы свои до самаго Чернаго моря или Понта.

5-го Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Карскаго-Паши письмо, коимъ онъ его увѣдомлялъ о полученномъ имъ фирманѣ отъ Султана на непремѣнное истребленіе Шерифъ-Паши, прогнаннаго изъ Ахалциха, съ коего и копію, при письмѣ своемъ, прилагалъ, и на старательство о возвращеніи отъ Хана Ериванскаго земли, изъ области Карской имъ отхваченной.

Съ кордона же получены извѣстія, что Калъ-Балы-Ханъ, собиравшій войска противъ Карскаго Паши, оныя опять распустилъ.

7-го Г.-М. Лазаревъ, бывъ приглашенъ къ Князю Гарсевану Чавчавадзе, для нѣкотораго разговора, содержаніе коего было объ общественныхъ неудовольствіяхъ на Правительство и о желаніи общества писать Государю Императору, Г.-М. Лазаревъ ему совѣтовалъ отъ того удержаться, по крайней мѣрѣ до при-

бытія новаго Главнокомандующаго на Линію, но Князь Чавчавадзе въ ему на то возразилъ, что ожиданіе таковое будетъ тщетно; ибо Правитель всячески преграждаетъ пути въ Россію; но Г.-М. Лазаревъ предлагалъ къ услугамъ его своихъ курьеровъ. На вопросъ Г.-М. Лазарева, Князю Чавчавадзе сдѣланный: доволенъ ли народъ войсками? онъ увѣрялъ клятвенно, что въ разговорахъ съ нѣкоторыми народными старшинами о надобности снабжать войска дровами, свѣчами и жилищемъ, (слышалъ) то что, они не токмо сію обязанность на себя принимаютъ, но считаютъ, что не было бы имъ въ тягость и пищей снабжать, по возможности, войско, ихъ защищающее отъ сосѣдственныхъ непріятелей, но что они выходятъ изъ терпѣнія отъ угнетеній Земскаго Начальства. Между прочимъ Князь Чавчавадзе сообщилъ Г.-М. Лазареву, что Г. Коваленскій, обольстивъ нѣсколькихъ Князей, а именно: Князя Ивана Сардаря Орбеліанова, зятя его, Князя Тарханова, Князя А. Макаева, ихъ убѣждаетъ къ подписанію благодарнаго себѣ листа, съ показаніемъ въ ономъ желанія всего дворянства Грузинскаго, въ видѣ просьбы къ Государю Императору, чтобъ Коваленскаго оставить на всегда для управленія Грузіей.

Царевичъ Давидъ, того вечера меня посѣтившій, между разговоромъ, мнѣ сказывалъ происшедшее между имъ и Правителемъ непріятное объясненіе у Сардаря Орбеліанова на обѣдѣ 6-го числа; что Правитель, будучи побуждаемъ разгоряченными парами, изъявилъ ему свое негодованіе за то, что онъ, съ супругой и другими Царевнами, обѣдалъ 4-го числа у Г.-М. Лазарева, а что не поѣхалъ прежде того къ нему, когда онъ ихъ приглашалъ. Царевичъ ему отвѣчалъ, что онъ за честь себѣ считаетъ, когда бываетъ у Г.-М. Лазарева, который себя такъ ведетъ, что Царевнамъ быть у него въ домѣ не предосудительно, а что, напротивъ, Г. Правитель, поступками своими и неограниченной вольностію своею въ обращеніи, всѣхъ огорчилъ. Правитель, на сіе озлобясь, ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ въ немъ цѣны, и что Г.-М. Лазаревъ есть совершенный ихъ врагъ, по тому что онъ яко бы дѣйствуетъ къ потери ихъ Царства и къ присоединенію онаго къ Имперіи. Царевичъ, мнѣ о семъ изъясняя съ большимъ огорченіемъ, привосокупилъ, что хотя для него лично не можетъ почестся обидой какъ постонокъ, содѣянный отъ дѣйствія горячихъ паровъ, но что вообще они краснѣютъ отъ такихъ униженій предъ своими сосѣдами, и тогда еще, когда они, совершенно

будучи увѣрены о милостивѣйшемъ къ нимъ расположеніи Государя Императора, должны спосить грубости отъ ничего незначащей особы.

Еще же Царевичъ мнѣ сказалъ, что Правитель, имѣя у себя ежедневно по вечерамъ сходбища помянутыхъ трехъ Князей: Орбелианова, Тарханова и Макаева, коимъ переводчикомъ служитъ Князь Соломонъ Аргутинскій, трактуетъ съ ними, по секрету, о новомъ планѣ Правленія Грузинскаго, которое имѣетъ за основаніе раздѣленіе Грузіи по народамъ, то есть, на Карталинію, Кахетію и поколѣнія Татаръ всѣхъ вообще, изъ коихъ каждая бы управлялась по узаконеніямъ и обычаямъ своимъ, а всѣ бы вообще зависѣли отъ Главнаго Управленія чиновника Россійскаго съ наименованіемъ, нынѣ существующимъ, Правителя Грузіи. Что Г. Коваленскій, имѣя съ сими людьми сіи тайныя конференціи, ихъ увѣряетъ, что каждый изъ нихъ получитъ въ управленіе означенныя части, а именно: Князь Орбелиановъ Карталинію, Князь Макаевъ—Кахетію, а Тархановъ—всѣхъ Татаръ, съ тѣмъ, чтобъ они, съ своей стороны, употребляли старанія, чтобъ общество дворянское первыхъ двухъ частей и старшины послѣдней просили Государя Императора о утвержденіи въ званіи Генеральнаго Грузіи Правителя его, Г. Коваленскаго.

Кромѣ же того Правитель, обольщая такимъ образомъ людей, совѣтуетъ съ ними о новомъ налогѣ сбора хлѣба.

Для лучшаго же сихъ людей увѣренія и обольщенія, Правитель опредѣлилъ Приставомъ къ Шамшадильскимъ Татарамъ Князя Тарханова, давно того искавшаго.

NB. Шамшадильскіе Татары привыкли повиноваться Моураву Татаръ Кизихскихъ. Сіе назначеніе Князя Тарханова въ Шамшадилы Моуравомъ основано еще на другой интригѣ, и именно той, что домъ Орбелиановыхъ изъ давняго времени враждуетъ съ домомъ Князя Чавчавадзева, коего старается угнетать всѣми мѣрами Правитель, избравшій способъ преклоненія къ себѣ Тарханова и опредѣленія его въ Шамшадилы Моуравомъ, для огорченія Князя Чавчавадзева, носящаго званіе Моурава Кизихскихъ Татаръ, весьма его почитающихъ.

Весьма не трудно изъ сего заключить, что послѣдовать можетъ впредь, и что Правитель, для своихъ интригъ, упускаетъ изъ виду пользу государственную, приведя себѣ на память путешествіе Главнокомандующаго по Грузіи и внушенія, Правителемъ

ему дѣланныя, о непреклонности Татаръ ко внушеніямъ Князя Чавчавадзева къ учиненію присяги, и посылку Князя Тарханова въ слѣдъ за Главнокомандующимъ съ рекомендаціей, что онъ имѣя надъ Татарами вліяніе, одинъ въ силахъ ихъ къ тому уговорить, и наконецъ возвращеніе его отъ Татаръ съ ложнымъ донесеніемъ, что не токмо о Начальствѣ не хотятъ слышать, но еще менѣе о присягѣ.

8-го числа, въ вечеру, пришелъ къ намъ сынъ Князя Чавчавадзева, для разсказанія страннаго происшествія. Въ тотъ день прибылъ въ Тифлисъ изъ Шамшадилъ, тамошнихъ Татаръ Старшина Султанъ-Насибекъ, и, по прибытіи, прямо пошелъ къ Князю Чавчавадзеву, а потомъ къ Г.-М. Лазареву, котораго не заставъ дома, пошелъ къ Правителю.

Правитель, чрезъ посредство, Коменданта, своего племянника, провѣдавшій, тотчасъ послалъ сыскать сего Султана, но какъ выше сказано, что онъ ходилъ туда и сюда, то посланный, не найдъ его, о томъ Правителю и донесъ.

Когда же Султанъ къ нему явился, то онъ прегрозно на него сдѣлалъ нападеніе, съ требованіемъ отъ него отчета, по чему онъ осмѣлился являться прежде у Чавчавадзева и у Г.-М. Лазарева, говоря, что сіи люди ничего не значущіе, и что онъ одинъ Батоно и Властитель. Въ заключеніе же того приказалъ, тутъ стоявшему, Коменданту, своему племяннику, взять сего Султана и посадить на гауптвахту. Но тутъ же находившійся Приставскій Помощникъ Шамшадильскихъ Татаръ, Варламовъ, ставъ на колѣни, упрашивалъ Правителя о помилованіи, которое, въ видѣ милости, Правителемъ было даровано отпѣной ареста и наставленіемъ, чтобъ Султанъ впредь зналъ, что онъ Батоно въ Грузіи.

Наси-Бекъ же, безъ смущенія ему по Татарски отвѣчалъ, что до сихъ поръ ему никто не запрещалъ ходить, куда ему хотѣлось, то что и теперь не хочетъ вѣрить, чтобъ Правитель могъ ему то запретить. Переводчикъ, однако же, сего Правителю не перевелъ.

NB. Сцена сія, или лучше огорчительная комедія Правителя съ Султаномъ Наси-Бекъ не можетъ не имѣть дурныхъ слѣдствій, какъ по тому что, сей Султанъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ

въ Шамшадинахъ, будучи Магометаниномъ, никогда сей обиды не забудетъ, а прочіе Старшины отъ него о томъ когда узнаютъ, и при томъ, когда къ нимъ пріѣдетъ Князь Тархановъ, новый ихъ Моуравъ, то надобно съ терпѣніемъ токмо ожидать, что наконецъ будетъ.

9-го поѣхалъ изъ Тифлиса обратно въ Ериванъ посланецъ Ханскій, съ коимъ вмѣстѣ тутъ же отправленъ отъ Правителя Персіяннѣ, гражданинъ Тифлискій, Алли-Верды. Сколько я ни старался узнать о предметѣ его въ Ериванъ отправленія, но ничего узнать не могъ, кромѣ, что яко бы ему даны письма отъ Правителя къ Хану и къ Лжепатріарху Давыду, съ увѣреніемъ сего послѣдняго, что онъ будетъ въ санѣ Патріаршемъ сильнѣйшимъ образомъ, поддерживаемъ Г. Коваленскимъ.

10-го получилъ Г.-М. Лазаревъ рапортъ отъ Г.-М. Гулякова изъ Телава о слухахъ, въ Кахетіи разглашающихся, что Царевичъ Александръ и Алискандъ, племянникъ покойнаго Дагестанскаго Владѣльца, Омаръ-Хана, прибыли съ войскомъ въ Белоканы и предпринимаютъ нападеніе (на селенія), за Алазанью лежащія. Еще же получены свѣдѣнія, что отъ Царевича Александра пріѣзжали четыре Грузинскіе Князья, съ нимъ шатающіеся, въ селенія Гаваза, Шильды, Кварели, Кремны, Сабуръ и Енисели, для подговоренія тамошнихъ Князей и народа къ содѣйствію въ его предпріятіи къ нападенію на войска Россійскія, съ увѣреніемъ, что у Царевича Александра будетъ собрано до 7,000 конницы и до 8,000 пѣхоты Лезгинскихъ; планъ же ихъ нападенія, сколько извѣстно, былъ тотъ, что пѣхота должна напасть на селеніе Велищаха и округъ лежащія деревни, а конница на Шильду, Гавазу, Кварели и окрестныя.

При помянутомъ же рапортѣ сообщалось замѣчаніе на счетъ удаленія жителей Шильды отъ Русскихъ въ то время, когда тамъ получены были извѣстія о покушеніи Царевича Александра, и когда стоящая тамъ рота, по приказанію Маіора Будберга, перемѣнилась съ экипажемъ въ замокъ, то одинъ изъ Князей, стоя у воротъ, изрыгалъ неистовыя ругательства на Россіянъ и вознамѣрился бѣжать.

Того же дня приходилъ къ намъ Князь Тамазъ Орбеліановъ, пріѣхавшій изъ Демургеши, своего помѣстья. Онъ сообщилъ намъ извѣстія, что пріѣхавшіе изъ Ганжи Татары, бывшіе тамъ для торга, рассказывали, что Царевичъ Александръ находится въ

Ганжѣ, и что къ нему прибыли нѣсколько старшинъ Лезгинскихъ, которыхъ онъ съ своимъ человекомъ отправилъ къ Баба-Хану, не извѣстно точно за чѣмъ, но, какъ слухи тамъ носились, то для того, что они, будто, опасаются предпріятій какихъ либо отъ войскъ Россійскихъ, то поѣхали къ Баба-Хану, для совѣщанія по сему предмету и для установленія какихъ либо, по видимому, соглашеній.

11-го, по утру я получилъ записку Архіепископа Армянскаго Іоанна, къ Коллежскому Ассесору Яковлеву писанную, о перехваченныхъ бумагахъ къ Архимандриту Карапету, отъ Лжепатріарха Давыда привезенныхъ, и въ ту же минуту пріѣхалъ ко мнѣ самъ Архіепископъ, съ словеснымъ о томъ донесеніемъ.

Смотри слѣдствіе въ моихъ донесеніяхъ, отъ 15-го Декабря.

Сего же дня получено было извѣстіе, что Царевичъ Александръ, 6-го сего мѣсяца, выѣхалъ изъ Ганжи, въ провожаніи многихъ Лезгинъ, къ нему пріѣхавшихъ въ Джары.

13-го дошло до меня, посредствомъ Г.-М. Лазарева, извѣстіе, за тайну ему конфидентомъ донесенное, что мѣсяца съ два тому назадъ отправленъ изъ Тифлиса въ Тейранъ къ Канимъ-Хану письмо за многими печатями; изъ коихъ извѣстныя Царевича Давыда, бывшаго при покойномъ Царѣ Георгіи Назира Персіанина Мирза-Араби, Сардаря Князя Орбеліанова и Армянскаго Мелика Дирчи-Бебутова. Содержаніе сего письма заключало просьбу о вспоможеніи въ какихъ то ихъ намѣреніяхъ, и что, если вспоможенія Канимъ-Ханъ имъ дать въ состояніи, то чтобъ о томъ увѣдомилъ.

Сей же конфидентъ объявилъ Г.-М. Лазареву, что на дняхъ пріѣзжалъ изъ Ганжи нѣкто дворянинъ Гадсарбековъ, имѣвшій тайныя и неизвѣстныя порученія отъ Царевича Александра къ Царицѣ Дарин, отъ коей съ таковыми же обратно отправленъ и въ Ганжу поѣхалъ съ посланнымъ отъ Правителя къ Хану Княземъ Іосифомъ Бебутовымъ, для вырученія остановленнаго въ Ганжѣ каравана Грузинскаго купечества, отправившаго оный туда по обыкновенію за рыбой; что порученія Царицы состояли въ приказаніи Царевичу Александру поспѣшать прибытіемъ въ Джары, и не упущать изъ виду извѣстныхъ его предпріятій.

Возвратившійся того дня изъ Ганжи Князь Іосифъ Бебутовъ, (съ коимъ пріѣхалъ въ Тифлисъ посланецъ и отъ Хана, чинов-

никъ Гургинъ-Бекъ), явившись у Г.-М. Лазарева, подтвердилъ извѣстіе, что Царевичъ Александръ, на другой день его пріѣзда въ Ганжу, оттуда отправился въ Джары, въ провожаніи 100 Лезгинцевъ, высланныхъ для того наперсникомъ Царевичевымъ, съ нимъ повсюду шатающимся, Кахетинскимъ Княземъ Тауберомъ; что въ Ганжѣ весьма желаютъ, чтобъ войска Россійскія туда пришли, и что всѣ Татары, Армяне гласно говорятъ, что они ни одного выстрѣла не сдѣлаютъ по Русскимъ, что Ханъ ему изъявлялъ свое негодованіе на то, что, войска Россійскія заняли область Шамшадильскую; что, на возвратномъ своемъ пути изъ Ганжи, онъ встрѣтилъ лѣтетьрехъ Армянъ, бывшихъ на охотѣ въ Самухѣ, и отъ нихъ слышалъ, что Нухинскій Ханъ собираетъ вооруженіе; на что, яко бы, ѣхавшій съ нимъ посланецъ Ханскій, Гургинъ-Бекъ, сказалъ, что вооруженіе сіе собирается противъ Хана Шушинскаго.

14-го, будучи у Князя Гарсевана Чавчавадзева, извѣстился отъ него самого, что онъ получилъ письмо отъ Царевича Александра, чрезъ посланца Ганжинскаго Гургинъ-Бека, которое сынъ Князя Чавчавадзева мнѣ перевелъ, и которое можетъ быть первое еще его признаніе, что жизнь, кою онъ ведетъ, ему наскучать начинаетъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

По изъявленіи Князю извѣщенія съ его благополучнымъ прибытіемъ, Царевичъ его увѣряетъ о почтеніи, которое къ нему издавна имѣетъ, какъ къ особѣ покойнаго отца его, Ираклія, а потомъ и брата, Георгія, важнѣйшія порученія имѣвшей. И наконецъ спрашиваетъ Князя Чавчавадзева, что какъ онъ нынѣ возвратился отъ Высочайшаго Двора Россійскаго, при коемъ находился по дѣламъ отечества ихъ, то въ какомъ положеніи оныя? Извѣстенъ ли Государь Императоръ, что они, дѣти Царскія, разсѣяны по разнымъ странамъ, скитаясь безъ пропитанія? И можетъ ли Государю быть угодно, чтобъ они въ бѣдствіи пропадали? Заключаетъ же тѣмъ, чтобъ Князь Чавчавадзевъ сіе его письмо представилъ, куда разсудитъ выше.

Князь Чавчавадзевъ у меня спрашивалъ, что ему съ симъ письмомъ дѣлать? Я же ему совѣтовалъ его представить Г.-М. Лазареву, что онъ и исполнилъ.

14-го, пришедшій къ Г.-М. Лазареву Квартирмейстеръ 17-го егерскаго полку, Подпоручикъ Сураловъ, употребляемый за переводчика, по знанію его Азіятскихъ языковъ, донесъ о разговорѣ,

который онъ имѣлъ съ 3-мя Грузинскими Князьями, его посѣтившими, а именно: Князь Сардаръ Орбеліановъ, Князь Тархановъ и Князь Сулханъ Тумановъ.

Князь Орбеліановъ началъ свое изъясненіе удивленіемъ, за что яко бы на него сердится Г.-М. Лазаревъ. Что Г.-М. Лазареву самому должно быть извѣстно его усердіе, неоднократно доказанное въ походахъ при войскахъ Россійскихъ; что развѣ за то, что онъ, до возмущенія еще Кахетинскаго, представлялъ сему Генералу о нѣкоемъ письмѣ, у Княгини Чавчавадзевоу имѣющемся, которое яко бы всему бунту было причиной; или за то, что, до прибытія еще въ Тифлисъ Князя Чавчавадзева, они яко бы обществомъ намѣревались отправить письмо къ Главнокомандующему, чтобы его до Тифлиса не допускать, будучи къ тому соглашаемы Правителемъ; или же за то, что они не согласуются съ Княземъ Чавчавадзевымъ въ предметахъ прошенія, которое онъ затѣялъ отправить къ Высшему Двору, и съ его мыслями о Высочайшемъ Манифестѣ, что по оному Грузія только въ покровительствѣ, а не въ подданствѣ, которое онъ подкрѣпляетъ сказаннымъ Вице-Канцлеромъ при врученіи Манифеста, что Государю угодно было только, чтобы Грузія была покровительствуема Скипетромъ Россійскимъ.

Онъ же, Орбеліановъ, продолжаетъ говорить, что желаніе Князя Чавчавадзева, къ коему онъ яко бы и ихъ преклонить хотѣлъ, есть то, чтобы паки избрать изъ рода Багратионовъ Правителя надъ ними, но что онъ, не согласуясь на сіе съ Княземъ Чавчавадзевымъ, удерживаетъ яко бы и всѣ прочіе умы въ соглашеніи съ собой.

Князь Тумановъ на сіе сдѣлалъ возраженіе въ сихъ словахъ: что они, Князья Грузинскіе, хотя люди и умные, но Россіяны до сихъ поръ еще не знаютъ; что онъ, будучи нѣсколько лѣтъ имѣлъ случай ихъ испытать; что Россіяне хитры болѣе, нежели они думаютъ, и что ими же можетъ быть Князь Чавчавадзевъ настроенъ на то, дабы, вовлекши и ихъ, для своихъ интересовъ, въ мнимые замыслы, тѣмъ удобнѣе ихъ сдѣлать виновными и подвергнуть какому ни будь взысканію, или отдаленію изъ отечества.

Князь Тархановъ, по окончаніи сего, вступивъ въ разговоръ, сказалъ, что онъ всегда также усердствовалъ Россіянамъ, и то ясно доказалъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ съ ними

согласно, противоборствуя Багратіонамъ; что единственная его къ тому цѣль была та, чтобъ сдѣлаться извѣстнымъ Государю; но что нынѣ видить, что труды его были тщетны; ибо никакого не удостоился получить награжденія, или отличія; что онъ однимъ днемъ, разговаривая о томъ съ Г.-М. Лазаревымъ, и услышавъ отъ него, что онъ многократно о его усердіи и о услугахъ дѣлалъ представленія, и что не считаетъ себя предъ нимъ виноватымъ въ томъ, что онъ ничѣмъ не награжденъ, ему, Г.-М. Лазареву, остроумной шуткой отвѣчалъ, что онъ потому, приходя къ Его Превосходительству, у него запасаея пищей, у Графа Мусина-Пушкина—виномъ, у Г.-М. Тучкова пьетъ арало, а у Правителя, Г. Коваленскаго, стоитъ и молчить, и наконецъ что за лучшее онъ избираетъ отъ всего удалиться.

Сардаръ Князь Орбеліановъ на сіе сказалъ, что онъ и весьма въ томъ увѣренъ, что Г.-М. Лазаревъ, отдавая ихъ услугамъ всегда справедливость, неоднократно оныя представлялъ Главнокомандующему, но что, какъ они имѣли при немъ злодѣя, то и остаются до сихъ поръ въ забвеніи и въ неизвѣстности у Государя.

Князь Орбеліановъ и Тархановъ единогласно послѣ сего сказали, что Генералу безъ нихъ и сдѣлаться никогда не можно, о чемъ они весьма извѣстны, что чрезъ два мѣсяца то случится, и что Генералъ долженъ самъ предвидѣть, по бумагамъ имъ на дняхъ полученнымъ, и по нѣкоторымъ внутреннимъ обстоятельствамъ.

НВ. Взявъ на замѣчаніе сіи послѣднія слова, дозволю я себѣ сдѣлать нѣкоторыя заключенія.

Если обратиться къ тому времени, когда, по открытіи Правительства въ нынѣшнемъ году, пронырствомъ Царицы Даріи, Правитель настаивалъ у Главнокомандующаго о повелѣніи, чтобъ собирать тогда же съ купечества, въ Тифлисѣ торгующаго, махтуніи подать, которая собиралась при Царяхъ, и отъ которой оное было уволено при Царѣ Иракліи, съ того времени, какъ Ага-Магометъ-Ханъ разорилъ сей городъ, а по смерти его и при Царѣ Георгіи, и вспомнить о волненіи, происшедшемъ въ купечествѣ отъ такого повелѣнія, отъ Главнокомандующаго происшедшаго; а при томъ, если токмо взять въ замѣчаніе тайныя конференціи Правителя у себя въ кабинетѣ съ Царицей Даріей, по нынѣ продолжающіяся, о содержаніи коихъ никто не извѣстенъ, то я позволяю

себѣ мыслить, что нынѣшніе поступки Правителя, то есть, тайныя его конференціи, какъ выше изъяснено, съ Князьями: Сардаремъ Орбеліановымъ, Тархановымъ, Макаевымъ и Аргутинскимъ, о раздѣленіи Грузіи на части, для введенія новаго Правленія, о новыхъ налогахъ сбора хлѣба и опредѣленіи Моуравомъ къ Татарамъ Шамшадильскимъ Князя Тарханова, не иное что суть, какъ дѣйствія или слѣпо, или за интересъ, производимыя по внушеніямъ Царицы Даріи, которая, употребляя самага Правителя на рожденіе въ народѣ неудовольствія, съ помощью Царевича Александра, съ коимъ, какъ извѣстно, она переписывается, по видимому, затѣваетъ паки волненіе, но гораздо сильнѣйшее того, которое было возникло въ Іюлѣ мѣсяцѣ. И, какъ кажется, весь планъ онаго состоитъ въ томъ, что колы скоро начнется въ дѣйство производиться сборъ хлѣба съ новаго года, то народъ, не будучи въ состояніи дать требуемаго, съ помощью огня, который тайно повсюду будетъ раздуваемъ Царицей, принужденъ будетъ рѣшиться на что либо послѣднее, а въ самое то мгновеніе, когда повсюду неудовольствіе возродится, Царевичъ Александръ подоспѣетъ съ многочисленной голпой Лезгинцевъ. Съ помощію Кахетинцевъ и Кизихцевъ, весьма не терпящихъ Земское Начальство, Правителю по родству и разнымъ связямъ преданное, можно ожидать пламени столь сильнаго, что едва ли и потушить оное будетъ возможность.

15-го числа былъ у Г.-М. Лазарева Ганжинскій посланецъ, Гургинъ-Бекъ, имѣвшій при письмѣ отъ Хана и словесное препорученіе, что Ханъ, желая всегда одинаково продолжать дружественныя связи съ Грузіей, съ удивленіемъ видитъ, что войска Россійскія заняли область Шамшадильскую, которую Ханъ почитаетъ себѣ принадлежащей: что прошедшей весной войска Россійскія, хотя также было заняли область сію, но что, когда Ханъ о неприличности того представлялъ Главнокомандующему, то что не токмо войска оттуда были выведены, но что Главнокомандующій общалъ о правахъ Хана на область Шамшадильскую донестъ Его Императорскому Величеству; что для Хана тѣмъ удивительнѣй кажется, что нынѣ войска Россійскія не токмо оную паки заняли, но даже и собираютъ хлѣбные налоги въ доходы Грузіи, которыя, по праву, должны принадлежать Хану; и наконецъ, что таковой поступокъ Россіянъ можетъ имѣть дурныя слѣдствія для нихъ самихъ, сказавъ при томъ, что и «овца лягнетъ, когда оную изловятъ въ стадѣ для убіенія.»

Г.-М. Лазаревъ отвѣчалъ посланцу, что онъ, съ своей стороны, пребываетъ непоколебимъ въ желаніи сохранять дружество съ Ханомъ, если токмо Ханъ не подастъ самъ повода къ разрыву онаго переменнѣй поступковъ своихъ, доброму и спокойному сосѣдству свойственныхъ, въ какіе либо предосудительные. А что касается до области Шамшадильской, то, руководствуясь Высочайшимъ Государя Императора повелѣніемъ о сохраненіи предѣловъ Грузіи въ томъ положеніи, какъ оныя были при послѣднемъ часѣ жизни послѣдняго Царя Георгія, и зная достоверно, что область сія въ то время Грузіи принадлежала, съ самой кончины Царя онъ ее признаетъ областью Россійскаго Государя Императора, какъ и всю Грузію.

Что прошедшей весной войска Россійскія отнюдь не по тому изъ Шамшадилей выведены, чтобъ область сію Главнокомандующій признавалъ Ганжѣ принадлежащей, но единственно по причинѣ жаровъ, дабы не утомить напрасно въ оныхъ войска, которыя нынѣ, по миновеніи оныхъ, паки туда вступили, какъ и прочіе отряды, по границамъ расположенные.

Что о сборѣ съ Шамшадильскихъ жителей хлѣбной подати можетъ посланецъ объясниться съ Правителемъ Грузіи.

Что же касается до слѣдствій, которыя могутъ, яко бы, потерпѣть Россіяне отъ того, ~~что~~ по мнѣнію Хана, они занимаютъ не принадлежащую имъ область, и до того, что овцы лягаются. Г.-М. Лазаревъ сказалъ посланцу, что храброе войско Россійское ни отъ кого еще уstraшено не было; что оно въ Грузіи весьма достаточно, чтобъ искоренить всякаго врага, который бы осмѣлился покуситься на что либо, общему спокойствію противное; кто же будетъ лягаться, то чтобъ берегъ голову.

17-го сообщилъ намъ конфидентъ, что Царица Дарія на сихъ дняхъ получила письмо отъ Царевича Александра такого содержанія, что онъ собираетъ войско, для возвращенія Царства Грузинскаго паки въ родъ Царя Ираклія. и что если, паче чаянія, имъ въ томъ не удастся, то чтобъ Царица запомновала, что у Царя Ираклія и у нея былъ сынъ, Царевичъ Александръ.

Того же утра Коллежскій Ассесоръ Яковлевъ мнѣ донесъ, что дѣйствующіе единомысленно съ Лжепатіярхомъ Давыдомъ къ гибели Патріярха Даніила, жительствующіе въ Тифлисѣ, Князь Соломонъ Аргутинскій, Уѣздный Казначей Армянинъ Бегтабеговъ, и помощникъ Моуравскій при Казахскихъ Татаряхъ, Мирабовъ, заключили

между собой въ тайнѣ отправить къ Лжепатріарху мнѣніе свое въ томъ, Что, какъ по поводу происшествія, съ Архимандритомъ его Карпетомъ на сихъ дняхъ случившагося (у коего перехвачены здѣшнимъ Правительствомъ, по просьбѣ Викарнаго Архіепископа, Іоанна, для управленія Епархіей здѣсь отъ Даніила находящагося, возмутительныя бумаги отъ Давыда), не предвидится ими возможности къ отправленію отсюда въ С.-Петербургъ къ Высочайшему Двору его бумагъ съ предположенными доказательствами о добровольности Патріарха Даніила яко бы принести раскаяніе предъ Лжепатріархомъ, и о проектируемомъ ими избраніи, яко бы народномъ, въ Патріархи Давыда, то чтобъ онъ употребилъ другое къ тому средство, ими предлагаемое: чтобъ отправилъ ложныя сіи документы съ нарочнымъ чрезъ Баку, по Каспійскому морю, въ Астрахань, къ Директору Тамошней таможни, Ассесору Иванову, коего они хотѣли о томъ предварить увѣдомленіемъ, чтобъ онъ, по полученіи оныхъ, переслалъ ихъ немедленно въ С.-Петербургъ, къ Армянскому Архіепископу Григорію, для представленія Министру.

Смотри донесеніе отъ 17 Декабря.

Того же вечера нашъ кофидентъ намъ донесъ, что бывшій здѣсь посланецъ Ганжинскій, Туфачъ-Бекъ, отъ имени своего Хана предлагалъ Правителю половину добычи, нынѣшней весной пограбленнаго Ганжинскаго каравана съ Шамшадильскимъ Султаномъ Наж-Бекъ, если онъ постарается другую возвратитъ Хану; что съ отвѣтомъ на сіе предложеніе отправленъ отъ Правителя къ Хану дворянинъ Патраловъ, на подобныя порученія употребляемый во всѣхъ случаяхъ.

19-го посѣтилъ насъ первѣйшій Агаларъ Казахскихъ Татаръ, пріѣхавшій въ Тифлисъ по дѣламъ, до Правительства относящихся.

Въ разговорахъ своихъ они обращались къ Г.-М. Лазареву съ негодованіемъ на бывшаго Главнокомандующаго въ томъ, что онъ не уважилъ просьбъ, ими изъявленныхъ при учиненіи присяги, отзываясь, что они о томъ паки будутъ представлять новому Главнокомандующему, и что его, Г.-М. Лазарева, поставятъ своимъ свидѣтелемъ.

Съ симъ Агаларомъ я имѣлъ послѣ секретный разговоръ.

желая почерпнуть отъ него свѣдѣнія, какая причина ихъ побуждаетъ быть недовольными и чего бы они желали.

Онъ мнѣ говорилъ, что они, Татары, народъ кочующій, и желали бы, чтобъ имъ дарованы были прежнія права и преимущества, то есть, чтобъ у нихъ на всегда оставался главой Князь Чавчавадзе; чтобъ войска къ нимъ на квартиры не были помѣщаемы, по тому что они, будучи Магометане, и твердо Вѣру свою соблюдая, не могутъ въ томъ согласоваться, чтобъ имѣть столь тѣсное сообщеніе съ Христіанами, и что они о томъ докладывали Главнокомандующему, но что онъ ихъ просьбамъ не внималъ.

Что онъ, Папа-Ага, лично за себя отвѣтствуетъ въ твердомъ храненіи присяги, имъ въ вѣрности Государю Императору учиненной, но не отвѣтствуетъ за народъ, могущій, при малѣйшемъ неудовольствіи, обратиться къ единовѣрнымъ сосѣдственнымъ народамъ и предпринять что либо худшее; что они, желая повиноваться одному Князю Чавчавадзе, просили объ удаленіи отъ нихъ помощника Мирабова, что также не исполнено.

Что Татары Шамшадильскіе, привыкшіе повиноваться одному и тому же, который управлялъ Казахскими, не терпятъ новаго у себя Моурава, Правителемъ съ нимъ опредѣленнаго, Князя Соломона Тарханова, по тому еще болѣе, что они весьма хорошо знаютъ, что таковое опредѣленіе сдѣлано безъ всякаго размышленія о пользахъ Государя и народа, но единственно по враждѣ Правителя и дома Орбеліанова съ домомъ Князя Чавчавадзе.

И что по тому Татары, все сіе почитая угнетеніемъ, безъ причины имъ дѣлаемымъ, могутъ отклониться отъ повиновенія и содѣлаться нарушителями присяги, ими учиненной.

Лаская Папа-Агу, я ему совѣтовалъ, по вліянію, которое онъ надъ всѣми Татарами имѣетъ, ихъ удерживать въ повиновеніи, и, по прибытіи сюда новаго Главнокомандующаго, ему о всѣхъ обстоятельствахъ и нуждахъ своихъ донести.

Въ тотъ же день получено Г.-М. Лазаревымъ офиціальное извѣстіе, что, прогнанный изъ Ахалциха, Шерифъ-Паша, прибѣгалъ подъ защиту къ Баязетскому Пашѣ, который, однако же, по силѣ Султанскаго фирмана, его не принялъ, но, наградивъ 15-ю ки-сами денегъ, отправилъ его къ Хану Ереванскому, обѣщавъ ходатайствовать въ Константинополѣ о его возстановленіи въ Пашинское достоинство въ Ахалцихѣ, и, если въ томъ успѣха имѣть

не будетъ, то будущей весной обѣщалъ самъ, съ помощью Куртовъ, Лезгинъ и Царя Имеретинскаго его возстановить.

20-го получено Г.-М. Лазаревымъ офиціальное извѣстіе о собраніи Царевичемъ Александромъ войскъ Ганжинскихъ, Шемахинскихъ, Нухинскихъ и Лезгинскихъ, для впаденія съ оными въ Кизицкую провинцію и на крѣпость Сигнахскую.

Пріѣхавшій сегодня отъ Карскаго Паша человекъ привезъ къ Г.-М. Лазареву отъ него письмо, коимъ Паша, увѣдомляя о намѣреніи Хана Ериванскаго и Нахичеванскаго, Калъ-Балы-Хана, силой оружія возстановить въ Ахалцихѣ Шерифъ-Пашу, по фирманамъ, у него и у прочихъ сосѣдственныхъ Пашей имѣющимся на истребленіе Шерифъ-Паши, просилъ Г.-М. Лазарева, чтобъ Россійскія войска, въ Бомбакахъ стоящія, сдѣлали движеніе къ Карсу, для воспрепятствованія Ериванскихъ толпамъ намѣреніе, ими принятое въ дѣйство произвести.

21-го присланы отъ Подполковника Симоновича къ Г.-М. Лазареву три шпиона Царевича Александра, на границѣ схваченные, съ письмами, у нихъ имѣвшимися; при рапортахъ, что возвратившійся изъ Имеретіи, посланный туда Княземъ Георгіемъ Амилахваровымъ, Дырбскій Моуравъ Максимъ привезъ извѣстіе, что Царь Имеретинскій столь стѣснилъ Дадѣа, что сей принужденъ былъ искать убѣжища въ предѣлахъ Поти и Джара, и что владѣнія его всѣ покорены Царемъ.

Что Царь заключилъ союзъ съ владѣльцами Гуріельскимъ, Абхазинымъ, Суанетскимъ и Лезгинцами, для возстановленія, при первомъ удобномъ случаѣ, Шерифъ-Паши въ Ахалцихѣ, который союзъ они утвердили взаимной присягой.

Что тому съ мѣсяць назадъ Царь Имеретинскій получилъ изъ Кахетіи письмо, которое, будучи завернуто въ патронницѣ, сверху крѣпко замазанной, провезено къ нему въ небольшомъ тулукѣ, виномъ наполненномъ; что содержаніе письма было:

Что коль скоро возстановленъ будетъ Шерифъ-Папа въ Ахалцихѣ, то чтобы сдѣлать на Русскихъ въ Грузіи всеобщее нападеніе, и именно Шерифъ-Пашѣ чрезъ Хеобу на Сурамъ, Царю Имеретинскому, со вспомогательными войсками, вступить въ верхнюю Карталинію, Царевичамъ Юлону и Парнаозу, съ таковыми же войсками изъ Рачи, чрезъ Осетинцевъ пробираться въ Карталинію же, Лезгинцамъ изъ Дагестана на Кахетію, а Царевичу Александру, съ войсками Адербижанскими, на Тифлисъ, обывате-

лявъ же Грузинскимъ въ назначенный день повсюду напасть на Русскихъ.

Что о Царевичѣ Константинѣ разнеслись ложные слухи, яко бы онъ былъ отравленъ, но что онъ по прежнему содержится въ крѣпости и здравствуетъ.

Того же вечера Царевичъ Давыдъ, меня посѣтившій, сказывалъ мнѣ о подтверждающихся слухахъ, что хотъ Царь былъ отраженъ Дадіаномъ и ретировался въ границы свои, расположивши свое войско на Цхенистъ-Цхали (рѣчка, разграничивающая Имеретію съ Дадіановой областью Одиши), но что Царь нынѣ возымѣлъ паки верхъ надъ Дадіаномъ, вытѣснивъ его изъ Лечхума и Одиши: что причиной тому раздоръ, происшедшій у Владѣльца Дадіана съ тремя братьями, отъ него отклонившимися и къ Царю предавшимися. Что по поводу сего раздора и Абхазинскій Владѣлецъ, Келешъ-Бекъ, вознамѣрившійся Дадіану вспомоцествовать увидѣвши перевѣсъ на сторонѣ Царя, отступилъ въ свои владѣнія.

По разсмотрѣнію же писемъ, у шпіоновъ схваченныхъ, главнѣйшія были: одно отъ изгнаннаго изъ Ахалциха, Шерифъ-Паши къ Царевичу Давыду, коимъ онъ его увѣдомлялъ, что онъ исправно получилъ его двѣ курьеровъ съ бумагами, для отправленія оныхъ къ своему Государю, но что того исполнить нынѣ не можетъ, по случаю зимняго времени. Другое, отъ Царевича Парнаоза къ Царевичу Александру съ изъясненіемъ, что посланному поручено многое ему изустно донести. Сей посланный, Грузинскій дворянинъ Джара-Швили, одинъ изъ шпіоновъ, въ допросѣ, ему сдѣланномъ, признался, что Царевичи, Юлонъ и Парнаозъ, ему поручили словесно донести Царевичу Александру: Чтобъ онъ всѣми силами старался о возстановленіи отечества и Дома своего; что они о томъ, съ своей стороны, прилагаютъ возможные старанія; что Юлонъ и Парнаозъ вскорѣ намѣрены ѣхать въ Рачу, и оттуда писать къ Черкесамъ (владѣльцамъ большой Кабарды), чтобъ они имъ также вспомоцествовали.

22-го сего утра мнѣ донесено, что Князь Георгій Амилахваровъ, Совѣтникъ Уголовной Палаты, откомандированный Правителемъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Карталинію, по востребовавшейся въ немъ надобности для охраненія кордона, имѣлъ яко бы отъ Правителя особое порученіе, состоявшее въ томъ, чтобъ, собравъ

Карталинскихъ Князей, ихъ убѣдить къ подписанію даннаго ему отъ Правителя листа, въ которомъ изъяснялось, что общество дворянства Кахетинскаго избираетъ ходатаями во всѣхъ своихъ дѣлахъ у Правительства Князей Сардаря Орбеліанова, Тарханова и Сулхана Туманова.

Что Князь Амилахваровъ о томъ обществу дѣлалъ предложенія и съ угрозами, и что, возвратившись оттуда на сихъ дняхъ, привезъ листъ, подписанный токмо четырьмя неизвѣстными особами. Что Правитель намѣренъ дополнить оныя здѣсь, въ Тифлисѣ.

23-го, съ нарочно присланныхъ изъ Георгіевска курьеромъ къ Г.-М. Лазареву, получены предписанія отъ Главнокомандующаго:

1-е, что онъ получилъ извѣстіе отъ Табасаранскаго и Аварскаго Владѣльцевъ; отъ перваго, что Сардаръ Баба-Хана, Пиръ-Кули-Ханъ, Карадацкаго Ата-Хана изгналъ изъ владѣнія, который и удалился въ Талышинскую область и что Пиръ-Кули-Ханъ намѣревается имѣть пребываніе свое на рѣкѣ Курѣ; а отъ втораго, что, по повелѣнію Баба-Хана, войска Персидскія возвратились къ Тегерану, и только малая часть осталась въ Адербижанѣ; что онъ, Аварскій Ахметъ-Ханъ, ~~и~~ вѣрное увѣдомился, что съ Грузинскимъ Царевичемъ Александромъ ~~и~~ условились къ нападенію на Россійскія войска въ Грузіи жители Курельскіе, Карскіе, Шильдскіе, Кизицкіе, обыватели Телавскіе, также и Джарскіе Лезгинны.

2-е. Чтобъ Г.-М. Лазаревъ отнесся къ Хану Ериванскому, что, какъ за достовѣрное уже извѣстно о неблаговидномъ происшествіи съ Патріархомъ Армянскаго народа, Даніиломъ, преданнымъ врагу своему, Давыду, и какъ таковое послѣдовало въ предѣлахъ его, Хана, то что за жизнь и за всѣ оскорбленія, особѣ Патріарха наносимыя, долженъ будетъ дать отвѣтъ онъ, Ханъ, и не одинъ словесный, или писменный, но неминуемо подвергнетъ себя справедливѣйшему гнѣву Его Императорскаго Величества, и что, восчувствуя тягость онаго, будетъ раскаяваться. Во исполненіе чего Г.-М. Лазаревъ, 24 Декабря, и отправилъ къ Хану, съ письмомъ своимъ, Князя Тамаза Орбеліанова.

Письмо въ донесеніи отъ 24 Декабря.

3. Чтобъ Г.-М. Лазаревъ отправилъ непремѣнно въ Кутаисъ Медицинскаго чиновника, для пользованія Царевича Константина, если будутъ подтверждаться извѣстія о данномъ ему въ пищу ядѣ.

Сего же дня получены Г.-М. Лазаревымъ рапорты отъ Подполковника Солениуса слѣдующаго содержанія:

1. Что исправляющій въ Сигнахскомъ Уѣздѣ должность Капитанъ-Исправника, Поручикъ Соколовскій, угрожаетъ разными словами жителей селенія Бадбельсхеви, Іосифа и Датія Зурабовыхъ, что по чему они ходятъ на ту сторону рѣки Алазани въ Лезгинскія селенія для узнанія о намѣреніяхъ Царевича Александра и хищныхъ Лезгинъ и о всемъ, тамъ происходящемъ, извѣщаютъ его, Подполковника, а не его, Исправника, говоря, что, по чему чрезъ его подчиненныхъ будутъ другія получать свѣдѣнія; за что также стращаетъ жителей налогами безпомѣрнаго сбора хлѣба, и пр. Жители же, боясь угрозъ, по многимъ призывамъ его, Г. Подполковника, къ нему не идутъ, отговариваясь домашнимъ дѣломъ, и что по тому ему посылать не кого для развѣдыванія о движеніяхъ, или намѣреніяхъ непріятельскихъ въ столь критическихъ нынѣ обстоятельствахъ. Что упомянутые Зурабовы, не отказываясь отъ оказанія услугъ своихъ, однако же не идутъ для развѣдываній, а другіе жители вовсе не идутъ; и что по тому къ показанію Г.-М. Лазареву заграничныхъ извѣстій онъ уже болѣе не находитъ способа, въ разсужденіи того, что какъ Зурабовы, такъ и еще два Армянина, сообщали ему таковыя единственно изъ усердія, а не за плату, на произведеніе каковой лазутчикамъ онъ, Подполковникъ, и суммы не имѣетъ. Что первые застращены Исправникомъ, а послѣдніе Армяне отправлены отъ Сигнахскаго Коменданта, Маіора Ольховскаго, съ его трехнедѣльными билетами въ Белоканы, а оттуда до нынѣ еще они не возвращаются. Что они проѣхали черезъ кордонъ облыжнымъ образомъ, сказавъ караульнымъ, что билеты у нихъ имѣющіеся яко бы подписаны имъ, Г. Подполковникомъ Солениусомъ; что онъ, Подполковникъ, хотя неоднократно подтверждалъ Юзъ-Башамъ за караулами, жителями содержимыми, имѣть строгое смотрѣніе, но что они на то отзываются нехотѣніемъ, представляя причиной то, что имъ обѣщано было отъ Главнокомандующаго за труды жалованье, котораго они не получаютъ. Во второмъ рапортѣ Г. Солениусъ доносилъ, что какъ онъ въ первомъ своемъ рапортѣ упоминалъ объ отправленныхъ въ Белоканы двухъ Армянахъ съ 3-хнедѣльными билетами Сигнахскаго Коменданта, съ подтвержденіемъ отъ него, чтобъ они къ нему, Подполковнику, не осмѣлились являться, и, буде въ противность того поступятъ, то подвергнутся жестокому

наказанію; что одинъ изъ сихъ Армянъ застрашанныхъ, прислалъ къ нему, Г. Подполковнику, письмо, съ объявленіемъ въ ономъ, что въ Джарахъ и Белокапахъ сдѣланъ уже закликъ для собранія 10,000 Лезгинскаго войска, съ конми, и съ подкрѣпленіемъ еще изъ Дагестана. Царевичъ Александръ намѣревается учинить нападеніе на Кизицкую область и на крѣпость Сигнахскую; но что не извѣстно токмо опредѣлительно времени, когда нападеніе располагается.

Что они, два Армянина, пришли бы сами къ нему, Подполковнику, съ сими извѣстіями, но опасаются чтобъ Комендантъ не исполнилъ своего обѣщанія, наградить ихъ 1000 ударами палочными.

24-го Армянскій Архіепископъ Іоаннъ мнѣ вручилъ бумагу, имъ полученную отъ Патріарха Даніила, въ которой подробно объяснены всѣ насилія, ему и всему духовенству въ Ечмиадзинѣ Давыдомъ сдѣланныя, къ вынужденію подписокъ отъ него, Патріарха, что яко бы онъ добровольно уступаетъ Патріаршество Давыду, а отъ Духовенства, что якобы оно Давыда въ Патріархи избираетъ; что вскорѣ подписки сін пришлются въ Тифлисъ, для присовокупленія къ онымъ тѣхъ, которыя въ семъ городѣ будутъ собираемы единомыслиниками Давыда.

Того же дня Г.-М. Тучковъ рапортомъ Г.-М. Лазареву донесъ, что взятый еще весной Грузинецъ подъ деревнею Хударети выкупленъ изъ плѣна Селимъ-Агой-Химшія-Швили изъ Ахалциха Шерифъ-Пашу вытѣснившимъ, и присланъ къ Подполковнику Симоновичу съ весьма дружескимъ письмомъ, съ увѣреніями, что онъ всѣ силы будетъ употреблять къ невпущенію Лезгинъ въ предѣлы Ахалцихскіе и къ ихъ истребленію. При семъ же рапортѣ представлены два письма, отобранныя отъ 3-хъ шпионовъ, отъ Симоновича къ Г.-М. Лазареву присланныхъ сего мѣсяца: одно отъ зятя Царскаго, Князя Малхаза Андронникова къ Царевичу Александру, коимъ его поздравляя съ благополучнымъ прибытіемъ въ Ганжу и съ ласковымъ пріемомъ, Ханомъ ему сдѣланнымъ, увѣдомляетъ объ успѣхахъ Паря Имеретинскаго надъ Дадіаномъ. А другое изъ Ахалциха къ дворянину Грузинскому, Глахѣ Цимахурадзе, съ подтвержденіемъ плана о нападеніи на Грузію со всѣхъ сторонъ.

26-го, посѣтившій меня Католицкій Патеръ Филиппъ между прочимъ мнѣ сообщилъ за достовѣрное извѣстіе, что Селимъ-Ага-

Химшія Швили, изъ Ахалциха выгнавшій Шерифъ-Пашу, Владѣтель Аджарскій Селимъ-Ага-Хипіани, Владѣтель Гуріельскій, и Абхазинскій Келешъ-Бекъ, заключили общій союзъ съ Владѣтельнымъ Княземъ Дадіаномъ сдѣлать нападеніе на Царя Имеретинскаго, какъ для отторженія его отъ Дадіана, такъ и для отмщенія ему за убіеніе Ахалцихскаго Сабудъ-Паши.

Сего же числа Г.-М. Лазаревъ получилъ отъ Г.-М. Гулякова изъ Телава рапортъ, что пріѣхавшіе 19-го числа изъ Белоканъ Сигнахскіе и Чалубанскіе Армяне привезли извѣстіе, что Лезгинскіе Старшины, по согласію съ Царевичемъ Александромъ, уже сдѣлали закликъ въ Джарахъ и Белоконахъ, дабы вооруженіе изъ оныхъ собиралось для слѣдованія съ Царевичемъ къ нападенію на Кизицкую область и на Сигнахскую крѣпость, которое уже тысячъ до 7-ми и собралось. Другой же Армянинъ, 20-го числа пріѣхавшій изъ Белоканъ, донесъ, что Царевичъ Александръ, съ помянутою 7-ми тысячною толпою, намѣревается ити на селенія Гавазы, Кварели и прочія окрестныя, для разоренія оныхъ до основанія. Также, что нѣкоторый Священникъ Іосифъ, селенія Гавазы, донесъ, что бѣжавшій прежде сего изъ отечества къ Царевичу Александру Князь Вачнадзе Бебуровъ, съ 4-мя товарищами, подѣзжалъ тайно къ селенію Гавазамъ, для уговора жителей онаго къ содѣйствію въ предпріятіяхъ помянутаго Царевича, которые яко бы на то согласились. Что сей Князь ихъ увѣрялъ, что Царевичъ непременно 23-го, или 24-го, числа сего мѣсяца прибудетъ съ Лезгинцами на поле Горисцвели, и съ онаго, съ небольшимъ конвоемъ, приблизится къ одной мельницѣ, близъ Гавазы находящейся, у которой жители сего селенія обѣщали его встрѣтить. Когда же все Лезгинское войско соберется, то что тогда Царевичъ Александръ пришлетъ къ начальникамъ войскъ Россійскихъ сказать, чтобъ изъ селеній отступали; буде же они тому не повинуются, то тогда уже на нихъ нападетъ, въ чемъ жители обѣщали всѣ ему помогать.

Еще же Князь Бебуровъ съ товарищами жителей увѣрялъ, что Царевичъ Александръ съ умысломъ распускаетъ слухи о нападеніи своемъ на Кизицкую область и крѣпость Сигнахскую, дабы привлечь войска Россійскія къ симъ мѣстамъ и отвлечь отъ Гавазы, Кварели и прочихъ, куда онъ стремится сильное учинить нападеніе. А что, если бы 23 и 24-го числа какія либо обстоятельства ему воспрепятствовали намѣреніе свое произвести въ

дѣйство, то чтобъ тогда жители Гавазъ, Кварели и прочихъ окрестныхъ селеній выходили къ Царевичу на встрѣчу на упомянутое Горисцвельское поле, для полученія отъ него повелѣній; что жители также обѣщались исполнить.

Сего же вечера Г-нъ Г.-М. Лазаревъ мнѣ сообщилъ разговоръ его съ Правителемъ о Ханѣ Ганжинскомъ, который, какъ отзывался Правитель, поведение свое нынѣ противъ Россiянъ весьма гордо располагаетъ, разглашая, что онъ не намѣренъ быть въ прiязненныхъ съ Россiянами сношенiяхъ; ибо, если они намѣреваются его лишить Ханства, то что все для него равно, быть ли съ ними снисходительну, или горду. Г.-М. Лазаревъ, не оказавъ ни малѣйшаго къ тому удивленiя своего, Правителю отвѣчалъ, что ни одинъ Ганжинскiй, но и всѣ сопредѣльные давно уже преступили границы гордости противъ Россiянъ.

28-го былъ у меня Тифлискій Хирургъ Татула, принимающій много участія въ Патріархѣ Даниилѣ, съ коимъ я говорилъ кой о чемъ по сему предмету. Онъ же мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что Ханъ Ереванскій призывалъ Даниила, но не извѣстно за чѣмъ.

Что Сардаръ Баба-Хана, Пиръ-Кулы-Ханъ, выступилъ для собиранія податей съ Хановъ Эрбижанскихъ, и собираніе начинается съ Нухинскаго, наиболѣе приверженности къ Россіянамъ оказывающаго.

Сего вечера, бывши у насъ, Царевичъ Давыдъ, между разговоровъ, изъяснялся съ огорченіемъ на счетъ коварствъ, Правителемъ чинимыхъ, и подписокъ, имъ собираемыхъ. Я любопытствовалъ у него узнать о сихъ подпискахъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что составленъ открытый листъ, въ которомъ означено, что Кахетинцы и Карталинцы избираютъ ходатаями по всѣмъ дѣламъ своимъ Князей Сардаря Орбеліана, Соломона Тарханова, Александра Макаева, Георгія Амилахварова, Запада Баратова и Сулхана Туманова; что сіи избранные составили листъ для собранія на ономъ подписокъ; что дворянство, изъявляя благодарность свою Правителю за доброе ими управленіе, его просить на всегда въ сѣмъ званіи въ Грузіи оставаться. Черезъ лазутчика же моего я получилъ вчерашній день свѣдѣнія, что листъ сей поднесенъ былъ Княземъ Баратовымъ Царицѣ Даріи, для приложенія ея печати, но что Ея Высочество отозваться изволила вопросомъ: по ихъ ли желанію въ Грузіи Коваленскій

опредѣленъ Правителемъ? А что на отрицательный отвѣтъ Князя Баратова, она ему сказала, что они напрасно на себя берутъ смѣлость избирать себѣ Начальникомъ, коимъ весь народъ не доволенъ. Что къ избранію онаго есть Высочайшая власть Государя Императора; а что ежели ихъ подписки могутъ заключать въ себѣ важность, то они могутъ обойтись и безъ печати на семь листовъ фамиліи Парской, нынѣ ничего не значущей.

О Дадіанѣ миѣ Царевичъ Давыдъ сказывалъ за достовѣрное, что онъ, будучи вытѣсненъ Паремъ, съ помощью 1,500 Лезгинцевъ, изъ Лечхума и Одиши, ретировался въ небольшое селеніе Чалодиди на Ріонѣ, противъ гавани Поти лежащее.

29-го прибылъ изъ Еривани Дьячокъ Армянскій, посыланый къ Хану съ письмомъ отъ Г.-М. Лазарева въ началѣ сего мѣсяца.

О показаніяхъ его смотри донесеніе отъ 31 Декабря.

ГРУЗИЯ 1803 ГОДА,

или ежедневныя записки извѣстіямъ, до меня доходящимъ.

Генваря 1-го получилъ Г.-М. Лазаревъ рапортъ отъ Командующаго въ Кахетіи кордономъ Г.-М. Гулякова, что хотя Царевичъ Александръ и располагался учинить нападеніе, о коемъ часто упомянуто въ Декабрѣ мѣсяцѣ на 23-е число онаго, но что оное отложено до 29-го.

Около полудни прибылъ съ Линіи Кавказской нарочный, привезшій отъ Главнокомандующаго ордера къ Г.-М. Лазареву и Правителю.

Къ Правителю, препроводивъ три Высочайшихъ письма отъ Государя Императора и Императрицы къ Царицѣ Даріѣ, содержащія приглашенія ея къ Высочайшему Двору въ С.-Петербургъ, предписалъ всевозможныя употребить средства къ тому, чтобъ Ея Высочество въ три дни собралась къ путешествію; а что касается до распоряженій, которыя бы она восхотѣла сдѣлать о своемъ имѣніи, то оныя могли бы токмо простереться на движимость, а недвижимость чтобъ поступила въ управленіе казенное.

А Г.-М. Лазареву предписывалось, чтобъ онъ, обще съ Правителемъ, приложилъ старанія Царицу выпроводить изъ Тифлиса, и какъ по уваженію, сану ея приличествующему, такъ и для предосторожности, на случай какихъ-либо покушеній со стороны неблагонамѣренныхъ, чтобъ было въ сопровожденіе ея назначено сильное прикрытіе. При семъ же ордерѣ прилагалось письмо къ Царевичу Александру отъ Главнокомандующаго, написанное по письму сего Царевича, Князя Чавчавадзевымъ полученному (о комъ упоминается въ запискѣ... Декабря прошлаго года), исполненное увѣреніями, что Его Императорское Величество Всемилоостивѣйше ему оказать изволить снисхожденіе во всемъ, если онъ разсудитъ въ отечество возвратиться, съ предписаніемъ Г.-М. Лазареву сіе письмо вѣрнымъ способомъ къ нему доставить.

Какъ сей день былъ праздникъ Новаго года, то Г.-М. Лазаревъ ѣздилъ послѣ обѣда съ поздравленіями или визитами къ особамъ фамиліи Царской. Будучи у Царицы Даріи, онъ въ ней не замѣтилъ ни малѣйшаго удовольствія отъ полученной Ею Высочайшею милости.

Будучи же у Царевича Давыда въ то самое время, когда къ нему принесли Высочайшіе рескрипты, Царицею полученные, для перевода оныхъ по Грузински, нельзя было не замѣтить того, что онъ, читавъ рескриптъ, перетолковывалъ смыслъ онаго въ томъ, что ее силою изъ Грузіи увлекаютъ.

Въ самое то же время посѣтилъ Царевича Правитель, съ которымъ Г.-М. Лазаревъ завелъ разговоръ о полученномъ имъ ордерѣ отъ Главнокомандующаго о поѣздкѣ въ Россію Царицы Даріи, и объ общихъ съ нимъ распоряженіяхъ по сему предмету. Правитель, однако же, съ перваго слова сказалъ, что онъ сомнѣвается, чтобъ она Высочайшею сей милостью воспользовалась. Однимъ словомъ, Правитель не могъ скрыть своего смущенія въ семъ слухѣ, и весьма было примѣтно, что сіе ему не по сердцу.

Г.-М. Лазаревъ, возвратившись домой, послалъ тотчасъ, во исполнение ордера Главнокомандующаго, предписаніе о воинскихъ отрядахъ для конвоирования Царицы.

Вечеру сидѣли у насъ Князь Гарсеванъ и Александръ Чавчавадзе. Къ намъ же пришелъ Протопопъ Грузинскій, Захарій Сидоменовъ, который, разговаривая съ Княземъ Чавчавадзе, его спросилъ: «Правда ли, что у Г.-М. Лазарева есть письмо отъ Главнокомандующаго къ Царевичу Александру?» Чавчавадзе же о томъ съ вопросомъ адресовался ко мнѣ, но я, отблываясь незнаніемъ, его просилъ узнать у Протопопа, откуда ему то извѣстно? Князь Чавчавадзе то исполнилъ, и мнѣ сообщилъ, что Сидоменовъ о томъ слышалъ въ домѣ Царицы Даріи, къ которой извѣстіе таковое дошло отъ Правителя, Г. Коваленскаго, получившаго о томъ увѣдомленіе чрезъ письмо съ Линіи.

Около полуночи пришелъ къ намъ конфидентъ нашъ, Мулла Тариверды, сообщавшій намъ предварительныя свѣдѣнія, имъ отъ пріѣхавшаго изъ Еревана посланца, Магмедъ-Али-Бека, изчерпанныя.

См. мое донесеніе отъ 4-го Генваря.

Генваря 2-го получено мною Армянское письмо изъ Ери-

вани, отъ Мелика Абрама, писанное къ Бегтабекову въ Тифлисъ, заключавшее много важности и открывавшее тайныя пружины единомышленниковъ Лжепатріарха Давыда.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Аудіенція въ сей день Ериванскому посланцу, данная Г.-М. Лазаревымъ.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Г. М. Лазаревъ получилъ сообщеніе отъ Правителя, что Царица путешествіе отложить изволила до совершеннаго выздоровленія.

Въ сей же день, при рапортѣ отъ Полковника Симоновича, Г.-М. Лазаревъ получилъ 57 возмутительныхъ писемъ, перехваченныхъ у нѣкоего дворянина Абазадзе, отъ Юлона Царевича въ Грузію вѣхавшаго.

4-го сообщенія конфидента нашего Муллы.

См. донесеніе мое отъ 4-го Генваря.

Видѣвшись въ сей день съ Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, я съ нимъ имѣлъ разсужденіе о способѣ понужденія Царицы Даріи къ скорѣйшему отъѣзду отсюда, и какимъ бы образомъ Царевича Вахтанга съ нею же проводить. Графъ, между прочимъ, мнѣ говорилъ, что онъ по ~~прѣжнему~~ совѣтовалъ сему Царевичу сопутствовать съ матерью, но что онъ отозвался, что лучше ждетъ быть слугою, но въ отечествѣ, а провожаетъ ея пусть Католикосъ.

5-го

6-го, по утру, пришелъ ко мнѣ Яковлевъ съ донесеніемъ, что находящійся при Царицѣ Даріи, довѣреннѣйшій ея Амилахваръ, Іосифъ Гургановъ, приходилъ къ нему для сообщенія и мнѣ донесенія отъ имени Царицы, что 4-го сего мѣсяца Правитель Грузіи, пріѣхавъ къ Ея Высочеству, ее упрашивалъ найбѣдительнѣе, на колѣнахъ, чтобъ она ему оказала послѣднюю милость, и чтобъ утвердила печатью своей атестатъ въ томъ смыслѣ, что онъ Грузіею управляетъ къ общему всѣхъ удовольствію и благодарности, но что Царица, ни чѣго ему на то не сказавъ, находится въ недомыслии, что ей начать.

* Такъ въ подлинникѣ. О. Б.

8-го изъ Шамшадилъ, отъ стоящаго тамъ съ баталіономъ егерскаго Подполковника Ляхова, полученъ Г.-М. Лазаревымъ рапортъ о происшедшемъ шарицелѣ съ партією Ганжинскихъ хищниковъ, отъ коей убитъ токмо одинъ Казакъ.

Въ партикулярномъ же письмѣ извѣщалъ Ляховъ, что прибывшій туда новый Моуравъ, Князь Тархановъ, повсюду разглашаетъ, что яко бы Князь Гарсеванъ Чавчавадзе въ писалъ къ Татарскимъ Агаларамъ, чтобъ они требуемыхъ Правителемъ хлѣбныхъ податей не вносили.

Сегодня дошло до меня свѣдѣніе, что Царица Дарія, при первой благополучной погодѣ, отъѣдетъ въ Россію, непременно, но что, по случаю сего путешествія, сдѣланъ уже ею планъ, до Царства относящійся, а именно: что она съ собою беретъ внука своего, сына Царевича Юлона, а сего предувѣдомила, чтобъ онъ до тѣхъ поръ не возвращался въ отечество, доколѣ она при Высочайшемъ Дворѣ Россійскомъ не исходатайствуетъ возведенія его на Царство и не подастъ ему о томъ свѣдѣнія.

Въ вечеру полученъ Г.-М. Лазаревымъ рапортъ отъ Г.-М. Гулякова, что хотя Царевичъ Александръ и имѣетъ въ готовности Лезгинскаго войска до 3,000, но что отправилъ въ Дагестанъ съ требованіемъ онаго, ~~еще~~ отложивъ нападеніе на Грузію до нѣкотораго времени.

9-го отъ сего же Г.-М. полученъ рапортъ, что въ Белоканахъ у Старшинъ Лезгинскихъ былъ совѣтъ, на коемъ положено отправить къ Алисканду въ Дагестанъ съ требованіемъ о умноженіи ихъ силъ, и что сіе уже исполнено. Что когда таковое подкрѣпленіе изъ Дагестана прибудетъ, то что съ Лезгинцами соединится и Ханъ Ганжинскій. Хотя Г.-М. Гуляковъ и предваряетъ въ рапортѣ своемъ, что военныя сіи операціи на Грузію начаться должны съ окончаніемъ Магометанскаго Байрана, 12-го Генваря, но вѣры къ тому имѣть не можно, по тому что за снѣгами на горахъ, чрезъ весь Февраль мѣсяцъ, не будетъ возможности Лезгинцамъ начать дѣйствія свои, кромѣ хищничества малыми партіями, которыя и нынѣ часто случаются. Сей же Г.-М. Гуляковъ въ рапортѣ доносилъ, что Царевичъ Александръ пребываніе свое имѣетъ въ деревнѣ Мугамъ, неподалеку отъ Джаръ, и что Старшины Лезгинскіе ему отовсюду сносятъ продовольствіе.

До обѣда посѣтилъ я Царицу Дарію, для поздравленія ея Высочества съ Высокомонаршею милостью. Такъ какъ мнѣ было

13-го вѣрный нашъ Мулла намъ сообщилъ сего утра слѣдующее:

Что пріѣхавшій въ Тифлисъ, нѣсколько тому дней назадъ, дворянинъ Абазадзе отъ Царевича Юлона, привезъ письма къ Царицѣ Даріи, Царевичамъ, Католикосу и Вахтангу, и Персіянину Мирзѣ Араби.

Что къ Царицѣ Даріи, между прочимъ, Юлонъ пишетъ, чтобъ она увѣдомила его о Царевичѣ Александрѣ.

А къ Мирзѣ Араби, чтобъ не оставилъ безъ увѣдомленія о извѣстіяхъ, которыя имѣтъ будетъ изъ Персіи. Что сей Мирза, въ отвѣтъ своемъ къ Юлону, его предварялъ, что Абазадзе, при обратномъ отсюда его отправленіи, будетъ снабженъ препорученіями по своему предмету словесными, для донесенія ему, Юлону.

Что на сихъ дняхъ пріѣхалъ скрытно человекъ отъ Царевича Александра, имѣющій словесныя же приказанія, для донесенія Царицѣ Даріи и Царевичу Вахтангу, что Царевичъ Александръ весьма хорошо принятъ первѣйшими Старшинами Джарскихъ Лезгинцовъ, которые ему дали твердое обѣщаніе, послѣ Магометанскаго Навруза (или Новаго Года, Марта 10-го), учинить сильное впаденіе въ Кизикъ и Кухетю, и что Кизихцы и Казахи такъ же дали слово Царевичу Александру не противоборствовать его намѣреніямъ.

Что есть въ Тифлисѣ два Армянскіе Священника, которые, купно съ Бегтабековымъ, будто писали къ кому-то въ Россію, для узнанія о Высочайшемъ подтвержденіи Патріаршества, и что яко бы получили въ отвѣтъ, что таковое послѣдовало утвердительною грамотою Давыду, а не Даніилу.

Что о томъ отъ сихъ единомысленниковъ писано къ Хану Ериванскому, и что Правитель, при обратномъ отсюда отправленіи посланца Ериванскаго, Магмедъ-Али-Бека, ему подтвердилъ подобное же для донесенія Хану.

донесено, по ея приказанію, о просьбѣ Правителя, на колѣняхъ учиненной, то я, въ секретномъ моемъ съ нею разговорѣ, старался того коснуться. Предваривъ ее учтивымъ образомъ, что о томъ до меня достигаютъ слухи, я просилъ Ея Высочество меня удостоить довѣренностью и мнѣ сказать, справедливы ли оныя, дабы ея устами я могъ быть выведенъ изъ заблужденія.

Она мнѣ признавалась, что хотя лично ей того Правитель яко бы не предлагалъ, но что, чрезъ своего довѣреннаго, разными способами, старался ее къ тому убѣдить. Что она, однако же, не столь проста, чтобъ вмѣшаться не въ свое дѣло, по тому что она не знаетъ, сообразно ли Высочайшей волѣ онъ управлялъ; знаетъ же то, что едва ли найдется душа въ Грузіи, которая, сохраняя наружность, внутренно не была бы огорчена противъ Правителя, за его злодѣйства; что на сихъ дняхъ Правитель и съ нею поступилъ весьма дурно, пославъ въ деревню, ей принадлежащую на Авлабарѣ, Есауловъ требовать съ оной податей въ казну; что Старшины деревни пришли къ ней (которыхъ тутъ же она мнѣ показала 6 человекъ) съ жалобами и съ предвареніемъ, что она, какъ помѣщица, буде прикажетъ подати вносить, то они тому повинуются; а при томъ, что, кромѣ податей, Есаулы взимали съ крестьянъ собственно на себя по 2 и 3 абаза. Такъ какъ мнѣ хотѣлось изъ нея извѣдать, скоро ли она изволитъ располагать отправиться въ путь въ Россію, то сію жалобу употребилъ въ пользу, сказавъ Ея Высочеству, что можетъ о такомъ поступкѣ Правительства подать свѣдѣніе Главнокомандующему. Она меня за совѣтъ такой благодарила, и я у Ея Высочества спросилъ: скоро ли она изволитъ выѣхать? Царица же мнѣ отвѣчала, что въ теперешнюю погоду и съ нездоровьемъ ея, выѣхать ей нѣтъ возможности, а что при первомъ удобномъ къ тому времени; что хотя на счетъ ея и говорятъ, что она отъ путешествія будто хочетъ отдѣлаться, но что, однако жъ, оставляя на волю всякому свое сужденіе, она всегда имѣла твердое желаніе ѣхать въ Россію, но что ей всегда къ тому противоборствовали, а что нынѣ, когда она получила уже Всемилоствѣйшее разрѣшеніе, то оному послѣдуетъ.

По чему я Ея Высочеству, чтобъ скрыть истинную цѣль моего любопытства, отозвался, что еще будетъ лучше, когда она, встрѣтившись съ Главнокомандующимъ въ Моздокѣ, лично о томъ Его Сіятельству изъяснить.

При семъ же случаѣ Царица меня, по обыкновенію, лаская и осыпая увѣреніями о своей ко мнѣ матерней привязанности и любви не менѣе, какъ таковыя питаетъ къ любезному своему сыну, Царевичу Вахтангу, мнѣ откровенно сообщила о мысляхъ, съ которыми она въ С.-Петербургъ отправляется, съ примѣчаніемъ, чтобъ сіе осталось между нами.

Что, какъ и мнѣ извѣстно, о бѣдственномъ образѣ жизни, который ведутъ ея сыновья, скитаясь по чужимъ землямъ, то что она, будучи уже при глубокой старости, послѣднее имъ хочетъ оказать матернее попеченіе ходатайствомъ у Престола Монаршаго для нихъ милостей, о устроеніи ихъ жребія, въ томъ видѣ, чтобъ имъ не было дѣлано никакого принужденія, а оставлено бы имъ было на волю оставаться спокойно въ своемъ отечествѣ, съ преимуществами ихъ сана, съ сохраненіемъ при нихъ имуществъ, родителей ихъ, Царемъ Иракліемъ, имъ жалованныхъ, а такъ же, чтобъ отдано было и снисхожденіе каждому изъ нихъ, который бы пожелалъ себя употребить на Высочайшую службу.

10-го Князь Тамазъ Орбеліановъ отнесся къ Г.-М. Лазареву письменнымъ увѣдомленіемъ, что, поелику онъ, узналъ, что свергнутый въ Цареградѣ Армянскій Патріархъ Григорій партіею истиннаго Патріарха Даніила, призванъ уже въ Карсъ, то онъ, Тамазъ, писалъ къ Пашѣ Карскому, чтобъ онъ его у себя сохранилъ, доколѣ не получитъ отъ начальства Россійскаго объ ономъ разрѣшенія.

11-го сообщены мнѣ происшествія, въ Тифлисѣ случившіяся.

За Цаваскими воротами есть небольшая Армянская церковь приходская нѣсколькихъ дворовъ, оную облегающихъ и Сардарю, Князю Ивану Орбельянову, принадлежащихъ, въ которой, по случаю праздника Армянскаго Пророка Давыда, на ектеніяхъ читалось поминовеніе Лженпатріарха Давыда, въ присутствіи Архимандрита Карацета. Архіепископъ Іоаннъ, о томъ узнавшій, призвалъ къ себѣ Священника, обѣдию служившаго, для допроса: по чему онъ осмѣлился то учинить? Священникъ же, признаваясь въ своемъ проступкѣ, объявилъ, что предъ самою обѣднею получилъ о томъ личное, строгое приказаніе отъ Сардаря Орбеліанова. По чему Архіепископъ Іоаннъ, избавивъ его отъ наказанія, требовалъ отъ него подписки въ томъ, что впредь отъ подобнаго будетъ удерживаться и безъ вѣдома его, какъ Викарнаго, не осмѣлится поступать такимъ образомъ; чему Священникъ повиновался.

